

18+ Евгений Лето

БУРЯ В БОКАЛЕ

Евгений Лето
Буря в бокале

«Издательские решения»

Лето Е. М.

Буря в бокале / Е. М. Лето — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514425-6

Милости просим в славный город Пьянтуз, в город, чей девиз «Все в гости к нам!». Три невероятные истории о том, как специалист по сугубо деликатным вопросам ввязался в историю с похищением древнего артефакта. Маг-недоучка решил покорять мир со своим единственным «Заклинанием невозможности». И в этом ему немало способствует Зак — заколдованный заяц, называющий себя Индивидуумом. А также монах монастыря «Святого Похмелана», постоянно попадающий в нелепые и курьёзные ситуации.

ISBN 978-5-00-514425-6

© Лето Е. М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Буря в бокале

Евгений Михайлович Лето

© Евгений Михайлович Лето, 2020

ISBN 978-5-0051-4425-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Из-за невысоких распахнутых, настезь мутных окон, а местами и попросту вывалившихся наружу покосившихся аляповатых рам, низкого, приземистого, будто вросшего в землю замка, вырывались, разлетаясь далеко окрест истошные крики, периодически срывающиеся на пронзительные завывания. И с каждой новой нотой, количество желающих присовокупить свой собственный голос в геометрической прогрессии только возрастало. Так мог шуметь старинный дворец начинённый, точно голова дурака причудливыми идеями, рассерженными привидениями, чей вековечный покой был грубо нарушен самым бесцеремонным образом. Бряцанье и лязг металлических предметов в купе с грохотом поспешно опрокидываемой мебели служили дополнительным аккомпанементом к всевозрастающим воплям и суровым угрозам адресованных, правда, неизвестно кому.

Казалось сам замок разбуженный истошным рёвом, подобно древнему окаменелому исполину, внезапно пробудившемуся от долгого летаргического сна, выплёскивал наружу всё накопившееся за долгие-долгие годы спячки нерастраченные эмоции. С сумбурной очерёдность и очевидной неразберихой окна-глазницы озарялись оранжевыми сполохами мечущихся в хаотичном беспорядке огоньков исходивших от чадающих факелов.

Гармонично, в общую какофонию голосов, вливалась беспокойное ржание растревоженных ночным галдежом лошадей, запертых в своих стойлах конюшни, что, прилегалась к замку вплотную. Не осталась равнодушной к «полуночному представлению» и псарня, решившая поддержать лошадей, а также находившихся внутри замка привидений или поправка беснующихся людей истошным дружным лаем. В итоге, получившаяся гремучая смесь, состоявшая из отборных ругательств, воплей и визга, вдобавок сдобренных животными рычанием, лаем и ржанием создало поистине не на что не похожую атмосферу всеобщего помешательства, сумбура страстей, некую аллюзию этакого наступающего апокалипсиса в миниатюре. Для полного соответствия не хватало ангела на небесах громогласно трубившего в рог, возглашая о конце бренного мира. Или на худой конец, если конец света в очередной раз отлаживался на неопределённый час, бригады санитаров с успокоительными дубинками, что получше любых пилюль и микстур утихомиривали и приводили в чувства не в меру разошедшихся гомо сапиенсов.

Общий гвалт был слегка разбавлен шумом битого стекла, прозвучавшего громким аккомпанементом крикам внутри замка. Заставив тарачившего жёлтые блюда глаз филина, что с неприсутим этим птицам крайним любопытством, подглядывал сквозь окна, следя за всеми перипетиями происходящего внутри беспокойно ухнуть и суетливо переступив с места на место захлопать крыльями, словно аплодируя. Не успели осколки просыпаться мелким каскадом дождя на пыльную давно не знавшей метлы дорожку, поросшую сорной травой, как из арочного, проёма выпорхнула, сильно размытая тьмой человеческая фигурка. Недолго паря, так как этаж всего-то был первым, она мягко приземлилась на свои двои и, не теряя ни единой лишней секунды, бросилась бежать прочь, будто за ней гнались все нечистые силы разом взятые, обитавшие в замке. Вот только тут невольно вставал вопрос – непонятно зачем стоило бить стекло, когда все окна и так держали распахнутыми, впрочем, этот факт неосознанного вандализма можно было легко списать на крайнюю спешку. Направление таинственная фигура избрала, не в сторону, запертых высоких врат с когда-то давным-давно острыми пиками наверху, а совсем иную противоположную ей, где виднелись очертания окаймлённые плющом высокого забора, опоясывавшего владения хозяев замка. Вслед тени из раззявленных как беззубая пасть окон полетели грязные ругательства, угрозы, бряцанье оружия призывы «немедленно остановиться или в противном случае хуже будет». В ответ тень лишь прибавила ходу, чем ещё больше раззадорила тех, кто пока что находился внутри замка. Но это дело было времени, причём достаточно непродолжительного. Забряцали замки, предваряя собой откры-

тие массивных дубовых створок дверей, дружной топот ног ознаменовал скорую неизбежную погоню.

Молодая луна недоумённо тарасилась со своей немислимо далёкой высоты, на то, как земляне умеют развлекаться летними вечерами там, в низу на далёкой, недоступной лунянам земле. Мы же в свою очередь не станем вдаваться в ход мыслей ночного светила, оставив высшие сферы звездочётам и обратимся, непосредственно к тому, что происходило сейчас во дворе неизвестного замка. А там, с шумным лязгом хлопнули мощные засовы, заскрипели несмазанные петли, предвещая собой, неизбежное открытие замковых врат, что за миг не замедлило произойти. Надрывно горланя и улюлюкая, из тесноватого освящённого дюжиной факелов проёма выплеснулась наружу пёстрая разношерстная толпа. Сперва их действительно можно было спутать с привидениями, ибо у доброй половины из них цвет лица отличался такой насыщенной синевой, что определённо создавалось стойкое впечатление, что это ожившие мертвецы поднятые силами зла. Но внимательно присмотревшись, а ещё лучше принохавшись, становилось сразу понятно, что это никакие не фантомы, а просто взбешенные стражники, выдернутые из сладкой пьяной дремоты. Наспех одетые, ржавые кирасы и непропорционально крупные шлемы, смахивающие более на котелки для варки шей, чем на грозный атрибут воина-стражника красовались на каждом втором. Остальные в лучшем случае довольствовались самодельными копьями или обыкновенными колунами. Горящие злобой воспаленные глаза не предвещали ничего хорошего виновнику ночной побудки.

Мощное амбре стражников, опережавшее их на добрый десяток ярдов, заставила охотничьих псов имевших острый нюх жалобно скулить не в силах вынести ядрёный дух самопальной скрутиловки. Мощного, безжалостного напитка выгонявшегося из всего чего не жалко и что находится под рукой, напитка, не щадившего никого, кто имел неосторожность выпить его, перед этим трижды не отфильтровав. Сей колоритный сброд, гордо именуемый баронской гвардией толкаясь и мешая друг другу сумел-таки приобрести некое подобие строя благодаря главным образом стараниям единственного трезвого человека в отряде – их командира, раздававшего налево и направо увесистые тумачи неродовым подчинённым. Сгрудившись, в следствии метким и чувствительным зуботычинам вокруг него и выслушав в короткой, но весьма доходчивой форме, что он думает про них и чего хочет, они бегло рассыпались по сторонам выполняя приказ.

Небольшая кучка бросилась в сторону псарни, ругаясь, на чем свет стоит, и суетливо принялась раскрывать дверцы вольеров, выпуская на свободу бьющихся в истерике гончих. Последние в предчувствии жаркой (хотя бы по той причине, что на дворе стояло лето) погони, а возможно и, желая, как можно скорее ускользнуть от нестерпимого для чувствительного носа животного духа жутких испарений скрутиловки распространявшейся от стражников свирепо скалились, нетерпеливо покусывая поводки. Остальная стража, придав синюшным лицам грозное воинственное выражение, обнажив дешёвые образчики мечей, принялась шумно прочёсывать прилегающие к замку территории: запущенные аллеи, заваленные всевозможным хламом дворик, подсобные помещения, садик, давно превратившийся в непроходимые заросли одичавших фруктовых деревьев и хаотичным переплетением колючих кустарников. Сквозь которые, стремительным галопом с прыжками через препятствия неслась таинственная тёмная фигура, огибая островки слишком густо разросшихся деревьев королевской абрикосы. Тут следует сделать небольшое отступление. Почему, вы спросите «королевская»? Что в этом обычном фруктовом дереве королевского? Ответ на этот вопрос давала старая или как кому нравиться древняя легенда. Гласившая, что невероятное количество веков тому назад в Бурляндии (имеется в виду название королевства) правил могущественный и непобедимый король Шалопай Второй, внушавший страх врагам и вызывая раболепный трепет подданных. Одна часть историков рисует его, как высокого широкоплечего воителя, с острым, будто у орла взглядом. Другая же часть описывает, его, как мелкого... впрочем, последние согласно печальной стати-

стике долго не живут, или вынуждены по причине крайней важности покинуть пределы королевства... так, вот ближе к теме садоводства. Великого монарха, на протяжении непомерно долгих лет мучила пренеприятнейшая хворь именованная «Каменным стулом». Отчего вечно хмурое, страдальческое выражение лица придавало его славе ещё более мрачности. Жаль, но портрета анналы истории для будущих поколений не сохранили. Так, что остаётся верить историкам на слово (оговорка, правильным историкам). Что только не предпринимал несчастный Шалопай Второй, какие немисливо из чего приготовленные микстуры не вливал себе внутрь, к каким знатным лекарям и известным знахарям не обращался. Ничего не помогало. Служители традиционной и нетрадиционной медицины (в чём меж ними заключаются различия, знали лишь они сами и то приблизительно) дружным хором разводили руками не в силах одолеть эту болезнь. Так бы, наверное, и отправился в край предков король – страдалец, кабы в один из прекрасных дней в городе не объявился заморский купец. За истечением долгих лет, как это часто бывает, имя его стерлось из истории. Так вот, прослышав про недуг Шалопая Второго, он, не медля ни минуты, отправился в королевский замок. Где преподнёс его величеству широкую фарфоровую вазу, наполненную до верха спелыми сочными фруктами, дотоле неизвестные никому. Диковинные плоды на зависть знахарям и наперекор научно-обоснованным доводам дипломированных лекарей, возымели неожиданный эффект. И вот впервые за двадцать с гаком лет, могущественный воитель, гроза врагов и отец всей Бурляндии, без клизм и прочих медицинских инструментариев, самостоятельно посетил отхожее место. В тот же день был объявлен пир, в честь сего знаменательного события. (Оно приходится на 16 августа и носит название «День облегчения») В этот день были помилованы и отпущены на все четыре стороны годами томившиеся в сырых темницах узники. На площади городов и городишек выкатывались бочки со скрутиловкой и бесплатно разливали всем желающим. Правда, желающих оказалось несравненно больше количества содержимого в подвалах пошла. Из-за чего чуть не вспыхнула народное восстание. Но, это уже совсем иная история и к нашей теме не имеет никакого отношения. Купцу, же за его значимую услугу короне был жалован, равный его весу мешок высшего качества поддельных динариев. А также выдан бесплатный билет на корабль обратно на родину. Из оставшихся после абрикос косточек садоводы вырастили саженцы и рассадили их по всему королевству. С тех самых пор и прозвали их «королевскими абрикосами».

Незванный посетитель чужих баронских покоев, заметив за собой нарастающую погоню отбросив, куда подальше свой грациозный мягкий бесшумный бег, ставший совсем бесполезным в столь удручающей ситуации и уже не разбирая тропы, на всех парах помчался к спасительной ограде. Его по-прежнему отвлекали, задерживая движение ветки абрикосы, нещадно хлеставшие по лицу. Кустарники ежевики, будто предчувствуя появления чужака, безжалостными каскадами острых колючек впивались в тёмные облегающие движение лёгкие сапоги, цеплялись за одежду в отчаянной попытке задержать его или хотя бы замедлить движение. Некстати подвернувшийся под мягкий кожаный носок ботинка камень разом сбил темп, едва не заставив беглеца растянуться плашмя на земле. Избежав падения каким-то чудом, он, быстро перегруппировавшись, продолжил движение, хотя уже и не такое стремительное как прежде. При этом манёвре стало видно, что фигура имеет отчётливо мужские признаки пола. Столкновение с неожиданным препятствием не прошло для возмутителя спокойствия бесследно, резко сбросив обороты, и, подволакивая ушибленной ногой терпя острую боль, он вприпрыжку засеменил дальше. Благо до каменной стены ограждения оставалось совсем недалеко. Но и преследователи, сориентировавшись, двигались в правильном или же с точки зрения для беглеца неправильном направлении, сужая кольцо огня вокруг него, словно разъярённые глаза детей преисподней, шарили, высматривая вёрткую жертву. Истошный лай собачей своры, свидетельствовал о взятии верного следа и неизбежности встречи, если она, жертва не прибавит скорости. Губы беглеца сжались в тонкую линию. Не теряя драгоценные крупицы времени,

он что есть силы, рванул прямо в заросли орешника. Тягучий летний воздух мягкой преградой встретил его там. И тут ночное небо осветилось блеском молнии.

– Яснолицый Мирус!

Сорвалась с его губ. В тот короткий миг, когда стало светло, как днем можно было отчетливо разглядеть, что под капюшонном таинственной фигуры скрывалось довольно симпатичное лицо молодого человека пребывавшего где-то на пороге тридцатилетия. Сейчас выражение его свидетельствовало об одном – то чего, он больше всего опасался, случилось. Проснулся и начал бушевать, а именно творить волшебство, маг барона Цахес Цугубер. Крохотный, золотисто-огненный шарик, пролетел в ярде от него, врезавшись в древнюю поросшую лишайником кладку забора. Выбив разноцветный снопок искр и мелкое каменное крошево. В воздухе запахло озоном вперемежку с прогорклым дымом зажаренного мха.

Наш таинственный незнакомец, отработанным до автоматизма приёмом закинул на забор верёвку с металлической кошкой на конце. Миниатюрные крюки, звякнув, цепко вгрызлись в швы между камнями. Дёрнув для пушистой надёжности один раз за конец верёвки и удовлетворившись в надёжности крепления, он, насколько позволяла саднящая боль в ступне, принялся карабкаться наверх.

Словно ожидая этого самого момента, из зарослей вырвалась лохматая гротескная туша четвероного чудовища. Ночную тьму подсветили налитые кровью глаза волкодава. В обрамлении свалывшейся шерсти двумя рядами шерились молочно-белые клыки, что с лёгкостью могли конкурировать с львиными.

– Да-ав-в!!!

Издав низкий утробный рык, зверь не раздумывая прыгнул. На единый короткий миг показалось, страшные челюсти неизбежно сомкнутся на поджарой мускулистой голени беглеца и с жутким хрустом ломаемой кости увлекут вниз за собой. Когда движимая внутренним должно быть уже выработанным годами инстинктом, в последний момент предполагаемая жертва сделала резкий молниеносный рывок вперед, и ушла от, казалось неминуемой встречи с зубами лохматого монстра.

Большущие лапы волкодава с громким шорохом сползли с шершавой поверхности стены. Поняв, что добыча ускользнула из-под самого его носа, ночной сторож разразился хриплым захлёбывающимся лаем.

Оставим пока удачливого молодого человека с наклонностями похитителя ценных и особо ценных вещей, как и разочарованного «милого пёсика» который так страстно хотел попробовать на вкус его, и перенесёмся далеко-далеко отсюда, на самую северную окраину королевства Бурляндии. Туда где берёзовые леса тесно соседствуют с хвойными рощами. Где на пологих изумрудных холмах величавые дубы застыли в вековом раздумье. Где девственные нетронутые ногой человека луга соревнуются в разнообразии пёстрых диких цветков и душистых пряных трав, аромат которых, смешиваясь между собой, разносится далеко окрест, пьяня и дурманя не хуже вина. Кусты земляники, голубики, смородины, буквально нашпигованы крупными сочными плодами, что под стать королевскому столу. Грибы, как на подбор все как один великаны, призывно выглядывают из-под каждого пня и маломальского кустика, будто сами просятся в лукошко грибника.

Вот только некому тут подойти и сорвать их, не ступает нога человека сюда, даже троп звериных тут не сыскать. Не найдёте вы в этих краях ни одного поселения, ни одной захудалого хутора. Не возделывают тут человеческие руки сады, не расставляет улики заботливый пасечник, не вспахивает поле крестьянский плуг. Не заглядывает сюда охотник, даже зверь обходит эти места стороной. Дороги здесь давным-давно заросли пьянь-травой. Лишь старый тракт ещё держится в борьбе со временем и матушкой природой стремящейся отвоевать законные территории, оккупированные когда-то в незапамятные времена назойливыми людьми, стереть его с лица земли, чтобы и памяти о нём не осталось.

Вы любознательный друг наверняка уже успели, задастся вопросом, в чём же причина сего недоразумения? Отчего столь благодатный край столь безлюден и заброшен? Ответ придёт сам собой, стоит вам подняться на самую высокую кручу, что высится на берегу реки Мутной и залезть на вымахавшую там до самого неба раскидистую ель. Если вам это удастся сделать, не свалившись при этом вниз, обрати свой взор на север. Там, сквозь клубы белесого как паутина тумана и пелену бордовых полос-змеек заплетающих причудливые узоры подобно размашистой кисти художника экзекциониста можно узреть сумрачные очертания замка. Вот перспективу закрыли набежавшие багровые круги, соединённые в тугой клубок мерцающих нитей, чтобы в следующий момент, образовать сложный узор колышущегося моря морских звёзд. Затем преобразившись в тягучие линии огненных ручейков растаять за клубками зловещего тумана. Сам замок в море колышущегося воздуха кажется расплывающимся тёмным пятном, меняющим свои очертания в зависимости под каким углом на него глядеть, от чего кажется ненастоящим, словно призрачный мираж, игра сильно разыгравшегося воображения. Но, это лишь на первый взгляд, на самом деле он вполне реален. Достаточно, реален, как может быть реальны стены, выложенные из огромных глыб гранита и базальта. Это вам подтвердит каждый житель Бурляндии, в независимости в каком уголке королевства он или она проживает, правда скажет вскользь, с явным нежеланием распространяться на эту тему. Ну, а ежели вы не удовлетворитесь этими крохами информации захотите подробностей и к тому же особо не ограниченные во времени смело отправляйтесь в таверну «Сказочная трапеза». Не пожалейте десяти медяков купив жбан разбавленной скрутиловки и подсядьте с ним к седому старику, что завсегда сутулившись сидит возле камина. Угостившись, старик во всех подробностях поведаст историю тёмного замка и его хозяина мага-отступника Магнолиуса. Чьё имя заставляет трепетать самых смелых и отчаянных охотников, а также бесстрашных воинов внушая неподдельных страх и ужас. К сожалению, сейчас у нас совсем нет времени, чтобы зайти в таверну и выслушать сей увлекательный рассказ. Тем более на границе северного края наблюдается прелюбопытнейшая картина. Вот на неё стоит взглянуть поближе.

Ветер свистел, задувая в уши потоки горячего воздуха, длинные остроконечные ушища, жавшиеся к рябым бокам, отчаянно несущегося по дикому лугу зайца. Тонкие жилистые лапы мелькали, точно хотели сбежать от своего хозяина. Выпученные от страха тёмные глаза неотступно буравили маячившую впереди спасительную можжевелиною рощицу. Позади, звук погони неумолимо нарастал. Заставляя и без того летящего на всех порах зверька прибавить ходу. Сердце отчаянно билась, и металось в груди, грозя в любой момент пробить грудную клетку и вылететь прочь, не выдержав столь стремительного темпа. Но по-другому было никак нельзя, опытные безжалостные преследователи не давали и на короткий миг перевести дух стремясь измотать его заставить остановиться.

Путь к спасительной чащобы преграждал весело журчащий серебристый ручей, что будто бы острым клинком разрезал узкую долину на две равные доли. В прозрачной, словно слеза воде малыми косяками резвилась, плескалась разноцветная мелюзга. Но не разглядывать, ни тем более любоваться ей, не было когда. Самый сильный инстинкт самосохранения неукоснительно, что есть духу, требовал нестись дальше.

Загнанный заяц, из последних сил разогнавшись отчаянным прыжком, которому мог бы позавидовать сам леопард, перемахнул ручей. Жаль, что этого прыжка не видели Зая и Дая, пронеслась сама собой неожиданная мысль в голове зверька обессилено рухнувшего в прибрежную липкую глину.

В след за этим выдающимся прыжком к воде подскочили два свирепого вида волка. Их глаза полыхали зелёным азартом погони. Вот уже битый час упрямый в своей жажде жизни заяц кружил и петлял, пытаясь от них скрыться в зарослях папоротника, оврагах бешеных кротов и неудержимого цветения заросших полей. Ничего не помогало. Хищники, взявшие след упрямо мчались за ним, не давая ни минуты на передых. Заяц обессилено оторвал вымазан-

ную в глине мордочку и устало взглянул на небо. Там между перистых облачков проглядывало ласковое солнышко.

Волки кружили около ручья. Их колючие взгляды жадно впились в лежащую, всего в нескольких ярдах от них, казалось совершенно сломленную жертву.

– Поцелуйте меня в лысый зад!

Заносчиво бросил им заяц на зверином, понятном для животных языке, неспешно поднимаясь и отряхивая слипшуюся грязь с короткой шерстки. Демонстрируя всем видом своим полную неуязвимость, и презрение к опасности.

– Вихрь, может к хозяйке луне этого косоного, не нравятся мне здешние края.– Вопросительно-просяще взглянул на своего более опытного и сильного собрата молодой волк.

– Не канючь, мы уже почти нагнали его. Последний рывок и он наш.– Прорычал в ответ матёрый волк в тёмных подпалинах и медленно, но уверенно двинулся вброд через ручей, разогнав тем самым стайки разноцветных рыбёшек, а за одно и миф, что волки боятся воды. Молодому напарнику ничего не оставалось, как последовать за ним. Не хватало, чтобы за ним распространилась слава труса. Мысль о том, что подумает о нём Пухнатая, когда узнает, придала сил.

Заяц, мигом смекнув, что к чему без оглядки бросился к густо поросшему можжевельнику. Он с самого детства отличался сообразительностью. И имел непреодолимое желание сохранить её до глубокой старости. Для этого необходимо всего было лишь выполнить одно условие, а именно – выжить. Не лёгкая задача, если принять во внимание какие преследователи сидели на его куцем хвосте.

Колючие ветки больно хлестали заострённую мордочку, мешая быстрому продвижению, благо волкам тоже приходилось не сладко. Вот только силы начинали потихоньку оставлять его. Не смотря на то, что он считал себя превосходным стайером, как и любовником, драчуном и отличником всего прочего, всё-таки тягаться на равных с двумя поджарыми волками никак не мог. Паника потихоньку захватывало его в свои сети.

– Вихрь надо возвращаться. Дурное это место. Чёрный человек здесь обитает.– Предпринял еще одну попытку отговорить своего старшего собрата от дальнейшей погони молодой волк.

– Заткнись Вук. Твой волчачий скулёж начинает уже доставать.– С заметной отдышкой тяжело, рыкнул на него в ответ, вошедший в раж хищник продолжая держать темп.

Слегка обиженный молодой волк огрызнулся.– Я не скулю. Просто помню наказ Большого Клыка, сам припомни, как, он нам всегда повторял, чтобы никто из стаи не заходил на тёмные земли.

– Не переживай. Мы не собираемся здесь надолго задерживаться. Возьмём косоного и обратно. – Проползая на брюхе под колючей веткой заверил того Вихрь.

– Но...

– Не трать понапрасну дыхание.– Не дал досказать своему младшему брату Вихрь, зло, бросив и прибавив ходу.

Вук не в силах более перечить, крепко зажмурившись, нырнул следом под сухой истыканный колючками куст.

На ущербной, поросшей полынью и прочей ядовитой растительностью полянке низким ковром стелился густой, просто таки молочный туман. Он, как липкая вата напелз на сваливающуюся, мятую траву насыщая её нездоровой влагой, которая в отличие от обычной не питала её, а наоборот отравляла. Лучи висящего высоко в небе солнца безуспешно пытались выжечь, испарить этот аномальный, противоречащий самой природе туман. Но он упрямо не желал сдавать своих позиций, возникая и клубясь из-ниоткуда. Только лишь где стояли две облачённые в тёмные плащи фигуры, он немного, словно робея, отступал, как будто опасаясь к ним

вплотную приближаться. Не станем и мы этого делать, оставшись на безопасном расстоянии, и положимся на острый слух.

– Свин, – обращался высокий уже немолодой, но довольно-таки крепкий на вид мужчина, к низенькому в избытке упитанному собеседнику, – запомни, как следует всё, что я сейчас тебе сказал, и смотри ничего не перепутай, как в прошлый раз. – Его тихий зловещий голос был подобен туману, такому же низкому и таящемуся скрытую угрозу.

– Да, господин ничегошеньки не забуду и не спутаю, уж будьте уверены во мне! – горячо заверял тот, кого звали Свином. – Более того, я даже старательно записал все, что вы мне поведали, дабы ничегошеньки не спутать! – жирные, похожие на сардельки коротенькие пальцы выудили из-под полов бесформенного балахона мятый-перемятый, сильно замусоленный клочок бумаги. – Вот она, гордо заявил он, едва не сунув под самый нос Высокому.

– Какого проклятья ты суешь мне эту грязную бумажку со своими ничтожными каракулями! – гневно воскликнул тот и тут же спохватившись, заорал. – Ты, что дуралей вписал на неё все мои инструкции??? – выцветшие серые глаза Высокого, вспыхнули яростным алым пламенем готовым буквально испепелить нерадивого слугу. Туман, протянувший тонкую щупальцу в сторону ноги Высокого отпрянул в испуге, словно был живым разумным существом и желал и дальше оставаться таковым – живым.

– Я нет, то есть да, это как его, ну, в общем, я не то имел виду. – Толстячок обильно потел, и одновременно его пробирал сильный озноб, страх сковал мысли, которых в голове и без того всегда ощущался заметный дефицит. Только одна мысльшка вертелась сейчас в его скудном умишке – что бывает, когда хозяин сильно гневается, и, то, что случается вследствие этого. Оправданий как на погибель никаких он не мог привести в данный конкретный момент, ибо привык всегда сваливать вину на кого-то другого, только не на себя. Вот только в сложившихся обстоятельствах это правило не работало, разве что оставалось обвинить самого себя. Крамольная, однако, мысль....

– Слушай меня внимательно свинюка, – сильные с набухшими синими жилами руки крепко ухватили узел плаща под тройным колышущимся жиром подбородком трясущегося от страха человечка. – Я тебя сейчас превращу в кабана, а потом вдобавок ещё и кастрирую.

Маленькие пороссячьи глазки, на круглом как колобок лице бегали, точно два маятника влево-вправо. Непередаваемый ужас плескался в них. – Не надо хозяин прошу вас, только не это, пощадите! – дрожащими губами взмолился он, изрядно портя воздух.

Лицо Высокого в немой гримасе отвращения сморщилось. Пальцы не спеша, разжали воротник, но пока не спешили выпускать его полностью из своей хватки. – Заруби себе на носу, я тебя не писарем и секретарём призвал, хотя и чую, что к беде своей напрасно обучил тебя письму и грамоте. Ты мне нужен совсем для других целей. Иль будешь выполнять, что я тебе сказал в точности или отправишься обратно в помойную яму к своим дружкам и родственникам, ты уяснил?

– Да-да, господин ваше слово для меня нерушимый закон... пролепетал перепуганный до смерти слуга.

– Вот так-то, запомни это раз и навсегда. – Остывая промолвил Высокий, медленно пряча руки обратно под плащ.

Свин сник, будто сдувшийся шарик, вернее большой воздушный шар который пробили шилом, причём в нескольких местах одновременно. Он натужно задышал, глотая большими глотками воздух и вытирая тряпкой, что когда-то давным-давно назывался платком густые сопли, сочившимися с мясистого пятакообразного носа.

– Всё сделаю, как вам угодно мастер Магнолиус, в лучшем виде исполню. Уж вы во мне можете не сомневаться, я вас в жизни не подведу! – Едва отдышавшись, подобострастно закивал головой он, понимая, на сколь близко находился только что от погибели своей.

– Ладно-ладно, – известный всему миру чародей сменил гнев на милость, продолжил.– Теперь давай ещё раз повторим. Итак, когда ты, воспользовавшись моими гениальными инструкциями и э... всем тем, что к ним прилагается, когда...

Он не успел договорить, как из-за зарослей можжевельника стрелой выскочил рябой заяц и, не замедляя ход, врехался тому прямёхонько в пах. Последовавшее вслед за запрещённом в подавляющем большинстве видов спорта ударом, высокое сопрано, засвидетельствовало точное попадание в цель.

– Мать моя магия! – вопил грозный Магнолиус внушавший страх и наводивший ужас на всех людей, живущих от севера катаясь по траве и сыпля проклятиями.

Незнающий, как поступить в столь деликатной ситуации и главное как помочь, а если быть до конца честным, как избежать того, что называется «попасть под горящую руку», Свин топтался в нерешительности на месте. Затем, всё же набравшись храбрости, наклонился, было к нему, но тут же сбитый сам с ног присоединился к хозяину, накрыв его на какое-то мгновение под своей массивной тушей. Это преследовавший зайца Вук в азарте погони, не рассчитав дистанцию, налетел, сзади угодив тому аккурат в его жирный зад. Второй крик с интервалом меньше минуты всколыхнул округу. Свин возорал будто боров, угодивший под нож мясника. Волк, пребывающий в лёгком нокауте, попытался осмотреться вокруг. Сквозь хоровод кружащихся звездочек и пелену застилавшую взгляд он заметил Вихря своего старшего напарника, который почему-то со всех лап улепётывал прочь, точно у него на хвосте сидели все гончие мира. Затем ему на глаза попало перепуганное лицо толстяка мычащего что-то несуразное на своём человеческом языке и чешущего своей пятерней огромный пухлый зад. Переведя взгляд на долговязую фигуру, он будто во сне наблюдал, как тот тяжело болезненно морщась, подымается на ноги, сжимая в руках слабо барахтающийся рябой комок. В голове вращались бессвязные обрывки мыслей, мелькали фрагменты погони, стоял гул в ушах последствия сильного удара о зад двуногого, он никак не мог взять в толк, что произошло, пребывая в полной прострации. Впервые угодил он в такую ситуацию. Лапы словно взбунтовавшись, отказывались его слушаться. Если бы рядом с ним находился Вихрь, он, конечно, объяснил ему бы, что всё что сейчас тот испытывает, является последствием удара. Но его не было поблизости, и он не мог сказать ему, что всё это сущая ерунда в сравнении, что его ожидает в скором будущем. Ибо над ним держась руками за промежность подымался воплотившийся в жизни кошмар – человек в чёрном! Юный волк много историй слышал про этого двуногого, и не одна из них не имела счастливого завершения. Никто не мог похвастаться, что, столкнувшись с ним нос к носу, выжил. Недаром его боялись и звери и охотники. Он наводил ужас далеко за пределами своей вотчины – тёмного замка стоящего неприступным исполином на севере.

Инстинктивно съёжившись и обнажив ослепительно-белые клыки, волк медленно принялся пятиться в сторону кустов. На какой-то короткий миг ему, даже почудилось, что удастся благополучно скрыться с места неблагоприятного знакомства. Тем более что он не причинил лично чародею никакого вреда, если не принимать во внимания жирного толстяка и его мясистый зад. Но нет, чудо не произошло. Когда до спасительной чащобы оставалось полкорпуса, он ощутил, как невидимый аркан сдавил мощную шею. Вук зарычал и попытался освободиться от накинутах невидимых пут, крутя из стороны в сторону головой. Бесполезное занятие. Удавка, лишь крепче затягивалась, и жгла, словно была огненная, причиняя нестерпимую боль. От бессилия и отчаяния он издал жуткий вой. Петля не замедлила усилить давление, сжав до полной немоты голосовые связки.

Магнолиус, тем временем худо-бедно пришедший в себя сурово хмурился. Седые кустистые брови сошлись в единую цельную линию. Ему давно не приходилось чувствовать подобную боль. Он уже успел позабыть, как это бывает чувствовать боль. Но навыки, накопленные долгими прожитыми годами, никуда не делись. По крайней мере, пребывая в не лучшем состоянии, он сумел-таки накинута аркан повиновения на шею волка и сковать чарами неподвиж-

ности. Но, не лишь физические страдания мучили его, сама мысль, что не кого-нибудь там, а самого великого и ужасного Магнолиса заставили корчиться от боли, как какого-то не в меру разгорячённого от бьющих в голову гормонов подростка, заработавшего по свербящему месту от вздорной дочки булочницы неправильно воспринявшая к ней его горячие чувства.

– Любопытно, однако, заяц и волк. Хм, прям как в той сказки.– Продолжая морщить лоб, то ли от боли, то ли от глубоких копаний в памяти забытых воспоминай, размышлял вслух Магнолиус.

– В какой такой сказке господин? – услужливо полюбопытствовал Свинг, продолжая почёсывать ушибленный зад, валяясь на боку благоразумно решивши пока не вставать на ноги. По своей наивности он считал, что лежащих не бьют...

– Неважно.– Не считая необходимым объяснять слуге про какую сказку речь идёт, отмахнулся от него, как от назойливой мухи маг.– Лучше на, поддержи это. – Он передал ему в трясущиеся руки увесистый рябой комок.

– Зайчик. Расплылся в широкой плотоядной улыбке Свин.– Какой аппетитный зайчик, я знаю один превосходный рецепт приготовления зайчаткины. Пальчики оближешь.– Отчетливо наяву представив пышущее жаром блюдо со всеми полагающимися специями и добавками, он едва не поперхнулся собственной набежавшей слюной.

– Оставь мысли о еде! – разрушил кулинарные мечты слуги гневный возглас Магнолиуса.– Это самое нелепое наказание быть переработанным желудочными соками. Толку от него грош.

– Но, как же, от покушать всегда есть толк. А от вкусно покушать, толк ещё подавно есть какой! – забывшись на миг от упорхнувшего из-под самого носа блюда со свежезапечённым зайцем, что уже миражом плывал перед его мысленным взором, разочаровано произнёс толстячок.

– Да? И какой же по твоему мнению толк, если ты съешь его, будет мне? – усмехнулся Магнолиус.

– Ну, почему же только я один. Вы тоже отведаете сие блюдо.

– Какой ты, погляжу я, великодушный Свин. Спасибо, что не позабыл обо мне.

– Рад, служить вам величайший! – слуга надулся от важности мисси выпавшей на его долю, не улавливая откровенного сарказма, сквозившего в каждом слове мага.– Более того, я хочу поведать вам хозяин, что знаю не один лишь рецепт приготовления зайчаткины, а ещё четыре и один запасной, гордо воздев подбородок, отрапортовал Свин.

– «Запасной» это что за вариант такой? – Магнолиус впервые за весь диалог со слугой, проявил признаки любопытства.

– Ну, это ещё не проверенный значит, но очень *перспективированный*.– Попытался несколько неудачно блеснуть умом Свин, вставив в свой лексикон сложное замысловатое слово.

– Перспективный, дурень! – поправил того Магнолиус.

– Во-во! Именно такой. У меня как раз рецепт с собой записан есть.– Он потянулся пухлыми ручками к широченным карманам, но маг быстро пресёк все его потуги.

– Не надо никаких рецептов! Его, – он ткнул длинным без признаков артрита пальцем в зайца, – ждёт иная участь. К тому же у меня от зайчаткины несварения.

– Но у меня же нет.– Тихо пробормотал себе под круглый нос Свин. И тут же спохватившись громко добавил.– Что же мы с ними сделаем? – он изо всех сил стремился угодить Магнолиусу.

– Сейчас всё увидишь...

Чародей зловеще усмехнулся, чем вызывал сильную дрожь у толстяка. Бескровные губы зашептали что-то бессвязное, сопровождая слова лёгкими пассажами рук.– Положи зайца на землю, – резко бросил он, не отрываясь от занятия.

Свин поспешил исполнить приказ. Он до конца не верил, что зайчатины ему сегодня не придётся отведать. Но пререкается с магом, чьё имя внушало страх всем обитателем Бурляндии, не мог и помыслить. Волк тихо обречённо заскулил. Откуда-ни возмись, налетел ветер, всколыхнув пожухлую траву. В воздухе отчётливо засмердело протухшими яйцами, верный признак творящейся неподалёку злой волшбы. « – Надо держаться тыла», подумал Свин и отодвинулся подальше. Заяц, дотоле валявшейся бесчувственной куклой неожиданно пришёл в себя и заморгал ничего не понимающими глазами. Короткая коричневатая шерстка встала дыбом. Длинные уши прижались к спине.

Тем временем ветер стал закручиваться спиралью, превращаясь постепенно в самый настоящий вихрь. Стремительно набирая обороты смерч, будто хищник почуявший добычу стремглав устремился к центру полянки. Свин испуганно попятился назад, не сводя тревожного взгляда от магического веретена. Магнолиус же напротив ничем не показывал волнения или неуверенности, пребывая в своей стихии. Шепча заклинания, он полностью погрузился в мир магии. Ветер усиливался, а запах тухлятины стал совершенно невыносимым. Туман всколыхнулся и принялся истаивать, теряя плотность. Раскрутившись до умопомрачительной скорости, вихрь кинулся на замершего от страха зайца и мигом поглотил его. Затем, не сбрасывая оборотов, налетел на отчаянно бьющегося в невидимых силках волка и также бесследно всосал его. Магнолиус теперь говорил заметно громче, размахивая руками, как дирижер Пьянтусовского оркестра. Свин попытался прислушаться, но кроме непонятного: кыр-дыр-мыр-дыр-хряк ничего не разобрал. Смерч, взревел, достигнул своего апогея. Глаза не успевали фиксировать его обороты, поэтому он виделся сплошным матовым столбом.

Магнолиус резко замолк, и, замерев на месте, склонил голову, будто прислушиваясь к чему-то или вспоминая что-то. Прошла минута, вторая – ничего не менялась. Свин знал, что хозяина нельзя беспокоить во время волшбы. Поэтому тоже стоял, боясь пошевелиться.

Наконец, встрепенувшись, чародей резко хлопнул в ладоши и выкрикнул заковыристое слово. Столб мгновенно рассыпался, разлетевшись невидимыми в реальном мире ошмётками силы исчезнув без следа, как и появился. На том месте, где всего минуту назад вращалась жуткая юла, на лысом пяточке без сознания в полном одиночестве валялся один волк. Что он жив, свидетельствовала мерно вздымающаяся грудка.

– А где заяц? – глупо хлопая ресницами, выпалил сбитый с толка Свин, опасливо озираясь по сторонам в тылу у себя, он не хотел более оставлять никого.

– Здесь. Лежит прямо перед тобой, – усмехнулся в ответ маг.

– Передо мной? – ничего не понимающий слуга грозного Магнолиуса тупо уставился на мирно развалившегося волка.– Ничего не понимаю, – протянул он окончательно сбитый с толку.

– А тебе и не надо понимать высшие материи недотёпа! – ощерился жуткой ухмылкой чародей и разразился жутким демоническим хохотом, от которого у Свина засосало под ложечкой, и даже пропал аппетит.– Трепетная лань и охотник спаяны в одно тело! – воскликнул Магнолиус, явно забавляясь проделанной работой.– Подножный корм, мяса и кровь, вот потеха! Ха-ха-ха! Такого гурмана свет ещё не видывал! – зловещий смех разлетелся далеко окрест пугая птиц, зверей заставляя их забиться поглубже в укрытие и трепетать там от страха.

Свин ничего не сказал по этому поводу, но про себя заметил, что лучше было бы его все же съесть, чем превращать в непонятно что....

Редющий мрак неумолимо истаивал, под все разрастающейся полосой нового дня. Первые робкие лучики проснувшегося солнца спешили, безвозмездно поделиться своим теплом с потянувшимися к ним на встречу растениям и цветам. А также, вернувшимся к активной деятельности мелким комашкам. Животные что вели дневной образ жизни, позевывая и потягиваясь, выбирались из своих ночных убежищ, чтобы тоже получить свою порцию тепла. Чистое

небо сулило жаркий погожий денёк. Лето в Бурляндии достигло своего апогея и хотя, как правило, в этих краях никогда не было особо холодным, в этом году оно выдалось на удивление жарким, засушливым и безветренным. Местные сторожили, уверяли, что эдакое погодное явление первое на их памяти и что подобного ещё не случалось.

Не медля, как это бывает только летом, солнечная колесница понеслась по гладкой синеве неба, озаряя мир своим ярким светом. Её путь, в том числе пролегал мимо длинного, извилистого тракта, что песчаной змеей тянулся, петляя меж бесчисленной череды холмов, пронзая широченную зелёную долину и теряясь где-то далеко за пределами горизонта. Высокая трава, вымахавшая до пояса среднего роста человека, с высоты напоминала зелёный безбрежный океан. Спокойные воды, которого безмятежно замерли, впитывая солнечную энергию далекого светила.

Застывшую идиллию раннего утра нарушал, один-единственный мерный перестук копыт. Принадлежал он темноватому мулу, что повесив голову, сонно плёлся вдоль запыленного большого. Весь его вид, в особенности хитрые лиловые глаза выражали молчаливый протест против прогулки в такую рань, когда добропорядочному животному следовало бы валяться в хлеву на мягком сене и видеть сны где он не жалкая помесь кобылы и осла, а величественный единорог, чей гордый вид не вызывает сомнений, что он самый красивый и лучший во всем мире! Или хотя бы вожак, возглавляемый большой табун диких лошадей, что несётся по бескрайним прериям юга. Но, мечты оставались лишь мечтами (а животные тоже грезят, только молчат об этом), суровая же действительность напоминала о себе покачивающими стройными ногами, болтавшимися почти возле самой земли, и грузом в районе хребта никак не меньшим 160 фунтов. Довеском ко всему выше перечисленному служил раздражавший скотину невестёлый мотивчик насвистываемым ездоком, который являлся никем иным, как ночным возмутителем спокойствия замковой стражи, устроившим там настоящий переполох. Пришла пора познакомить тебя любознательный читатель с ним поближе. Итак, прошу уважать и жаловать – Фредерик де ля Нойс, он же Фрэнос. Высокий, светловолосый, с голубыми, как сами небеса глазами, двумя тоненькими полосками усов под прямым носом, был достаточно молод, тридцати лет от роду или около того. Гордый профиль явственно свидетельствовал о его принадлежности к благородному сословию. И фамилия, доставшаяся ему при рождении, служила тому ещё одним подтверждением, а именно, причастности к древнему дворянскому роду. Роду, давным-давно утратившему своё былое величие и вынужденного вести жалкое существование в пыльных архивах времени. Сейчас мало кто помнил о славном роде Нойсов. Потомков рыцарей, чей выбитый на щите герб, меч и рогатина на белом фоне, внушал благоговейный страх врагам короны. Правда находились некоторые зло сказители и завистники, утверждающие, что белый фон, не что иное, как столовая скатерть с лежащими на ней столовыми приборами – ложкой и вилок. Якобы, чем на самом деле прославился этот род на полях-пирах, а не на ристалищах и славных баталиях. Но, кто бы там чего не говорил о заслугах предков, Фредерик никогда не ставил их под сомнения, являлся прямым потомкам сего достославного рода. И хотя он сам, не родился и вырос в родовом поместье, а также не воспитывался сведущими в этикете и прочими науками наставниками, но голову имел ясную и манерами обладал вполне благородными ни в чем, не уступая своим более богатым сверстникам, кроме, разве что умением много выпить и поесть в три глотки. Кличку Фрэнос он получил в преступных кругах, где известностью пользовался неимоверной. О чьих похождениях ходили легенды и слагали куплеты. Он заслуженно носил титул лучшего вора Бурляндии или одного из лучшего, дабы других не обидеть, берясь подчас за самые сложные, на первый взгляд кажущимися невыполнимыми задания. Мало кто мог с ним сравниться в умении бесшумно проникать в тщательно охраняемые дворцы и открывать самые сложные замки. Похищая ларцы и древние артефакты перед самым носом у лучших охранников. Скользить незаметной серой тенью по улицам и лазить по голым отвесным стенам насмехаясь над высотой. Славился он и ловкостью и природной смекалкой.

Был осторожен и расчётлив. Имея репутацию самого надёжного исполнителя в особо деликатных и опасных вопросах. Но, видать, даже всех этих умений и всего накопленного опыта не хватило ему вчера ночью, чтобы выполнить последнее задание...

Не понукая мула, опустив поводья, он напряжённо думал, стараясь разложить всё по полочкам, где допустил ошибку, в чём оплошал и почему не сработал план, столь тщательно и скрупулёзно разработанный им же самим. Стражники, вопреки предаванию долгими днями и ночами безделью, привычным ополаскиванием горла скрутиловкой, на удивление быстро и оперативно сумели сориентироваться в возникшей ситуации, чуть было, не схватив его. И это не смотря на все меры принятые для бесшумного проникновения в замок. Как-то запас магических амулетов, отводящих глаз и нюх от чувствительных носов тварей подстерегавших там и прочих хитрых ловушек. Он никому не говорил куда отправляется и что за дело предстоит. Он детально изучил чертежи замка, купленные у авторитетного архитектора, не брезговавшего за хорошую плату предоставлять их. Провёл полную подготовку, что была непоколебимой константой перед любым заказом. И не смотря на все усилия, затраченное время, силы, план провалился. Что-то пошло не так. Мысль острой занозой засела в голове и не давала покоя, свербя точно надоедливый москит. «Где я совершил промах? Где сплеховал? Неужели потерял хватку?». Неотступно задавался он терзавшими его вопросами, не находя на них подходящего ответа. Перспектива очутиться без работы если не пугала, то точно сильно озадачивала – пенсии людям его профессии не полагались...

Не смотря на ранее утро, солнце потихоньку начинало припекать. Фред, смахнул жёсткую прядь со лба и надел широкополую соломенную шляпу. Нынешним летом эти головные приёмы пользовались огромной популярностью. Хлебнув из фляги тёплой воды, он вытер рукавом жёлтую спелую грушу и откусил добрый кусок сладкой мякоти. Пережевывая, он оглянулся назад. Ничего. Всё тот же пустынный пейзаж. Раньше, здесь пролегали пути торговых караванов. Когда же был построен новый тракт, прежний, более длинный и неудобный пришёл в упадок. Но Фрэносу нравилась старая дорога. Хотя и приходилось ехать дольше, зато не было докучливых спутников, любопытных попутчиков и прочего дорожного люда. Как раз самое то, чтобы подумать поразмышлять, как следует, не отвлекаясь ни на кого-либо. Задумавшись, Фред, едва не свалился с седла. Причиной тому послужила не большая, но коварная рытвина, на сыпучий край которой по неосторожности ступила нога мула.

– Кори, – потрепал наемник тёмную гриву мула, – ты так больше не шути. Иначе придётся пустить тебя на колбасы. Помнишь, хозяин лавки предлагал за тебя, аж три динара?

Мул, как будто уловив суть сказанного, повернул голову и жалобно заржал.

– Ну-ну, не обижайся дружище. Я всего лишь пошутил.– Успокаивающе почесал того за ушком Нойс. Он любил эту флегматичную, но хитрющую, как ласка скотину, помогавшую скоротать ему время на дороге и еще служившим приятным напоминанием о его хозяйке прекрасной доньи Марии Арчибальди последней возлюбленной известного наемника. В знак своих сильных, пламенных чувств к нему, она преподнесла в дар сего ненасытного, упрямого и вечно сонного мула. При воспоминании об этой знойной горячеей, как само пламя даме, настроения у Фреда немного улучшилось. Не случись с ним ночной оказии в замке Жирдяя, он бы наверняка заехал к ней, скажем на недельку погостить, а так теперь предстояло разбираться в делах. Его ожидала впереди не лёгкая беседа с заказчиком. Утешало в этой истории одно – его не проинформировали об одной важной детали...

Вдали замаячила холмистая гряда – верный признак скорой встречи с цивилизацией. За холмами старый тракт сливался с новым и вел, не сворачивая, прямехонько до самого Пьянтуза. Второго города по величине после Бухантуса – славной столицы Бурляндии. Фреду нравился этот шумный портовый город. Пьянтуз находился на юге королевства и выгодно, отличался от своего старшего собрата весёлым, бурным нравом, и более мягкими порядками. Так, в отличие от строгой столицы, местные власти сквозь пальцы глядели на мелкие шалости домо-

рощенных ухарей и заезжих кондотьеров. Справедливо полагая, что лишние динары, полученные от них в виде налогов, пожертвований (порой от которых нельзя было отказаться), да и просто оставленных в лавках и тавернах, в городской казне не помешают. Это там, в благополучном Бухантусе жизнь мёд душистый, а здесь надо выживать рассуждали местные отцы города и как могли, выживали. Впрочем, надо заметить, местами довольно таки не плохо, что не могло сказаться на росте и пышности замков местных донов и синоров.

Нойс в отличие от них не являлся обладателем обширного поместья, более того у него даже постоянного места обитания не имелось. Его беспокойный образ жизни, явно не располагал к оседлой жизни. Он подолгу нигде не задерживался, предпочитая постоянно пребывать в тени. Бесчисленные съёмные комнатухи стали его вторым родным домом, которого у него, в общем-то, никогда и не было. Он особо не горевал по этому поводу, в полной мере осознавая древнюю поговорку – «Каждому свой удел». Своим домом он считал сам Пьянтуз и уж более не мыслил себя без стен этого приморского города и пёстрого люда проживавшего в нём.

Так тихо насвистывая себе под нос и размышляя, Фред миновал пологую вереницу утопающих в зелени холмов, за которыми старый тракт плавно переливался в новый становясь заметно шире. На обочине то тут, то там начали попадаться островки мусора, высушенные жарой остатки жизнедеятельности животных и прочие ставшие не в надобности или сломавшиеся в дороге предметы. Дорожный указатель, приколоченная к тёмному изъеденному древооточцем столбу стрелка своим острым носом смотрела в небольшое ответвление от основной дороги, где располагалось деревня «Каменные рощи». Наемник, усилием воли подавил нахлынувшее желание повернуть туда, дабы, укрыться в тени, насладиться холодным квасом и пасторальной картиной сельской неспешной жизни. Жара достаточно измотала, иссушила его, но он всё же сумел взять себя в руки, откинув прочь эту соблазнительную мысль, не желая терять время на отдых. Тем более, как он считал в свете провала операции – незаслуженный, продолжив дальше свой путь, из-за чего был удостоен от Кори укоризненным взглядом.

Только под вечер, когда последние лучики дневного светила, прощаясь, покидали грешную землю Нойс, наконец, смог перевести дух и отдохнуть. Раскинувший свои объятия придорожный трактир, носивший непритязательное, но очень точно подобранное название «У дороги», буквально манил, как огонь манит мотыльков, уставших от долгого перехода путников. На первом этаже из настежь распахнутых окон лился приятный глазу жёлтый свет, а аппетитный запах жарковья приятно щекотал ноздри, обещая желудку все прелести вкусной еды.

Фред подъехал к крыльцу, и как можно аккуратнее, чтобы не задеть побаливавшую ногу сполз с покорно застывшего мула. Стоило ему стать на свои двое, как тут же, дверь трактира распахнулась, словно там за ней только и ждали этого момента, и на пороге возник мужчина с габаритами, внушающими уважение.

– Рады Вас приветствовать достопочтимый синор в новом, совсем недавно открывшемся гостинице дворе «У дороги»! – заученной фразой отрапортовал низенький с чёрными вихрами синор, на вид, которому было никак не меньше тридцати и никак не больше пятидесяти лет. – Здесь вы всегда сможете по вполне приемлемой цене утолить голод и найти ночлег. – Продолжил он говорить, чуть неуклюже спускаясь с деревянного свежеекрашенного в зелёный цвет крыльца.

– Йозеф Кранчик, – представился он, схватившись тяжелой рукой за уздечку мула. От такой фамильярности Кори фыркнул зло, покосившись на него исподлобья. – Корк, чёртов бездельник, куда ты запропастился?! – громко закричал Кранчик, обращаясь в сторону серенького сарайчика, что скромно стоял чуть поодаль от самой таверны.

– Вы останетесь на ночь? – вновь обратившись к Нойсу учтиво осведомился, по всей видимости, хозяин заведения.

– Да, надеюсь, у вас найдется свободная комната для усталого путника?

– Конечно-конечно, – засуетился тот. – Я велю, чтобы вам постелили наверху. Там я вас уверяю, вы найдёте покой и отдохновения от долгого пути. Мягче перин нежели у Йозефа Кранчика не найти во всей округи!

– В таком случае я попал именно в то место, которое искал, – улыбнулся наемник и представился. – Меня зовут Фред.

– Рад знакомству, – расплылся в дежурной улыбке хозяин постоянного двора. – Вы, должно быть, держите путь в Пьянтуз?

Подобного любопытства Нойс никогда не одобрял и не приветствовал, но резко отвечать, а тем более грубить не стал, предпочтя вместо этого задать встречный вопрос. – С чего вы решили премногоуважаемый синор Кранчик что я держу путь именно туда?

Йозеф вновь расплылся в широкой улыбке. – Тут решать нечего! – подняв назидательно толстый, как сарделька палец, ответил он, так как будто Фред задал наиглупейший вопрос из всех возможных. – Сейчас в преддверии праздника все спешат в Пьянтуз. Боюсь, если так пойдёт и дальше, то уже завтра мне придется, скорее всего, отказывать путникам в ночлеге, чем ближе торжество, тем больше людей прибывает, а постоянный двор, хоть и не малый, но все же имеет свои границы.

– Да, вы синор Кранчик весьма проникательны. – Одаривая комплиментом трактирщика, специалист по особо деликатным делам задумался, «сколько же народу соберётся в день бракосочетания в городе? Точной цифры, наверное, никто не мог сейчас назвать, ясно было одно – что людей набьется в преизбытке, так что будет не протолкнуться на улицах города». Озвучивать свои мысли вслух он не стал, за место этого, сухо улыбнувшись промолвив. – Вы угадали. Я, как и другие, тоже решил не пропустить это грандиозное мероприятие. Хочется побывать на этом великом историческом событии.

– Все темы для разговоров сводятся только об одном, о венчании достославного синора Виолетти и синоры Розалиты. – Закивал головой, соглашаясь Кранчик. – Такого ещё со времён Дребодана не бывало, чтобы два самых могущественных рода Пьянтуза и Бухантуса объединились.

– Я думаю это доброе предзнаменование.

– Вы и впрямь так считаете?

Нойс не успел ответить. Из сарая вышел, нет, скорее выпал сутулый, заросший щетиной слуга. Прихрамывая на одну ногу, он пытался изо всех сил удержать шаткое равновесие, и виной тому служила ни столько физическое увечье, сколько ядрёный дух скрутиловки опережающий его на добрый десяток ярдов. Кряхтя, он, кое-как дотащился до мула, чудом не запутавшись в собственных ногах, и ухватившись трясушимися руками за переданную Краником уздечку, повис на ней. Кори возмущённо заржав, попытался укунить конюха, но Фред вовремя придержал его. Из-за чего заслужил презрительный взгляд. Немой упрёк, читался в лиловых глазах. Они словно говорили, «– неужели ты меня оставишь наедине с этим колченогим мудакком?»

– Ну, чего стоишь, отведи мула сего достославного синора в стойла напои и сена дай. – Распорядился Кранчик, впритык не замечая ни запах шедшего от конюха ни того как его штормит.

– Овса, – поправил трактирщика Нойс. – Я кормлю его исключительно овсом и, пожалуй, мне стоит это сделать самому...

– Я вас умаляю, не стоит, совсем не стоит после дороги дальней утомлять себя рутинной этой. – Вновь засуетился Кранчик. – У меня вы найдёте отменный овёс лучшего качества, я вас заверяю в этом, и, пожалуй, я накормлю им вашего мула сам в виду того, что Корк брат жены неважно себя чувствует сегодня.

– Да я вижу парню совсем худо, – сочувственно закивал головой Фрэнос, не понимая, до конца то ли шутит Йозеф, то ли на полном серьёзе говорит о «недуге» шурина, вид кото-

рого явно свидетельствовал, что тот сегодня перебрал сверх меры, впрочем, это были дела семейные, а стало быть, тёмные.— Я благодарен вам уважаемый синор Кранчик за проявленную заботу к моему мулу, но думаю, у вас найдутся и другие более важные заботы в трактире помимо конюшни.— Нойс попытался вырвать уздечку из рук конюха и это, в общем-то, легко у него получилось, кабы не поспешивший вцепиться в неё Йозеф.

— Нет, уж прошу вас, уважьте, — засопровтивлялся он.— В гостином дворе Йозефа Кранчика все посетители отдыхают и наслаждаются жизнью, это девиз нашего заведения! И я никак не могу допустить, чтобы он нарушался.

От столь жаркого заявления трактирщика Фред несколько опешил. После изнурительного дня пути и беспокойной ночи он очень устал и совершенно не имел желания препираться с кем-либо ещё. Поэтому повернувшись к Кори, он посмотрел на него, как бы разводя мысленно руками, мол, «смотри дружок я все, что смог сделал. По крайней мере, ты будешь накормлен и напоен, отоспишься на мягком сене. А я проконтролирую, обещаю». Хотя он мог и не давать подобное обещания, по опыту общения с этим строптивым животным, зная, что в случае чего, ежели что-то ему, имеется в виду мулу не понравится, он будет ржать на всю округу, требуя своего. Постоять сам за себя Кори всегда умел.

— Хорошо будь, по-вашему! — отпуская уздечку, произнёс Нойс.— Надеюсь, ему будет вполне комфортно в вашей конюшне. Он, знаете ли, очень изнеженный мул и своенравный к тому же.

— Не извольте беспокоиться! Я за ним присмотрю лично. Проходите внутрь, сейчас моя жена принесёт вам меню.

Зажав в одной руке уздечку, а другой, схватив рукав конюха, Кранчик молча потянул обоих в конюшню. Проводив их взглядом, наемник последовал совету трактирщика.

Зал имел форму геометрически выверенного квадрата. На стенах в изобилии и совершенно без всякой симметрии висели самых различных размеров и тематики картины, дешёвые подделки, изображавшие всё от пасторальных пейзажей до портретов и натюрмортов. Создавая в целом картину совершенной безвкусицы, а подчас и полной нелепицы. Можно было подумать, что Йозеф скупил все эти «произведения искусства» по распродаже на рынке решив таким образом «украсить» своё заведение. Но похоже только на одного Нойса подобный интерьер производил столь неизгладимое впечатление, остальных присутствующих более занимали приземленные вещи, как то: съедобная пища и отсутствие насекомых в постелях, нежели какие-то там нелепые мазки на дешёвом холсте.

В правом углу, сразу напротив двери распахнув беззубую пасть, находился потухший за ненадобностью в такую жару камин. Рядом, почти впритык к нему притулилась короткая стойка, сейчас забитая кружками и тарелками до отказа. Заезжих путников набилось, как селёдок в бочке. Почти все столы, кроме одного, будто специально его дожидавшегося были заняты. Фред, таким образом, лишённый мукой выбора не раздумывая направился сразу к нему, он находился у самой двери, ведущей, по-видимому, на кухню. Сев на мощный табурет Фрэнос огляделся по сторонам. Народ этим вечером у Кранчика набился разношёрстный. Особо в глаза бросалась весёлая компания четырёх ратников, что шумно и весело поглощала жареного до золотистой корочки поросёнка. Всё это обильно запивалась скрутиловкой. Судя по раскрасневшимся лицам и развязанным языкам, принять на грудь они уже успели изрядно. На противоположной стороне от них смиренно склонив головы, поглощали свой скромный рацион группка монахов ордена Монеторетян. Остальные посетители ничем непримечательная толпа зевак, крестьяне, из далёких сёл желавшие под шумок праздника пихнуть товары подороже, от опытного глаза наёмника не укрылись нагруженные с верхом возы ставшие лагерем за таверной.

Кухонная дверь резко распахнулась и оттуда, в облаке готовящейся пищи выпорхнула она... Пухленькая, румяная, словно свежесвеженный пирожок синора. Её кругленькие, как

колбаски руки держали широкий поднос, заставленный до краев кружками. Улыбаясь, демонстрируя миленькие ямочки на щечках, она не подошла, а скорее подплыла к притихшей и не сводящий с ней глаз компании ратников.

– Прошу прославленные синоры, ваш заказ.– Проворковала она, приятным голоском расставляя бокалы по местам.

– Милашка, ты просто сокровище, твой муж настоящий счастливчик.– Сказал-промычал низким басом широкоплечий бородач с уродливым шрамом на щеке, буквально поедая её взглядом.

Женщина довольно заулыбалась, быстренько справившись с тарой, затем извинившись, сославшись на крайнюю занятость, отказалась выпить с честной компанией, упорхнув прочь, словно её ветром сдуло. Полные бёдра завияляли с удивительной грацией никак не вяжущей с совсем не походившей внешностью на юных фрейлин королевы, чем заслужила дополнительные вдохи доброй половины собравшихся здесь мужчин. Тем временем болтающийся на люстре Огуль натянул свой короткий лук, и шкодливо улыбаясь, прицелился в тощего молодого человека, что сидел через стол от ратников, ковыряясь ложкой в глубокой миске, будто что-то там разыскивал, что давно потерял. Траектория полёта любви-стрелы была выбрана правильно. Но в самый кульминационный момент, вмешался его старший брат Случай. Вместо того чтобы сразить молодого человека в самое сердце, и одарить неожиданной любовью, она угодила прямо в пышный зад спешащей Милашке, которая так не кстати вмешалась в дела огульные резко взяв курс к столику напротив, тем самым попав под траекторию полёта стрелы. Женщина резко остановилась и быстро-быстро растеряно заморгала, как будто ничего не видя вокруг себя. На прямом высоком лбу обильно проступили капли пота. Она дёрнулась, вновь зажмурилась, словно увидела что-то жуткое, слегка покачала в стороны головой и резко распахнула ошарашенные глаза. Сквозь радужную, украшенную розовыми сердечками пелену, ей открылся светлый образ привлекательного молодого мужчины, что скучал в одиночестве за столом возле кухни, терпеливо ожидал пока дойдёт очередь обслужить его. Её большое трепещущиеся, как парус на ветру сердце, зашло в сладостной истоме. Филейная часть, а вместе с ней и все прочие присоединились к нему покоренные этим мужественным рыцарем. Она счастливо заулыбалась, не сводя с Фреда восторженного взгляда. Насыпавший этим временем в миску овёс Кранчик, отчего-то вдруг поскользнулся и выронил из рук мешочек, рассыпав содержимое по полу. Ругаясь, он принялся собирать зерна, ползая на карачках под мутным взглядом развалившегося на стог сена конюха.

– Чем изволит подчиваться достославный синор.– Не сказала – пропела Милашка, обдав горячим, как зной ветер пустыни дыханием наёмника.

– Жарковья, паштет с чесноком, хлеб и бокал скрутиловки.– Перечислил быстро наёмник, не удосужившись даже заглянуть в меню, впрочем, его всё равно на столе не было.

– Это всё? – проворковала она, медовым голосом томно разглаживая цветной фартук, демонстрируя две большие округлости.

– Пока всё, – сглотнул Фред, чувствую на себе её, просто-таки давящее обаяние.– Может быть, потом что-нибудь понадобится, – выдавил он, опустив глаза не в силах выдержать столь пристального внимания к себе.

– Хорошо. Только кликните...

Она одарила его томным взглядом и, вертя задом, медленно скрылась на кухне.

От Нойса не укрылись откровенно недовольные, завистливые взгляды ратников, бросаемые на него, когда Милашка принимала заказ. Бородач что-то тихо буркнул себе под нос, сверля его недобрым взглядом, затем смачно сплюнув на новёхонький дощатый пол, одним махом осушил кружку и шумно рыгнул. От чего сидящий по соседству молодой человек поперхнулся супом и, покраснев, сконфуженно закашлялся. Вызвав целую серию смешков ратников. Специалист по сугубо деликатным вопросам готов был поспорить, что эта четвёрка

промышляла вовсе не ратными делами, и ехала на свадьбу совсем не для того, чтобы предложить охранные услуги богачам. Их промысел лежал в несколько иных сферах. Грабителей он не уважал, считая их методы слишком примитивными и грубыми, а их самих туповатыми и недалёкими людьми не желавших проявить хотя бы маленькую толику смекалки и сообразительности. Предпочитая остроте ума, остроту клинка.

Фред недолго скучал, ожидая заказ свой. Через достаточно короткий промежуток времени Милашка вновь выпорхнула из своего «царства» ополонников и кастрюль с подносом в натруженных руках, заставленным аппетитной свежеприготовленной стряпнёй. Ещё больше раздумываясь, она подплыла словно барка к причалу к столу, и невзначай коснувшись плеча наёмника своей необъятной грудью, принялась, неспешно расставляя тарелки шумно дыша ему в затылок. Закатанные рукава сорочки являли собой яркий образчик красоты и как ни странно силы. Такие руки могли с лёгкостью порхать над столом, так и при необходимости рубить тяжёлым колуном поленья.

– Приятного аппетита, синор... – промурлыкала она напоследок, буквально пожирая взглядом молодого человека.

– Спасибо, – только и смог промямлить в ответ Нойс уткнувшись носом в тарелку. Чувствуя себя откровенно смущённо от столь пристального внимания к своей персоне. «Интересно, чтобы сказал Кранчик на такие демонстративные заигрывания с незнакомым мужчиной собственной жены?» ещё подумал он, но всё же не став развивать эту тему, так как очень был голоден.

А еда, действительно была приготовлена с любовью. Чего стоило только одно жаркое. Мясо нежное сочное таяло во рту, вызывая неподдельный восторг талантом повара? приготовившего сей без сомнений кулинарный шедевр. (Нойс не мог знать, что Милашка велела своей поварихе взять специально отложенное мясо для важного гостя, что по заверениям её драгоценного супруга ожидался сегодня вечером). Скрутиловка тоже радовала отсутствием алхимических примесей не вызывая рвотного рефлекса. Может, он настолько проголодался, что ему казалось всё необычайно вкусным, неизвестно, однако ел он с явным аппетитом, что даже ночные неприятности, довлевшие над ним весь день, отступили на задний план. Отдавшись полностью процессу поедания пищи, он даже не сразу обратил внимание на неожиданный блеск молнии и последовавший за ней раскат грома. Хотя чистое безоблачное небо не предвещало дождя, не говоря уже про грозу, тем не менее, она вопреки прогнозу взяла да разразилась. Причём, так внезапно и сильно, что вскоре кроме барабанной дроби по подоконникам, никаких других звуков было не разобрать. Дождь вызвал заметное оживление в трактире. Монетеряне степенно соблюдая строгую очерёдность, возносили хвалебные молитвы на ниспосланный Мирусом дождь, ратники шумно загорланили и потребовали ещё принести скрутиловки жбан, дабы отметить это явление обильным возлиянием. На лицах присутствующих всех без исключений читалось радостное облегчение. Наконец-то Бог сжалился и посла на грешную землю живительную влагу. Гроза тем временем усиливалась, молнии сверкали с небольшими интервалами, хлестая по небу светящимися розгами, громовая колесница, будто потевряв управления, бесшабашно неслась, громяхая на всю округу, казалось, небо не выдержит такой встряски и вот-вот расколется. Но никто по этому поводу не выражал своих опасений, наоборот всё дружно радовались этой грозе, продолжая, как ни в чём не бывало поглощать пищу и, конечно же, пить.

Десятью минутами позже, в двери ввалился высокий и промокший до нитки фронт. Длинные накрахмаленные волосы, намочив, свисали острыми сосульками, а глубоко посаженные тёмные глаза блестели, как у любителя дурман-травы. Его дорогая одежда промокла насквозь, прилипла к телу, а высокие ботфорты при каждом шаге неприятно чавкали из-за попавшей внутрь воды. К незнакомцу тут же, словно бабаханчик из ларца подскочил предупредительный Кранчик успевший закончить дела в конюшне. Фред, увлечшись ужином, даже

не обратил внимания, когда трактирщик зашёл внутрь, хотя в принципе, он мог зайти и через кухню. Подобострастно приняв плащ, он сразу же пригласил нового посетителя подняться на второй этаж. Нойсу было знакомо это лицо, но где он видел его, и при каких обстоятельствах затруднялся сказать.

Задумавшись, Фред не заметил, как к нему подошла хозяйка заведения. В руке она держала объёмный глиняный кувшин.

– Извольте ещё испить, это особенная, приготовленная по особому рецепту скрутиловка.– Пояснила она, не сводя с него взгляда.– Мы придерживаем её для самых лучших и дорогих гостей нашего заведения.

– Мне лестно слышать от столь красивой и радушной синоры, как... – простите, вас зовут? – Нойс, специально сделал вид, что не знает, как её звать.

– Милашка, – протянула она, глупо улыбаясь, чем сильно стала походить на корову.

– Какое у вас э-э... – наемник замялся, подбирая слова, – чудесное имя, и так подходит к вам...

– Правда? – от удовольствия она чуть ли и вправду не замычала, расплывшись в широкой улыбке.

– Я не могу обманывать столь прелестную синору.

– Прелестную? Вы сказали прелестную? – Милашка с замирающим сердцем уставилась на него, ловя каждое слово.

«Пожалуй, я слегка переборщил с комплиментами сегодня» подумал Нойс, «как бы ненароком беды на себя ни накликаешь» ощущая себя почему-то мышью, на которую плотоядно глядит кошка. Но слово, как известно не воробей вылетел обратно не возвратит. Сказав «А» пришлось говорить и «Б». – Именно сказал, – как можно суше ответил Фред, краем глаза отметив, как на них стали коситься люди с соседних столиков.

– Давайте я вам ещё подолью.

От удовольствия Милашка расцвела ещё пуще прежнего едва не пролив скрутиловку на его штаны, благо Нойс успел подставить вовремя кружку.

– Ой, да у вас же еда почти закончилась! – всплеснула руками хозяйка заведения, едва не заехав ему кувшином по лбу, реакция не подвела, и на этот раз позволил опытному наемнику, резко откинувшись назад счастливо избежать встречи с ним.– Сейчас я мигом ещё наложу вам. Кстати сейчас должно дожариться седло барашки уже.

– Нет, спасибо, – Фред сконфуженно посмотрел на остатки паштета и на пустое блюдо. Предложение конечно было заманчивым, тем более что желудок отзывался благосклонно к местной стряпне, вот только приходилось держать себя в узде, если он опуститься до обжорства, то профессию точно придётся сменить. С дородными телесами нечего и думать взобраться по отвесной стене или перемахнуть через ту же самую ограду, чего уж говорить о прыжках по крышам. Хотя диетами Фрэнос себя особо не изнурял, по природе он был поджарый, и излишним весом никогда не страдал, но всё же форму старался держать.

Тем временем, ратники, разинув рты, не отрываясь, глядели на молодого вора и хозяйскую жену, так мило беседовавших друг с дружкой. Даже скромняга паренек, недавно бывший поводом для насмешек, украдкой поглядывал на них. Милашка, буквально ловила каждое слово, каждый жест своего объекта вожделения. Высокая грудь мерно вздымалась в такт глубокому дыханию. Взгляд голубых страстных глаз чуть ли не прожигал насквозь. Фред был далеко не недотрога в любовных делах, но даже он ощущал определённую неловкость, от столь пристального внимания к своей персоне. В любой момент мог вернуться Йозеф, и ему совсем не улыбалось стать причиной сцены ревности мужа. Он одним глотком опрокинул пол кружки и восхищённо сказал.

– Поистине отменная скрутиловка! Только умелые, достойные руки могли приготовить этот божественный напиток!

Милашка была счастлива.– Угощайтесь ещё, – и протянула весь графин.– За счёт заведения.

– Нет, – наемник инстинктивно отпрянул, не рискуя подставлять вновь голову.– Премного благодарен, но я уже насытился и при всём моём восхищении вашему кулинарному искусству не волен, более ни выпить, ни съесть ни грамма...

– Я очень рада, что вам понравилось. Вы ведь останетесь у нас на ночь?

Вопрос прозвучал, как раз в промежутках раскатов грома. Головы всех без исключения посетителей повернулись к ним. Бородач, так и не донеся кружку до губ застыв, как молнией сраженный. Странствующие монахи осенили себя знаками защиты от искушений. Раздались тихие смешки, по сторонам.

Фред с надеждой поглядел в окно, он уже готов был переночевать в дороге, но струи ливня продолжали упрямо лупить по подоконнику.– Скорее всего, – вздохнул обреченно он.

Бородатый ратник ругнулся, сочно сплюнув себе за спину попав при этом на картину, изображавшую какие-то древние руины, кто-то в дальнем углу сально захихикал.– Ваш супруг в курсе дел, я уже ему говорил, – счёл необходимым добавить наёмник.

– Хвала Мирусу, такой нужный дождь! Какая прелесть! – Кранчик не смолкая, говорил, тяжеломерно подымаясь вверх по лестнице, следом не отставая переставлял ноги Фред.– Ведь совершенно ничего не предвещало этого ливня, а он взял и пошёл! Теперь земля сможет, утолить наконец-то свою жажду. Да и дышать станет, надеюсь посвежее, жара хоть ненадолго спадёт, вы со мной согласны синор Нойс?

«Я тебя знаю без малого час, а ты уже успел мне смертельно надоесть». Подумал наемник, но вслух сказал совсем другое, – да, вы правы.

– Как хорошо, как хорошо! – продолжал восклицать хозяин постоялого двора.– Надо поставить свечку пресветлому Мирусу, зато, что сжалился над нами грешными, послав нам такое облегчение.

Не переставая молотить языком, вёл он по узкому тёмному коридору, прямому как туннель. Тусклого света источавшей свечой зажатой в руке трактирщика едва хватало, чтобы рассмотреть контуры дверей расположившихся в шахматном порядке. Всего их насчитывалось восемь по четыре на каждую сторону коридора. Фред после сытного ужина и выпитого хотел сейчас одного, как можно скорее уволиться на мягкую постель. Его мало занимали монологи Кранчика, разве что поражало одно, как только у него не отвалился язык болтать так на протяжении целого дня? Для немногословного специалиста по сугубо деликатным вопросам, это оставалось большой загадкой. Наконец, коридор закончился, для него отвели, самую дальнюю комнату и Йозеф шумно бряцая ключами, справляясь с замком, раскрыл дверь. Сразу с порога в глаза бросилась довольно широкая, добротная кровать, занимавшая почти всё свободное пространство. Рядом с ней в уголку скромно жалось крохотное трюмо. Также имелся прочный табурет и небольшое оконце, завешанное голубоватой шторкой.

– Ну, вот, – окидывая комнату взглядом, словно она являлась, как минимум в четыре раза больше существующей, выдохнул хозяин.– Здесь вы сможете отдохнуть и набраться сил, дабы завтра вновь продолжить свой путь. Если что понадобится, моя комната сразу возле лестницы, так что не стесняйтесь прийти в случае чего.

– Вы очень гостеприимны синор Кранчик. Благодарю вас от всего сердца за радушие и расскажу всем знакомым о вас, чтобы они знали, какой внимательный и заботливый приём их ждёт под крышей этого гостиного двора.

– И это действительно так, – расплылся довольной улыбкой Йозеф от прозвучавшей в свой адрес похвалы.– Нам дорог каждый клиент, мы недавно открылись и намерены сделать доброй традицией высокое обслуживание каждого путника решившего остановиться или просто заглянуть к нам.– Поспешил заверить он.

– Отличный настрой, надеюсь, удача вам будет сопутствовать в этом!

– Благодарю-благодарю синор Фред. Вы знаете, откуда я родом, а родился и вырос я в Малавии принято не только встречать, провожать, кормить само разумеющееся, но и развлекать посетителя, дабы душа его радовалась, и ничто его не удручало, когда он пребывает в стенах гостинного двора. Мне вспоминаются слова моего покойного отца, он всегда говорил, что...

– Достопочтимый синор Йозеф, вас, должно быть, заждались внизу, особенно ваша несравненная супруга, которой сейчас, наверняка, тяжело приходится на кухне без вас справляться.– Как мог деликатнее попытался спровадить владельца гостинного двора Нойс в серъез, опасаясь, что дай ему только свободные уши, тот станет безостановочно болтать до самого утра

– Да-да, конечно с этой свадьбой такой поток клиентов, каждого надо добросовестно обслужить, столько работы вы не представляете, сколько всего надо переделать...

Фред не дал договорить ему. Аккуратно, но уверенно выпроводив прочь. Закрыв дверь за Кранчиком продолжавшим перечислять все его заботы и обязанности связанные в работе по обслуживанию заведения, он, устало перевёл дух, напряжённая прошлая ночь давала о себе знать, ныло тело, стучало в висках, а в глаза, словно песка насыпали. Бросив сумку на трюмо, Фрэнос разделся и повалился на кровать, оказавшейся не скрипучей в меру комфортной и с чистым простынями.

За окном дождь продолжал свой танец, изливая тонны воды на истосковавшеюся по влаге землю. Раскаты грома то и дело оглушали округу, заставляя крохотное стекло в раме нервно дребезжать. На втором мансардном этаже особенно громко слышался звук разбивающихся о черепицу тяжёлых капель. Ему вспомнилось небольшое дядюшкино поместье за городом, старенькая конюшня, где он любил прятаться во время дождя. Влезая через круглый лючок, проделанный в чердачном помещении. Он ложился на мягкую солому и мог часами слушать барабанную дробь по крыше, давая волю воображению, совершая путешествия в сказочные страны, предаваясь мальчишеским грёзам и мечтам. Желал ли он тогда стать наёмником экстра-класса? Может быть, Фред уже не мог в точности вспомнить все, но то, что его душа всегда стремился к подвигам и странствиям это он знал и помнил чётко.

Приятное тепло от сытного ужина постепенно растекалось по всему телу, а хмель вытеснила ненужные мысли, подарив лёгкое отупение, и очень скоро он провалился в глубокий сон.

Его разбудил тихий, но несмолкающий шорох, словно мышь скреблась обо что-то твёрдое деревянное. Спросонья, он поначалу решил, что это так и есть на самом деле или же такой фон создают отзвуки капель дождя по подоконнику, но потом, прислушавшись внимательно, понял, что ошибся, звук доносился от запертой двери. Люди его профессии обычно в такой ситуации, когда глубокая ночь за окном, плюс незнакомое место для ночлега, да вдобавок ко всему прочему проваленная операция реагируют довольно быстро. Фрэнос как всякий наемник желающий дожить до утра лёг спать в одежде, не забыв положить под подушку дагу. Мгновенно вскочив на ноги, он бесшумно на цыпочках прошёлся к двери, заняв позицию, справа от неё и стал прислушиваться.

– Синор Нойс, – послышался за дверью громкий женский шепот.– Синор Нойс вы слышите меня?

– Проклятье мне на голову! – бесшумно сорвалась с губ у Фреда, когда он признал в этом шепоте голос супруги Йозефа Кранчика Милашки. «Какого-растаккого её сюда нелёгкая принесла?» подумал он, решив не открывать ей, сделав вид, что крепко спит и не слышит, авось покрутится-повертется да уберется восвосяси. Но, куда-там, хозяйка постоялого двора была настроена гораздо решительнее, чем надеялся на то наемник. Вместо того чтобы дать покой и отдых уставшему путнику она принялась пока, что осторожно колотить в дверь, тем самым заявляя, что не собирается отступать не добившись своего и продолжая по-прежнему нашептывать.

– Синор Нойс, откройте, пожалуйста, дверь, синор Нойс вы меня слышите или нет ...?

Фред воочию представил, как сейчас гротескная фигура Милашки в крошечной тьме, склонившись к двери, прильнув полными губами к щели, громко шепчет, рискуя в любой момент быть застуканной кем-то заглянувшим в коридор, в том числе и собственным супругом. Всё могло вылиться в большущий скандал со сценами ревности, и непредсказуемыми последствиями, люди профессии Нойса всяческими путями избегали попадать в эпицентр шумихи, предпочитая оставаться в тени, не привлекая излишнего внимания. Раскинув мозгами, наёмник пришёл к выводу, что лучше всего будет открыть дверь и выслушать спокойно хозяйскую жену, чем долго доказывать, откидывая все подозрения в измене проснувшегося от шума Кранчику. Спрятав обратно под подушку кинжал, он вернулся к двери и, сбросив крючок, распахнул ее.

– Синора Мила??? – сделал он вид, что неслыханно удивлён её поздним визитом.

– Вы спали, я вас разбудила? – чуть запинаясь, поинтересовалась она, не решаясь заглянуть в глаза Фреда, нервно теребя край ночной сорочки.

– Есть немного такого дела. У меня, знаете ли, имеется давняя привычка, спать по ночам. – Немного резче, чем того хотел, ответил Нойс слегка обалдевший от подобной постановки вопроса. «Интересно, а чем я вообще мог заниматься сейчас в её представлении этой поздней порой как не спать?». Затем взяв себя в руки, быстро справился с раздражением, вежливо осведомившись. – Синора Мила, простите мне мою несдержанность вас ко мне, наверное, какое-то неотложное дело привело? Проходите же скорее, не стойте на пороге.

Немного смущаясь, не переставая мять крепкими руками, сорочку украшенную зелёными и жёлтыми горошинками она бочком протиснулась через проём двери.

– Присаживайтесь, пожалуйста, на табурет. И рассказывайте, я вас внимательно слушаю. – Сказал Фред, закрывая за собой дверь, дабы вышедший по нужде кто-то из соседей случайно не заглянул в дверной проём, затем неспешно распалил свечу.

Милашка продолжала стоять на ногах, заполнив собой почти, что все оставшееся свободное пространство комнатки. Боже, какая же она сейчас в этих стенах казалась огромной, просто-таки необъятной поразилась внутри себя наемник. Глаза её шарили по полу, словно она искала там что-то обронённое ранее. Пауза начала неприлично затягиваться, придавая ещё более неловкости ситуации.

– Что же вы молчите, – не выдержал наемник, спросив. – Или вы собираетесь стоять тут всю ночь, карауля сон мой?

И хотя ему никогда не нравились пышные дамы, он не мог не отметить, что она была довольно недурна собой, задорно приподнятый кверху носик придавал ей немного озорной вид, а розовые губки были полны обещаний сладких поцелуев.

– Синор Нойс... – едва слышно с придыханием выдавила Милашка, опять смолкнув, потупив взгляд в пол.

– Ну, же, смелее, говорите, что стряслось у вас? – как можно теплее произнёс Фред, не сводя глаз с её большущей мерно вздымающейся и опадающей груди.

Милашка медленно подняла на него свои огромные поблескивающие в неровном свете свечи глаза. Нойс поперхнулся.

– О, нет! Синора Кранчик я э...

В следующий миг стальные захваты горячих рук сомкнулись на его плечах, прижав к себе. Он почувствовал себя кроликом, угадившим в медвежий капкан. Дыханье мигом спёрло, он с трудом мог вдохнуть глоток воздуха. В такую ситуацию он угодил впервые и, пожалуй, за много лет первый раз пребывал в растерянности, не зная как ему поступить и что делать. В отличие от Милашки, которая, похоже, не в пример специалиста по сугубо деликатным вопросам прекрасно знала, что делает и самое главное для чего это делает. Заключив Фреда в свои крепкие, как сама сталь «любовные» объятия она, молча подняла, и аккуратно переме-

стила его, как будто, какую-то особо ценную вещь на кровать, улёгшись следом на него сверху. Деревянная новёхонькая кровать жалобно закричала, возмущаясь такому надругательскому отношению к ней. Но наемнику в отличие от неё пришлось намного-много хуже. Таким беспомощным и уязвимым он давно себя не ощущал. К чести своей он всеми силами старался, что-либо предпринять, изменить ситуацию, выкрутиться как-то, вывернуться ужом, применить, в конце концов, борцовские приемы, владея ими к слову мастерски. Или на худой конец ослабить эту мёртвую хватку. Но все его попытки разбивались о совершенно ничем не прошибаемую дамбу любви, которая в любой момент грозила переполниться и затопить его своими горячими потоками страсти.

Количество воздуха в лёгких стремительно уменьшалось. Гостиничное ложе под весом двоих предательски трещало и скрипело, грозя развалиться в каждый следующий миг, этого бескомпромиссного любовного поединка, похоронив парочку под своими обломками. Женщины юга Бурляндии всегда славилась горячим темпераментом и необузданным характером. Милашка, будучи тоже урождённой южанкой, была не в меру пылкой и любвеобильной. Нойс на себе в полной мере ощущал все её двести восемнадцать фунтов горячей плоти, рискуя быть раздавленным при каждой попытке Милашки «приласкать» своего любимого. Её губы облизали всё его лицо, ставшим мокрым, словно от капель дождя, что шумел по-прежнему за окном, каждый поцелуй вызывал громкое чмокание, оставляя на коже круглые засосы. Не говоря ни слова, она методично «ласкала» его своими мускулистыми руками вызывая у последнего, вместо любовного настроения – приступы паники. Он, не раздумывая согласился бы, вновь один на один встретиться с вчерашним разъярённым волкодавом, если ему кто-либо сейчас предложил бы подобное. И все только ради того, чтобы как можно подальше находиться отсюда. Так по крайней мере у него имелись хоть призрачные шансы уцелеть в отличие от синоры Кранчик и ее неумной всеобъемлющей страсти. Её руки предмет зависти цирковых силачей страстно до треска в ребрах тискали его и мяли должно быть по представлению хозяйки их, приводя Фреда в экстаз, который она путала с трепетом загнанного в угол зверя, вернее сказать вмятого в кровать. Когда же наконец, после безжалостной «любовной прелюдии» до Нойса дошло, что всяческое дальнейшее сопротивление бесполезно и более того чревато негативными последствиями для собственного здоровья он смирился с постигшей его участью. Сдавшись хоть и с боем, он отдал всего себя в полное распоряжение взявшей над ним верх Милашке, которая по-хозяйски принялась как цыплёнка «разделявать» его...

Фред медленно с большим трудом пробуждался, ощущая себя головешкой от потерпевшего крушение корабля пинаемой к берегу яви волнами безбрежного океана снов. Весь остаток ночи его терзали кошмары. Сюрреалистические образы всевозможных чудищ хороводом мелькали вокруг глаз. Он смутно припоминал, что куда-то бежал, подгоняемый звуком погони. Карабкался по крутым, опасным обрывам, цепляясь за колючую растительность, раздирая руки в кровь. Неоднократно скатывался вниз с кручи, барахтался и плыл по течению мутной реки, изобиловавшей коварными водоворотами норотившими втянуть его в себя. Невидимые руки душили его, не давая сделать полный вдох грудью – он отбивался, как мог, вот только, не зная сам от кого именно не видя противника. Правда, последний сон был куда приятнее всех предыдущих. Налетевший как бывает только во снах из-ниоткуда тёплый ветерок, ласковым дуновением овеял лицо, освежил тело. Нойс словно, из ада, прямиком вознесся в рай. Мир приятной неги и небывалой беззаботности. От такой благодати, пребывая в полуяви, он глупо, как идиот заулыбался...

– Милашка, Милашка... – доносился откуда-то издалека, беспокойный смутно знакомый голос. Владелец его настойчиво повторял это имя, как заклинание или мантру какую. С каждым новым разом всё отчётливее и громче произносил ее. Сквозь спросонья Фред слабо отдавал себе отчет в происходящем, он хотел и далее пребывать в благодном состоянии, окутавшем

его, как теплым одеялом с ног до головы, но отчего-то подспудно начал испытывать беспокойство, инстинкт наёмника слабо зашевелился, как бывало уже не раз, в периоды опасности.

– Милашка, Милашка где ты? Где?

Вопрошал знакомый голос у кого-то. В ответ летели смутные отголоски разговоров, обрывки фраз, смех разобрать суть которых было сложно. Фрэнос сейчас ни что так сильно, ни желал, как дальше пребывать в этом расслабленном умиротворённом состоянии. Его совсем не заботило происходящее «где-то там», только не в этот сладостный момент, поэтому он старался не придавать значения, этим голосам пытаюсь абстрагироваться от них, как впрочем, и от всего прочего. Неожиданно, где-то совсем рядом, что-то громко заскрипело, засопело, издало булькающий звук. Опытный наемник, уже не мог себе позволить пропустить мимо ушей эти звуки. Пересилив собственную лень, он приоткрыл один глаз и вздрогнул. Воспоминания о минувшей ночи обрушились на него с силой цунами. Рядом с ним, во всей своей пышной красе возлежала совершенно нагая хозяйская жена. Из ее широких ноздрей подобно двум струйкам гейзера вырывалось горячее дыхание. Теперь стала ясна природа тёплого ветерка навеянного сном. Он вспомнил все и ужаснулся, но ужас совсем скоро сменился счастьем от осознания, того, что он выжил, уцелел, не потонув в жарких волнах любви не в меру любвеобильной жены Кранчика. Её страсть и напор, с которым она буквально на бордаж взяла его накануне, он был уверен, останутся в памяти навсегда. И еще он нисколько не сомневался, что ни единожды ему еще придется вскакивать в поту от очередного кошмара с участием Милашки. После этого случая он намного лучше стал понимать женщин, подвергнувшихся насилию.

Тем временем голос, теперь Нойс с ужасом признал, кому он принадлежит, неожиданно смолк. Наемнику очень не понравилась эта подозрительно наступившая с того ни с сего тишина. Он прошёлся оценивающим взглядом по комнате. Судя по пробивающимся солнечным лучам сквозь плотную занавеску, день уже успел наступить. На коврике перед кроватью вперемежку лежала скомканная как своя, так и чужая одежда. Словно бельмо в глазу, на общем фоне выделяясь, маячил огромный бюстгальтер, зацепившийся за высокий с ботфортами сапог. Главный вопрос заключался в том, кому он мог принадлежать? Если принять во внимание, что Фрэнос никогда не носил такой обуви, отдавая предпочтение более легкой и удобной.

Тяжело зевнув, наемник подавил стон едва не сорвавшейся с его губ от обрушившейся на него острой боли. Он испытывал такое чувство, будто тело его пропустили через жернова мельницы, причём сделав это не единожды. Ему даже затруднительно было сделать обычный вдох, такая тяжесть давила на грудную клетку, впрочем, природа её выяснилась, стоило опустить взгляд. Увесистая рука Милашки покоилась у него на груди, и он готов был поклясться, что весила она никак не меньше двадцати фунтов. Осторожно не делая резких движений, он попытался освободиться от немилосердного объятия.

– Уум.– Раздалось сонное, как у сытой кошки, после удачной охоты урчание Милашки.– Фреди котик мой, – прошептала томно она, приоткрыв сонные глаза.

– Доброе утро! – попросту не зная, что сказать в такой ситуации, ляпнул первое пришедшее в голову Нойс.

– Доброе милый, – расплылась в счастливой улыбке ненасытная супруга Кранчика.– Ты был просто великолепен, – замурлыкала она, отправляя свою руку вниз по животу миглом насто-рожившегося наёмника.

– Милашка, стой, подожди.= Фред запаниковал, ухвативши её за кисть обеими своими руками.

– Чего нам ждать...? – не обращая внимания на встречные протесты и возражения, со страстью в голосе проворковала она, окончательно проснувшись.– Иди ко мне сладкий мой любчик, я подарю тебе любовь...

Внезапно раздался скрежет отпираемого замка. Оба любовника, как по команде замерли, повернув головы в сторону неумолимо распахивающейся двери. У Нойса тоскливо засосало под ложечкой, в предчувствии неприятностей. Милашка казалось, вообще не отдавала себе отчет, что происходит, тупо таращась своими коровьими глазами, на ошарашенное лицо собственного мужа, медленно вырисовавшееся в проеме двери.

При виде открывшийся ему немой сцены кустистые брови Йозефа поползли вверх, глаза округлились и стали напоминать два утиных яйца украшенные тёмными точками по центру. Рот беззвучно, будто у рыбы, выброшенной на берег открывался и закрывался не в силах произнести ни слова. Милашка, смутившись, поспешила накрыться простыней.

«Что за невезуха, преследует в последнее время меня?» с горечью констатировал неоспоримый факт Фрэнос. Мало неприятностей на работе, так ещё теперь предстояло разбираться с ревнивым мужем.

За спиной хозяина заведения мелькнуло любопытное лицо какого-то неизвестного синора скорее всего одного из постояльцев решившего узнать, что за сыр бор твориться тут с утра. «Так!» пронеслось в голове у Фреда, «первые особо любознательные появились, скоро сюда поглазеть сбежится весь постоялый двор». Ему, мягко говоря, очень не хотелось очутиться в самом эпицентре скандала, что по законам жанра просто обязан был разразиться в самое ближайшее время. Возможно, предположил он, здесь не обойдётся одной битой посудой и истошными криками в припадках ревности мужа частенько прибегали к средствам несущим угрозу для жизни. Фрэнос был человеком действия, ему не раз доводилось оказываться в не простых, щепетильных ситуациях побывал он в том числе, не в одной спальни замужней женщины, но быть застуканным на месте «преступления» ему ещё никогда не приходилось. «Все когда-то бывает в последний раз» припомнил наемник известную поговорку, и оптимизма она ему не прибавила. За не имением опыта в подобного рода ситуациях он принялся импровизировать на ходу.

– Приветствую вас синор Кранчик, как хорошо, что вы сами заглянули, и мне не пришлось разыскивать вас, чтобы выразить своё восхищение апартаментами и услугой они выше всех похвал! – не давая тому и рта раскрыть, Фред затараторил, как заведённый болванчик спешно при этом вскакивая и стремительно одеваясь.

– Хочу особо выделить супругу вашу синору Милу что любезно согласилась разбудить рано утром меня, дабы я не проспал. Весьма благодарен вам обоим за радушие, тёплое отношения, а также сытный и такой вкусный ужин.

Прыгая на одной ноге и напяливая на другую сапог герой-любовник бочком-бочком подбирался к застывшему как соляной столб в проходе Йозефу.

– Вот, возьмите, – он вложил в безвольную руку ошарашенного, ничего не соображающего хозяина золотой динар. – У вас хочу заметить славная гостиница! Умница жена! И вы сам молодчина, так держать!

Бодро похлопывая его по плечу, специалист по сугубо деликатным вопросам, ловко отодвинув Кранчика в сторону, поспешил ретироваться прочь отсюда, кинув напоследок.

– Ну, я не буду вам мешать, вижу, вы хотите остаться наедине, провожать меня не стоит, дорогу до конюшни я сам отыщу. Всего вам наилучшего! – Сказав это, он стремглав бросился вниз на выход, перепрыгивая за раз несколько ступенек, будто за ним гнался сам дракус.

– Что же это Милашка? – дар речи помалу возвращался к всё ещё пребывавшему в пространии Йозефу. – Что ты тут делаешь? – не мог до конца осознать всю полноту ситуации он. – Я тебя всё утро ищу, а ты...

Милашка, к тому времени занявшая сидячие положение уперла руки в бока. – Ты разве не слышал, что тебе только, что сказали? Я помогала достойному синору проснуться. Он попросил меня об этом ещё вчера, когда я подавала на стол ему. – Выпала она, как на духу.

Тут же категорично добавив.— Только, пожалуйста, не устраивай мне здесь сцен ревности — между нами ничего не было!

— Да? Но почему ты раздетая??? — оторопело выдал совершенно сбитый с толку законный супруг пристально рассматривая нижнее белье супруги небрежно впопыхах брошенное на полу.

— Почему раздетая?

Повторила вопрос Милашка, оглядев всю себя с ног до головы и убедившись в справедливости слов супруга. Не зная, что ответить она попросту разрыдалась...

Ругаясь, и кляня всё, на чём свет стоит, и тьма лежит Фред подгонял мула, не беспричинно опасаясь, погони со стороны оскорблённого Йозефа Кранчика. Который хоть и выглядел вполне безобидно, но кто его знает, как поведёт себя мужчина, оказавшись в подобной ситуации. Иногда, наемник видел собственными глазами, как кроткие овечки превращались в разъярённых тигров, и стоять у них на пути было более чем неблагоприятно. А себя он считал вполне благообразным, и испытывать судьбу понапрасну не собирался. Кори, как обычно протестовал против, как он считал неподобающего обращения к себе тем более с утра, выражая своё недовольство фырканьем и прерывистым ржанием. Фрэнос разделял его чувства, он сам не возражал бы сейчас спокойно сесть за стол позавтракать и не торопясь отправиться в путь. Но, что тут поделаешь, спрашивается? В последнюю пару дней вся его жизнь превратилась в одно сплошное бегство. Он то и дело от кого-то улупётывает, поймал себя на мысли наёмник невесело усмехнувшись. Утренний конфуз окончательно развеял подозрения на счёт того, что удача по-прежнему отвернулась от него. Сперва провал в замке Жирдяя, посещение которого в начале виделось лёгкой загородной прогулкой, затем не в меру любвеобильная Милашка, чей гротескный образ, он не сомневался, не скоро выветрится из головы. Вдобавок её муженек, застукавший их с поличным. И вообще, продолжал негодовать Фред, не могла она раньше уйти, что ли, зачем осталась ночевать спрашивается? Сама же себе в первую очередь навредила. Но там где была замешена любовь, здравый рассудок пасовал, так об этом утверждали поэты в своих стихах и писатели в романах. Нойс был полностью с ними тут согласен.

«В общем», подвел итог своим мрачными суждениям специалист по сугубо деликатным вопросам, как частенько говаривал его приятель Мандарин, «когда не фартит, то не фартит во всём!». «Вот точно подметил, пройдоха. Надо будет, к слову, к нему наведаться, поставил мысленную зарубку в уме Фрэнос, давненько мы с ним не сиживали за кружкой доброй скрутиловки».

Эта мысль несколько подняла ему настроения. Всё же, несмотря на все злоключения, свалившиеся на него, постепенно с каждой новой пройденной милей, его самочувствие улучшалось. Способствовала этому ещё и утренняя свежесть, сменившая пусть и ненадолго удушливый зной, держащий людей и остальной живой мир более месяца в своей изнурительной узде. Ночной ливень, на славу потрудился, омыв мир и напитав живительной влагой растения и цветы. В свежем воздухе, ещё витали остатки озона. Буйство красок поражало воображение. Травы, после долгой засухи, как по волшебству стремительно налились сочной зеленью, заметно прибавив в объёме и росте. Небо виделось путнику высоким без единой помарки голубым прозрачным куполом. А в стрекоте проснувшихся кузнечиков слышались новые весёлые нотки. Сама природа ликовала. И было большим кощунством видеть всё это и продолжать хмуриться.

Всё чаще и чаще встали встречаться на дороге другие путники. Большинство их, как и Нойс держали путь до Пьянтуза. Оно и понятно скоро намечалось торжество, а пышно отмечать у пьянов (так называли жителей сего достославного города) давным-давно вошло в традицию. Обозы муки, риса, соседствовали с мощными подводами, гружёнными огромными бочками скрутиловки. Везли всё фрукту, ягоды, овощи, консервацию. Под шумок праздника

каждый фермер и маломальский торгаш хотел «навариться», понимая, что следующий подходящий случай представится еще очень и очень не скоро и упускать такую возможность никто так просто не собирался. Изредка сгоняя на обочину недовольно ворчащий торговый люд, мимо проносился почётный эскорт, сопровождавший какого-нибудь барона или важного вельможу с надменным взглядом, взиравшим на толпы простолюдинов из своей роскошной кареты.

Масштабы ожидавшегося торжества поржали воображение, такого количества гостей, что анонсировали организаторы праздника, Пьянтуз ещё не принимал. Один столичный бомонд в полном составе чего стоил. Разместить столь большое количество привередливых, изнеженных людей и никого не обидеть при этом задача была поистине архисложнейшая. Ходили слухи, что возможно сам король Теодор «какой-то там» может со своей свитой почтить своим визитом бракосочетания, дабы лично скрепить узами брака молодят. Слияние двух могущественных семей в лице донна Мишеля Виолети и доньи Розалиты Радаригас событием являлась из ряда вон выходящем, и удивляться тут не приходилось ничему.

Чем ближе к городу, тем более возрастала плотность потока. Как водится, не обходилось в таких случаях без досадных, нелепых недоразумений курьёзных ситуаций. Вот и на сей раз, разыгравшиеся бесплатное представление порадовало дорожный люд. Один усатый фермер с огромным, далеко глядящим вперед животом зацепился с впереди следовавшим торгашом, что на своей подводе вёз бочки со скрутилкой. Виновником инцидента послужил тощий паренёк с гривой каштановых нечесаных волос. По всей вероятности, сын торгаша.

– Твой хитрец стащил у меня два яблока и куль слив!

Возмущался громко Усатый, как его окрестил про себя Фред, перевозивший на своей длинной низкой телеге, целую переносную лавку всевозможных фруктов.

– Мой Ганч ничего не взял у тебя! – в ответ гневно отрицал все торговец, недобро скалясь. – А вместо того, чтобы ругаться и беспричинно обвинять лучше бы поблагодарил его, за то, что присматривал за твоим товаром, когда ты в кусты бегал!

– Так, вот как теперь воровство среди бела дня именуется «присматривать за товаром», – негодовал Усатый. – Совсем оборзели эти саране, я всегда говорил в этом селе одни мошенники и плуты живут! – скандал, перекинулся уже на местность.

– Мы хоть не святые, но, по крайней мере, не подсовываем гниль всякую добрым людям и не дерём с них в три дорога за это. – Не остался в долгу уязвлённый торгаш прижимая к себе перепуганного мальчика.

– Где ты видел гниль? Разуей глазёнки ущербный! – Усатый, поспешно раскрыл корзину, продемонстрировав всем собравшимся рядом зевакам горсть сочных спелых ягод. – Первый сорт! Одна в одну! – как на ярмарке призывно воскликнул он.

– Знаем мы ваши хитрые уловки, попрыскаете спелые ягодки сверху, а внизу одна сморщенная сошка! – сплюнув наземь, твердо заявил торгаш скрутилкой поднявшейся во весь свой невысокий рост на телеге, как на трибуне.

– Истинную правду говорит батька, – подал голос, осмелевший виновник скандала. – Недавно Куня рассказывал, ездили они на ярмарку к Виргам, так домой воротились, высыпали мешки, а там половина яблок мышами полускана.

– Так вас и надо наказывать дураков этаких, раз не смотрите, что берёте! – уперев руки в бока, выкрикнул фермер и тоже вытянулся во все свои пять футов и четыре дюйма.

– Да, разве за вами уследишь? Так и норовите честный люд вокруг пальца обвести. Наловчились дракусы дети. Тьфу, на вас поганых!

Быстро утёр тому нос торгаш, демонстративно плюнув в его сторону. Правда, плевков не долетел, шлепнувшись в нескольких ярдах от телеги, и размазался по каменистому тракту.

– Да, как ты смеешь, такое говорить, чурбан высушенный! Мало того, что обворовал, так ещё и напраслину наводишь! Ты бы лучше про баб своих че сказал. Что ни глянь, через

одну потаскуха! Глаза Усатого метали молнии в сторону обидчика. Тот в свою очередь тоже не медлил с ответом и не менее язвительно замечал.

– Может, оно и так, бабы народ у нас вольный! Зато нечета вашинским. Ей богу! Не разберёшь, где мужик, а где баба, все как на одно лицо! А волосатые какие, что те заморские бабуины в бродячем зоопарке. Хоть самих бери, сажай в клетку да на потеху людям вози по всему королевству, никто разницы не заметит.

– Я сейчас тебя самого посажу в твою собственную бочку, со своим вонючим пойлом!

В возросшей толпе охочих до прилюдных зрелищ и склок, прозвучали смешки. Всем было известно, что виргинские женщины с большой натяжкой тянут на термин «слабая половина». Мало чем, уступая мужчинам в телосложении и растительности на теле. Усатый не стерпевший подобного оскорбления, защищая весь женский род своей деревни, спрыгнул с воза и ринулся на фермера с поднятыми выше головы кулаками, тот в свою очередь тоже поспешил слезть и, набычившись, принял грозного вида стойку.

В воздухе отчётливо завитало духом состязанья. Люди быстро образовали небольшой квадрат, примерно десять на десять ярдов и принялись улюлюкать и подзадоривать новоявленных единоборцев, призывая их немедленно приступить к решительным действиям. Усатому и торгашу уже не было куда деваться, пойти на попятную значило покрыть себя и свою деревню позором.

Толпа шумно подбадривала двоих сцепившихся мужиков, которые, сопя и пыхтя, отстаивали собственную честь и честь родной деревни. С переменным успехом, мутузя, друг дружку, толкаясь, кусаясь, и демонстрируя грозные намерения, но всё же главным оружием их являлся острый язык. Оба соперника продемонстрировали неиссякаемый запас оскорблений, обрушив град смачных эпитетов в адрес родственников и односельчан, пройдясь по всем поколениям, вплоть до основателей поселений. Безусловно, этот бранный поединок вошёл бы в историю, заняв в зале славы достойное место, если только, конечно же, проводились подобные состязания. Такой накал страстей, такие идиомы зрители просто млели от всей гаммы чувств, забыв даже про собственный товар и причину своей поездки, настолько сильно захватила их развернувшаяся прямо на тракте баталия двух профессиональных скандалистов.

Фреду же в отличие от всех остальных быстро наскучила эта перепалка, он ничего забавного не находил в том, что два взрослых мужика прилюдно поносили друг друга. Поэтому легонько дёрнув за уздечку Кори, он обогнул толпу людей и тронулся дальше.

Путь от замка Жирдяя до Пьянтуза где-то примерно тридцать с гаком миль. Нойс рассчитывал въехать в город к вечеру. Спешить, он никуда не спешил. Встреча с заказчиком, всё равно была назначена на завтра, а дома его привычно никто не ждал...

Поэтому он особо не подгонял мула позволяя ему, вяло плестись. (Откровенно говоря, даже если бы и подгонял всё равно ленивая скотина продолжала флегматично тащиться вперед, выказывая всем свои видом полное презрение к потугам докучливого всадника). Кори был из той породы мулов, которые сами решают, когда и где следует пошевеливаться.

Фрэнос, не смотря на все причуды своего четвероного товарища, любил его, чем последний с заядлым постоянством, частенько пользовался.

Острые, как пики шпили храма Мируса акkurat обозначились, стоило выехать на холм Поникса – условного, привратника Пьнтуза. Названия сие он получил в честь знаменитого первопроходца Самюэля Поникса, что отправился когда-то в далёком наполовину забытом прошлом покорять юг страны, тогда ещё не обжитый и никому неизвестный. Как гласит легенда, получив от короля пышное напутствие и щедрую сумму на расходы, он вместе с командой отчаянных, как и он парней начал, свой поход с... столичных трактиров, и мест с сомнительной репутацией, где прослыл забиякой и опытным ценителем скрутиловки. Прощание с друзьями, знакомыми и знакомыми знакомых затянулось на добрый десяток дней, а может и недель тут мнения летописцев расходятся. После чего стражники, посланные разъярённым правителем,

мягко, но в то же самое время очень доходчиво напомнили важную миссию Поникса и в знак большущего уважения помогли всей его пёстрой команде выбраться из города. Так как большинство этой самой команды, по словам очевидцев, еле держалась на ногах. (Если вам так интересна история сего достославного похода, вы можете приобрести «энциклопедию открывателей», что пылится на полке у Книгуса держателя букинистической лавке что на улице Ползаний. Самой известной в городе, по причине, что она всего одна единственная. Пьяны не шибко интересуются литературой, впрочем, как и всем что не приносит прибыль или удовольствие, считая чтение пустой тратой времени и забиванием мозгов ненужной информацией, что забивает место в голове, для более полезных знаний).

Так, вот не шатко – не валко, Фред выехал на холм и устремил взор своих бледно голубых глаз в сторону, величественного храма, к слову самого главного и как следствие самого большого на юге королевства. Там почти рядом с ним, через улицу всего, прямо в самом центре города находилась ратуша, а за ней сразу площадь Монументуса, излюбленного место встреч влюблённых, а также центр культурной жизни Пьянтуза театр «Драматических действий». Наёмник переместил взгляд дальше на юг, где от края до края горизонта раскинулось Синие море. Отсюда, если хорошо присмотреться, можно было заметить крохотные кораблики, снующие взад-вперёд, перевозя грузы и людей. В море впадала крохотная речушка Писунда. Чьё прямое, как шпага русло делила город на две неравные половины восточное и западное. Вторая представляла из себя административный и культурный центр, изобиловала местами развлечения и отдыха. Восточная же часть давала приют множеству мастерских заведений, ремесленных цехов, а также массе жилых кварталов – районам всегда беспокойным, и поэтому опасных для прогулок без оружия. Последнее место жилья Фрэноса находилось на окраине запада, тихого островка спокойствия, где можно было безбоязненно пройтись вечером без риска быть ограбленным. Не то что бы наш герой боялся кого-либо, хотя страх присущ всем разумным существам, он просто ценил комфорт и не хотел каждый раз шарахаться, когда сверху распаивались окна, чтобы вылить нечистоты прямо на головы зазевавшихся прохожих.

Фонари ещё не зажглись, но Фред точно знал, как только на небосклоне обозначиться первая звёздочка, на улице появятся неприметные фонарщики, со своим неизменными шестами-фитилями. Правители города строго следили, за тем, чтобы центральные улицы и площади никогда не знали тьмы. Это была ещё одна особенность Пьянтуза, он никогда не спал. Ночная жизнь кипела не меньше, а может и больше, чем дневная. Дело было в том, что город слыл не столь портовым, сколь развлекательным. Много приезжего люда желала расстаться с давившими карманы, деньгами взамен получив радость от удовольствий и удовлетворение от радости полученной. Традиционно наспигованные иностранцами портовые города заметно отличались от Пьянтуза, тем, что не только суда по морю заходили сюда, но ещё и по суше прибывали караваны. Город выгодно располагался вдобавок к морскому и на сухопутном торговом пути между восточными и западными частям Великого континента

Пустив мула вниз по склону, наемник вклинился в длинную вереницу гружённых провизией повозок, доехав с ними до самих ворот. Где в неотступном бдении и ещё большем желании сбить лишнюю монету с торговцев мелькали пропитые лица стражников.

«Серные Ворота», прочитал Нойс надпись над входом и не смог сдержать усмешки. За истечением лет, медные буквы потемнели, покрылись зелёным налетом, а некоторые литеры в первом слове вовсе отвалилась, переименовав тем самым «Северные врата» на замысловатые «Серные». Да и сами ворота представляли собой, жалкое убогое зрелище. Ветра, дожди и время вволю поизмывались над ними, превратив в жалкую насмешку былой твердыни. Фред не мог вспомнить, чтобы на его памяти их когда-нибудь запирали. Он подозревал, что это вообще невозможно сделать в принципе. Покосившиеся створки, обвисшие на петлях, буквально вросли в землю и, наверное, от приложенных к ним усилий, если бы вдруг кому-то

пришло в голову такая блажь, сдвинуть их с места, то не иначе как сразу же они моментально отваливались бы к дракусу под хвост.

– Не задерживай движения! – дыхнул на Фрэноса яростным перегаром стражник в глубоком шлеме до бровей.

– Честь имею! (долбанный придурок») Специалист по сугубо деликатным вопросам улыбнулся своей фирменной ослепительной улыбкой, и преподнес в приветственном жесте руку.

– Если кроме чести у тебя за душой ничего нет, то проваливай куда подальше! (С некоторых пор, рачительные отцы города принялись брать мзду за въезд в город. Вначале это коснулось только иностранцев, но затем на большом заседании с участием духовных и прочих уважаемых лиц было принято решения взимать пошлину со всех, так как все люди являлись созданиями Мируса и как следствие были равными не в зависимости в каком королевстве, в какой державе они проживали. Исключение составляли лишь знатные, высокопоставленные люди в чьи сердца бог солнца вдохнул больше своего священного пламени, нежели в остальные не принадлежавшие к сей благородной прослойке).

Не вступая в перепалку с хамоватым стражником, что могла вылиться только в дополнительные траты денежных средств, Фред спокойной, не спеша достал мелкую монету и мило улыбаясь, бросил её в шершавую ладонь насупившегося стражника.

– Лови служивый!

Произнёс он, устремляя мула в широкий проход. Вслед ничего не прозвучало, работы у местной стражи хватало, чтобы отвлечься на не приносящие доход дискуссии.

Улицы города представляли собой хитрое переплетение, улочек и переулков, потаённых закутков. Разноцветные дома, словно мазки на акварели художника жались так тесно друг к другу, что казалось они, представляют собой одно целое неделимое, уводящее за очередной поворот здание. Впервые очутившегося в Пьянтузе человека поражало обилие лавочек, ларьков, мастерских и кабачков, последних было в превеликом множестве, на любой вкус и кошелек. Каждый уважающий себя пьян, обязан был, хоть раз в день пропустить рюмочку, а лучше две срутиловки, это являлось традицией. Пьяны как никто другой в королевстве чтит традиции, ревностно оберегая их. Ведь недаром именно в Пьянтузе воздвигли статую под названием «Неизвестный с кружкой» изображавшего полненького весельчака призывно размахивающего огромной более схожей на бочонок с ручкой кружкой. Считалось хорошей приметой капнуть ему скрутиловки в кружку и чокнуться с ним затем. Это могло принести удачу, говорили некоторые.

Скрутиловка поистине стала всеобщим народным напитком. Её пили не только простые обыватели, но и не чурались ей люди высшего сословия. Аристократы, дворяне, разбавляли ей свои светские утончённые рауты этой согревающей нутро жидкостью. Даже люди духовные, служители Мируса отдавали должное сему по их словам «душевному напитку», никогда не выходя на проповедь, не промочив перед этим горло.

Сколько городом, под пологом ночи не старались завладеть коварные враги, сколь яростных орд восточных кочевников не врывалось, сквозь всегда любезно распахнутые ворота, потрясая грозно оружием и оглашая устрашающим рёвом округу, в итоге всё заканчивалось одним и тем же – грандиозной попойкой. Где даже самый жестокий и беспощадный воитель превращался в смиренную, сладко похрапывающую под столом хавронью.

Фред любил этот город, этих вечно оптимистически настроенных людей, которые, случись, к примеру, землетрясение, продолжали бы невозмутимо сидеть за столом, не спеша потягивая через соломинку разбавленную соком скрутиловку, рассуждая при этом о преимуществах урожая того или иного года. Пьянтуз был городом контраста, с одной стороны он полнился шумным весельем, праздниками, устраиваемыми не реже одного раза в месяц, с другой стороны он жил, неспешным ритмом жизни вмещая в себе, казалось бы, совершенно не сов-

местимые меж собой вещи суету и покой. Не подумайте только, что здесь обитали исключительно: лентяи, бездельники и пропойцы. Просто, большинство жителей, не безосновательно считало, что всех дел на свете всё равно не переделать, так зачем же спрашивается так торопиться? Традиции положенные первыми поселенцами дали обильные всходы. И теперь каждый уважающий себя пьян, считал нечто кошунственным или же зазорным не пропустить с утра рюмочку другую, так для настроения. Напиваться? Мирус упаси! Это же полезно для здоровья разогнать кровь и для аппетита тоже кстати. Утверждали они, доброжелательно улыбаясь. Тут просто очень весёлый народ живёт! Отвечали они, неизменно приглашая пропустить с ними по стопочке за знакомства, понимание, мир между народами и за мир во всем мире и прочее, прочее...

Большие башенные часы ратуши пробили девять часов. Нойс свернул с проспекта Поникса и сквозь арочный проём устроенный прямо в жилом доме въехал на узенькую улочку, причудливо изгибающую под напором не симметрично относительно друг друга выпячивающихся домов. На всём пути ему не повстречалось ни одно знакомое лицо. Чему он был только рад.

Сумерки, неспешно опускающиеся на город, встречали зажигающиеся фонари. Несмотря на кажущуюся неказистость улицы, бдительные фонарщики уже успели побывать здесь. Пусть освещение и ни было таким ярким, как на главных улицах, но и его света вполне хватало, чтобы разглядеть на брусчатке неровности и колдобины.

Фред слегка попетлял меж проулков, проверяя, нет ли хвоста за ним, затем заехал в продуктовую лавку, где купил каравай хлеба, пару зажаренных цыплят и пинту разбавленной скрутки. После чего уже напрямик направился домой. Или, точнее сказать в последнее место своего обитания большой трёхэтажный гостиный двор на улице, название которой мы не станем упоминать в целях безопасности.

Заведя Кори в конюшню, он быстренько расседлал его, насыпал корма и отправился к себе.

– Добрый вечер, синора Гарбужа.– Вежливо поздоровался наемник, ступив на порог гостиницы.

– Дон Фредерик, вы уже вернулись? Как прошла поездка к родным?

Управляющая съёмными квартирами, синора Гарбужа де Съем, оторвалась от брошюры посвященной свадьбе двух высокородных представителей семейств королевства и с любопытством присущим всем консьержкам воззрилась на Фреда. Последний отметил, что опять она завила свои тёмные волосы на бигуди, к слову сказать, никто никогда не видел её без этих предметов заморского туалета.

– Замечательно прошла! – накинув на лицо маску беззаботного веселья, бодро отрапортовал наемник.– Охота, рыбалка, походы за грибами...

– А родители ваши как поживают? Надеюсь живы-здоровы? – заботливо осведомилась Гарбужа.

– Всё хорошо. Правда, отец немного прихворнул. Но теперь слава Мирусу пошёл на поправку.

На самом деле родители его давно почили с миром, еще, когда он был совсем несмышлёным мальцом виной тому, как ему рассказывали, служил несчастный случай. Но он изначально, как заехал сюда сочинил легенду, о стариках родителях живущих за городом и себе самом решившим попытать счастья в большом городе.

– Наверное, приезд родного чада благоприятно повлиял на него? – консьержка, умильно покачивая головой участливо спросила.

– Да. Столько радости, принесла это встреча. Мы так давно не виделись, столько всего надо было сказать, друг другу...

Фрэнос демонстративно положил руку на грудь, показывая тем самым, как он расчувствовался сам.

– Как я вам завидую. Сколько времени я безвылазно здесь торчу за этой конторкой, дня белого не видя. Порой, знаете, хочется отбросить все дела в сторону и окунуться в лоно матушки природы, в места моего детства...

Мечтательно закатила глаза Гарбужа, к слову, ни разу за всю свою жизнь, не выбравшаяся за стены города.

Нойс терпеливо подождал, покуда синора изольёт душу, рассказав пару душещипательных историй из своей «тяжёлой юности» и задал интересующий его вопрос.

– Синора Гарбужа, за время моего отсутствия, ко мне кто-нибудь навевывался?

– Нет. Никто не приходил, – отрицательно закачала головой она, не преминув упомянуть. – Кстати, вчера я распорядилась, чтобы вашу комнату прибрали, и постелили новое бельё, как чувствовала, что вы вернётесь.

– Премного вам благодарен за заботу. (Старая любопытная карга, наверное, обшарила всё там верх дном) – Усмехнулся про себя Фред, он давно не новичок и всё ценное хранил в тайнике.

– Вот ключ, если, что-то потребуется, кликните. – Произнесла консьержка, тем самым давая понять, что разговор закончен и ее любопытство на время удовлетворенно.

– Спасибо. Спокойной ночи вам синора Гарбужа.

Комната наёмника находилась на третьем, последнем этаже продолговатого каменного здания, и её простецкая обстановка вполне соответствовала непритязательным требованиям холостяка. Кровать, стол, табурет и не большой платинный шкаф. Ничего лишнего. Единственное окно (гораздо шире, чем у Кранчика) выходило во внутренний двор. Не зажигая свечи, Нойс подошёл к окну. В крохотном, окружённом стенами соседних домов дворике было пустынно. Лишь серые коты проворно шныряли по мусорным объёмистым корзинам в поисках пропитания.

Молодой вор не случайно остановил свой выбор именно на этой комнате. Третий этаж позволял при необходимости в возникновении, каких-либо неприятностей, быстро ретироваться на крышу или же, наоборот, спуститься по водосточной трубе вниз и незаметно уйти дворами. Таким образом, предоставлялся широкий коридор для манёвра, случись чего...

Фрэнос предусмотрительно задернул занавеску и зажёл свечу. Тусклый свет разлился по комнате, едва осветив её. Но и этого освещения вполне хватило, чтобы скинуть одежду, усесться за стол и теперь, уже полностью расслабившись приступить к трапезе. Не успел он поднести аппетитную цыплячью ножку ко рту, как из соседского номера раздался шумный эмоциональный возглас. Верный признак нарастающего скандала.

– А, я говорю, дракус тебя подери, что ты сегодня никуда не пойдешь, и будешь спать со мной! На нашей дракус заberi кровати! Со своим законным супругом! И никак иначе! – драматично завывал мужской голос.

– Не указывай мне, что делать! И как жить! – вторил ему истерично взвинченный женский. – Между прочим, из-за тебя иду никчема ты эдакий!!!

– Не смей меня обвинять женщина! Я не виновен, что мой талант и дар не востребован! Если их скудоумие не дает понять моих душевных переживаний, ощутить дух драматургии, разве могут они прочувствовать всю тонкость искусства!? Эти жалкие плебеи! Ничтожества бутафорские!

– Ты бы лучше озаботился о насущных переживаниях! Знаешь ли, от них в животе не прибавляется! – язвительно заметил женский голос.

– О, эти мелочи жизни, о животные инстинкты! Тебе никогда не понять переживаний творца! Как низменны твои желания Кармелита! – послышался шум разбиваемой посуды.

– Видела, я сегодня утром, с каким ты воодушевлением накинулся на индейку.– Во всеуслышание огласила та, что носила имя Кармелита.

– Лучше было мне умереть, чем выслушивать подобные обвинения! – взорвался мужской голос. – Зачем явился я на свет, что б познать горечь разочарованья?! Нет, права лучше мне не жить, чтобы выслушивать каждый день подобные упрёки, так будет лучше всем!!!

– Да, заткнетесь вы, наконец!!! Покоя от вас нет! – третий голос вклинился в диалог за стеной, застав два предыдущих резко замолкнуть.

Фред узнал обладателя столь сочного баса. Николо Смеян, ещё один сосед по этажу. Два других голоса принадлежали Хуану Задрыгу и его жене Кармелиты. Их склоки уже давно стали притчей в языцах. Ревнивому, и вдобавок ранимому Хуану, жутко не нравилась профессия жены. И его можно было понять, узнав, кем она трудиться. А трудилась она в одном весьма известном борделе. Люди сведущие уверяли, что, там их и свела судьба. Задрыг, тонкая творческая натура, постоянно испытывал кризис недопонимания его таланта со стороны театрального бомонда. Написанные им пьесы, так и оставались чёрными мазками чернил на белой бумаге, годившейся разве что для клозетов гримёрных, да на растопку каминов. И как следствие его преследовала катастрофическое безденежье. И пока Хуан страдал от несправедливости судьбы или творил очередной драматический шедевр, Кармелита статная синора с пышной гривой рыжих волос трудилась в две смены, дабы пополнить скудный семейный бюджет. Взвалив на свои красивые смуглые плечи всё бремя забот насущных.

Выдержав короткую паузу, парочка вновь принялась за старое, правда, теперь перейдя на драматический шепот, изредка прерываемым злобным шипением и грохотом бьющейся посуды. Нойс, удручённо помотал головой, не зная то ли сочувствовать, то ли наоборот, смеяться в такой ситуации. Решив в итоге остановиться на третьем варианте.

Откусив кусок цыплёнка, он запил его разбавленной скрутиловкой. Старый, натруженный мир крутился в привычном русле...

Глава 2

Фред проснулся поздно, время близилось к обеду. Перипетии вчерашнего дня, вкупе с ночной интрижкой, немного вымотали его. Так, что продолжительный сон пошёл только на пользу. Он чувствовал себя более-менее отдохнувшим, относительно бодрым и набравшимся сил.

Опустошив глиняный кувшин с обыкновенной водой, Нойс закинул в рот вчерашние остатки еды. Затем, побрившись, быстро оделся и вышел прочь. Вот, так обыкновенно или как кому будет угодно, буднично начался день, самого прославленного наёмника-вора Пьнтуза, а быть может и всей Бурляндии.

На залитой солнцем улице его встретил Зика, старый дворник.

– Дня доброго синор Фредерик.– Привычно меланхолически поприветствовал он, на миг, отвлекшись от своего занятия.

– И тебе доброго Зику! – наемник знал, что последует дальше.

– Не одолжишь десять монет до субботы? Душа так горит, что не могу. Сегодня с утра думал, окочурюсь... – Побитое оспой лицо выражало неприкрытое страдание.

– Я не могу отказать тебе в помощи, когда речь идёт о жизни и смерти.– Нойс отсчитал на ладони десять маленьких медяшек и протянул их в трясущиеся руки дворника.

– Премного благодарен! Да, хранит тебя милость Мируса.

Зик всегда говорил правду, на что ему требуются деньги. За, что Фред относился к нему с уважением, но и это была не единственная причина. Дворник ещё и снабжал его время от времени полезной информацией.

– Выпей за моё здоровье. И когда освободишься, поухаживай за Кори.

– Непременно выпью и не один раз.– Сухие губы старика расплзлись в плотоядной улыбке, обнажив жёлтые пеньки, того, что некогда назывались зубами. – И за мула своего не беспокойтесь, я вымою его и вычистю.

Облокотившись на палку метлы, он проводил внимательным взглядом наёмника до угла, затем прикинув в уме, сколько можно будет взять, если не тратить на закуску споро засобирался за «микстурой».

Фрэнос не стал нанимать экипаж, (на муле он ездил только за городом) решив пройтись пешочком пару кварталов. За, почти десяток прожитых здесь лет, он успел досконально изучить город, и если бы того потребовала ситуация, сумел бы, наверное отыскать нужное место с закрытыми глазами. Каждая улочка, каждая подворотня была знакома ему.

Переходя сквозные пролёты домов, он искусно запутывал следы, на тот случай если бы за ним увязались шпики. Он, являлся профессионалом в полном смысле этого слова. Никогда не терял бдительности и не ленился намотать несколько лишних кругов, предпочитая дважды, а то и трижды перестраховаться, чем потом быть закинутым на дно реки с камнем на шее.

Прокружляв бесцельно, где-то с час Нойс нанял проезжавший мимо дилижанс. Теперь его путь пролегал меж старых зажиточных кварталов. Величественные дома, изукрашенные причудливой росписью, очерченные фигурной лепкой, лучших декораторов могли смело соперничать с их старшими братьями из столицы. Грузные повозки, заполонившие центральные проспекты мешали быстрому движению. Поэтому у Фреда было предостаточно времени рассмотреть их попристальнее.

Его внимания привлёк двухэтажный дом, держащийся немного особняком от остальных строений, с розовым резко констатирующим на белом фоне мезонином. Сквозь решётчатый забор можно было заметить круглый серебристый фонтан. Вода била прямо изо рта лежащей на каменной подушке мраморной русалке. Небольшая зелёная площадка перед домом пестрела многочисленными цветочными клумбами. На мощных кованых воротах сверкал недавно

подкрашенный герб, изображавший павлина в верхней части и два скрещённых меча перед сундуком в нижней. Знак барона Бранлейя, городского казначея.

Фрэнос припомнил маленького, подвижного толстячка с алчно поблескивающими глазами. Барон славился своей безудержной жадностью, как и своим немалым богатством. Оценивать которое не брались даже самые осведомлённые люди города. Его не любили, его призирали, но все без исключения, в том числе и градоправитель, неизменно прислушивались к его мнению. Казначей являлся главным идеологом налоговой политики Пьянтуза. Многие отдавали должное предприимчивому чиновнику, ведь именно благодаря его разумной финансовой политике город расцвёл, превратившись из захудалого приграничного городишка во вторую неформальную столицу королевства. Вняв его доводам и проектам, бургомистр и совет дворян сделали ставку на развлечения и туризм, вследствие чего в казну потекли денежки заезжих кондотьеров, варваров и прочих не совсем благонадёжных короне личностей. Именно с их денег взимаемые налоги приносили основной доход казне, а на мелкие шалости, что устраивали после долгих отлучек сии достопочтенные гости, власти смотрели сквозь пальцы.

Чуть поодаль, на противоположной стороне проспекта раскинул свои пенаты настоящий дворец. Двухэтажное здание с мраморными колоннадами, украшенными причудливыми каннелюрами, капителями и арками. Чертог донна Виолетти, отпрыска славного рода рыцарей, что в отличие от родословной Нойсов не затерялся в изъеденных молью веках истории, не поблёл под бременем лет, утратив былое величие, а наоборот упрочнив свои позиции, преумножив капиталы. Того самого Виолетти, что в воскресный день должен был сочетаться узами брака со славной, под стать ему историей рода и с таким же самым, а может и большим влиянием донной Розалитой.

Не смотря, что до торжества ещё оставалось пять дней, во дворце шла полным ходом подготовка. Садовники подрезали листья деревьев, вплетая в пышные кроны пёстрые ленточки и нарядные кружева, срезали подувядшие цветы в клумбах, подравнивали траву, выглядевшую и без того ровным аккуратным ковром, накинутым на обнажённую плоть земли. Стоявшие в очереди перед высокими воротами гужевые повозки, без слов свидетельствовали обо всей пышности и разнообразии праздничного стола. В городе то и дело проносились слухи, что сам король Теодор «Какой-то там» почтит вниманием чету Виолети. Дабы лично засвидетельствовать своё благословение молодым. Фред обратил внимания на развевающийся стяг, гордо венчавший фасад – белое полотнище с золотым быком на нём. Символизирующий напор и богатства обладателя. Скоро к нему добавиться красный единорог флаг Розалиты и два могучих клана сольются в один.

Дилижанс, наконец, покинул шумный запруженный проспект, миновал мост и, прибавив скорости, покатил через однотипные улочки, углубляясь в восточные кварталы, славящие свободой нравом и заведениями с сомнительной репутацией. В район, который добропорядочные жители предпочитали без особой надобности не забредать.

Доехав до Орлянской улицы, Нойс остановил карету. Расплатившись, он прошёл остаток пути пешком.

Конечным пунктом замысловатого променада являлся кабачок с провокационным названием «Гори-гори ясно». Само заведение, вклинившееся меж двумя покосившимися, с облупленной штукатуркой домами выглядело неказисто и довольно мрачно. Не радостное впечатление, в полной мере отражалось на всей улице, целиком такой же невзрачной, дурно пахнущей...

Фреду очень не хотелось здесь находиться, но заказчик избрал именно это место для встречи, и выбирать не приходилось. Под косые взгляды грязной, оборванной шантрапы, что ошивалась возле недалеко стоявшей хлебной лавки специалист по особо деликатным вопросам открыл покосившуюся дверь и вошёл внутрь.

Полумрак, царивший там, не мог скрыть всей ущербности и запущенности зала. Сразу же в нос ударила вонь подгоревшей жратвы (другого слова тут было никак не подобрать) и въев-

шиеся, казалось в сами стены с мебелью испарения ядерной скрутиловки. Большинство небрежно расставленных столиков пустовали, лишь двое из них были заняты. За одним скаучая, сидела уже довольно немолодая пара, с откровенно выраженным синюшным оттенком лиц, цвет которых без слов говорил о страстном пристрастии к горячительным напиткам их владельцев. По соседству через столик, на двух колченогих табуретов развалился лысоватый толстяк. Громко чавкая, он сосредоточенно, будто выполняя какую-то ответственную работу, уплетал галушки, запивая их целым жбаном чего-то дурно пахнущего.

Бармен, волосатый детина с чёрными, как смоль волосами, заплетёнными на манер варваров в косички, окатил нового посетителя скаучающим взглядом, словно кроме него самого никого вокруг не существовало. В другом случае Фрэнос не за что не задержался тут и на минуту, лучше подождав заказчика на улице, но чёткие инструкции не позволяли ему взять и развернуться. Издержки профессии напомнил он сам себе свою догму. А бармену подойдя, сказал.

– Кружку скрутиловки...

Детина хмуро взглянул на него исподлобья, будто его отвлекли от чего-то важного. Нойс начал сомневаться услышали ли его вообще, и уж было решил повторить заказ (ибо не заказать вообще ничего он не мог, пьяны, очень ревниво относились к своим традициям, особенно если они касалась сферы услуг и развлечений), но не успел сделать этого.

– Пять медяков.– Буркнул бармен, флегматично вынимая с подноса кружку, дабы заполнить её мутной жижей пахнущей почему-то золой.

Фред, обладавший довольно богатым воображением и то не мог представить, производную сего продукта из чего он был выгнан. Попробовать, чтобы определить на вкус и речи не могло быть никакой, он не настолько был любознательным и рискованным хоть и занимался ремеслом крайне опасным и вредным для здоровья.

Взяв свой бокал, он прошёл с ним за самый крайний столик, находившийся возле самого входа, всё-таки там посвежее дышалось благодаря широким щелям на косяках не плотно прилегаемой к лудке двери. Там сев, за расшатанный табурет он принялся терпеливо поджидать заказчика. На его удачу скаучать, долго не пришлось.

Ровно десять минут спустя после его появления здесь, дверь кабачка распахнулась, и в проёме образовался широкоплечий подтянутый мужчина с глубоко напыленной до самих бровей шляпой. Его одежда не отличалась ничем, от привычной городской: коричневые хлопковые штаны, лёгкие кожаные ботинки, белая сорочка и может быть не к месту одетый жаркий камзол. Но запаренным он не выглядел. Не снимая головного убора, он прошёл к столику где, ссутулившись, сидел Фред и без приглашения уселся напротив его.

– Цацка у тебя? – не поздоровавшись, сразу взял быка за рога он.

Нойс посмотрел в глаза собеседнику. Как и при первой их встречи во взгляде этого человека застыл тёмный лёд. Ещё тогда, в таверне « Сказочная трапеза», когда неожиданно-негаданно к нему, спокойно попивающего холодный чай, подсел будущий заказчик (или посредник, для наемника это была закрытая страница, даже по своим каналам он не смог идентифицировать его). Он отметил странное выражение глаз, что двумя острыми льдинками, буквально насквозь тебя пронизывали, заставляя невольно ежиться, как при морозе. « Грэм» Коротко отрекомендовался тогда он, предложив очень выгодный контракт, суливший неплохой заработок, при, казавшейся на тот момент не пыльной работёнки. Чем последовавшая засим вылазка в замок Жирдя закончилась было известно. Только опыт и высочайшее мастерство позволило скрыться безнаказанно наёмнику. Нойс уже начал сожалеть, что связался с этим не простым господином.

– Язык, что ли проглотил? – в словах Грэма отчётливо сквозило январским морозцем, каменное лицо не выражало вообще никаких эмоций.

– Забавы нет.

«Нетерпеливый какой, наверное, тебя кто-то придавил крепко». Пальцы Фреда легко барабанили по глиняной чашке с источавшей зловоние скрутиловкой. У него промелькнула озорная мысль угостить ей своего заказчика. Но нет, не стоило, тот мог решить, что его хотят отравить, дабы не возвращать обратно деньги.

– Ты не сумел достать её? – тем временем то ли спросил, то ли констатировал факт Грэм.

– Догада ты! Да, не смог и более того, чуть было сам не стал игрушкой в руках разъярённых стражников. И всё благодаря вашей милости...

Нойс старался не давать волю эмоциям, но накопившаяся злоба так и подмывала его связвить. Он был далеко не мальчик, чтобы с ним, в таком тоне, столь небрежно разговаривали.

– Не кипятись. Рассказывай по порядку, что случилось? – Грэм, уловил настроение собеседника и сбавил обороты.

– Ничего особенного. Если не принимать во внимание обвешанный, словно новогодняя ель игрушками, магическими артефактами замок.

– Охрана, волшебник?

Фред понемногу остывал, ледяной голос лишённый напрочь всяческих эмоций казалось, мог охладить жар пылающего камина.

– Когда артефакты подняли тревогу, стражники на удивление быстро сориентировались в ситуации, честно говоря, я не ожидал от них подобной прыти. Создаётся впечатление, что их заранее предупредили. Касательно мага, то он не в пример охраны долго чухался, лишь под самый занавес соизволили показать хозяину, что недаром ест свой хлеб. Я уже молчу о такой мелочи, как пущенные в облаву волкодавы...

– Тебя видели?

– Не думаю, разве, что общий силуэт, но это не имеет никакого значения, в лицо они меня точно не узнают.

– Не наследил, надеюсь?

Наемник, посчитал выше своего достоинства отвечать на бестактный, по его мнению, вопрос.

– Понятно.– Грэм задумчиво погладил рукой гладко выбритый до синевы, волевой подбородок.– А в комнату тебе удалось проникнуть?

– Нет. У самой двери взвыли охранные заклятья. Мне пришлось срочно уносить ноги. Цахес Цугубер, а этим магом был именно он, применил какое-то особо сильное охранное заклятие, напоследок едва не поджарив меня пущенным в след огнешаром.– Фрэнос, особо не вдаваясь в подробности, пересказал все перипетии этого сорвавшегося дела произошедшие с ним.

Мужчины замолчали, обдумывая каждое своё. В зале особо ничего не изменилось, толстяк продолжал набивать желудок, галушками топя их сомнительным пойлом. Парочка, лениво развалившись, о чём-то тихо беседовала. Только один бармен запропастился куда-то.

– Контракт должен быть выполнен.– Через некоторое время процедил сквозь зубы Грэм.

Нойс ругнулся про себя, но виду не подал, что особой радости его слова ему не доставили.– Я не отказываюсь от контракта. Но условия договора должны быть пересмотрены в сторону увеличения гонорара.– Твёрдо отчеканил Фрэнос, выдерживая устремлённый на него тяжёлый взгляд Грэма.– Меня не поставили в известность, на счёт всех нюансов связанных с процедурой изъятия, – счёл обязанным добавить он.

Это был серьёзный аргумент, и наемник в глубине души надеялся, что Грэм откажется доплачивать. В таком случае у него будет веский повод расторгнуть контракт. Снова лезть в это натыканное, как игольчатая подушечка булавками опасностями логово ему совсем не улыбалось. Но, против всех ожиданий Грэм и бровью не повёл.

– Согласен. Сколько? – лишь коротко осведомился он, словно речь шла о совсем незначительной сумме денег.

– В два раза выше оговоренной платы.– Ляпнул наемник, понимая, что это его последний шанс спрыгнуть с мчащейся вниз горы повозки. И он, увы, этот шанс, конечно же, ему не выпал.

– Меня устраивает. Когда ты приступишь? – деловито осведомился заказчик.

– Мне надо некоторое время, для более тщательной подготовки.– Начал перечислять Фрэнос. – Понадобятся дополнительные разблокирующие артефакты. Некоторые детали надо будет уточнить. Да, и охрана пусть немного успокоится. Я так думаю, через месяц можно будет снова попытаться навестить нашего знакомого.

– Слишком долго. Двух недель хватит с головой.

По железным ноткам, прозвучавшим в голосе Грэма, наёмник понял спорить бесполезно, но всё-таки попытался.

– Слишком маленький срок, стража будет на чеку.

– Говорят, ты лучший в своём деле. А раз так, то обязательно что-нибудь придумаешь.–

Оставался непреклонным Грэм.

Нойс кисло поморщился, – откуда такая спешка, через тридцать дней я без шума и пыли преподнесу его вам на блюдечке...

– Нет, я сказал, меня этот срок не устраивает.– Обрывая все возможные аргументы в пользу более поздних сроков заявил Грэм.– И ещё, я не хочу, чтобы товар нечаянно подпортился.

– Тебе не зачем мне это напоминать. За доставку и сохранность интересующего предмета я отвечаю.

– Головой... – Счёл необходимым добавить Грэм.

– В том числе... – Не стал препираться наемник, в какой-то мере признавая правоту клиента.

– Договорились. Здесь третья часть суммы, – он положил на исцарапанный стол увесистый кошель.– ровно через две недели, я это же самое время, встретимся в «Маленьких радостях».

– И ещё, – сказал Фред, упреждая засобиравшегося было нанимателя на выход.– Меня интересует, чем так ценна эта статуэтка, что за неё кто-то готов уплатить такую непомерную цену?

Конечно, он был несколько не прав, задавая столь бестактный вопрос, что в его среде считалась дурным тоном интересоваться у клиента причинами похищения той или иной вещи, но случай выходил из разряда типовых, требуя более детального рассмотрения, и по возможности большей информации.

– Ты задаешь слишком много вопросов.– Холодно бросил Грэм, поджав губы.

За ответом в глубокий карман Фрэнос не полез, сразу выдав – Ситуация того требует. Много неизвестных в ней. Раз уж я лезу в это осиное гнездо, мне хотелось бы знать, что там находится и что меня ожидает. Я, знаешь ли, рискую собственной шкурой.

– За деньги рискуешь, – внёс бесстрастным тоном весомое уточнение наниматель.

– Деньги, знаешь ли, покойникам, ну совершенно не нужны! – В сердцах воскликнул Нойс несколько громче чем того хотел. Правда особого оживления его фраза в зале не прибавила. Пожилая пара искоса на него взглянула и сделала вид, что им всё равно, толстяк даже не удосужился делать вид, ему и так было всё равно.

– Парень у меня создается впечатление, что ты ошибся с выбором профессии.

На этот раз в голосе Грэма впервые промелькнули какие-то отголоски эмоций. Фред идентифицировал их как нотки насмешки. Было очевидно, что ничем не пронять этого человека.

– Мы друг друга поняли, я так думаю... – медленно произнёс заказчик.– Через две недели я надеюсь увидеть тебя не с пустыми руками.

Сказав это, Грэм поднялся и, не прощаясь, вышел прочь. Фрэнос, тоже не стал себя долго задерживать. Выждав минуту, после ухода заказчика, он стряхнул с одежды невидимые крошки, спрятал мешочек поглубже в кармане и проследовал на выход. Краем глаза отметив, как парочка оживилась при взгляде на оставленную непочатую кружку скрутиловки.

На этот раз он не скрывался. Если и стоило опасаться, так это местных сорви голов, чья лихая удаля, бесшабашно пущенным бумерангом разлеталось на весь город. В восточные кварталы, даже варвары предпочитали в одиночку не забредать. Но сейчас, то ли разморенные полуденной сиестой, то ли просто находившиеся в отлучке бандиты не спешили останавливать одинокого прохожего. Чья расслабленная походка свидетельствовала о полной уверенности в себе и в собственных силах. Может быть, как раз сей факт, стал решительным аргументом, почему увязавшаяся было за ним малолетняя, дежурившая у хлебного ларька шантрапа, вдруг загрузив, повернула обратно.

Поймав на параллельной улице экипаж, каким-то невероятным чудом оказавшись в этих трущобах, Нойс напрямик направился в кабачок под названием «Сказочная трапеза». Он успел изрядно проголодаться, а лучшего места, в городе не существовало, где бы в мирной, непринуждённой обстановке можно было утолить голод. Насладиться весьма достойной трапезой, где не приходилось щуриться, выискивая в тарелке какую-нибудь мерзкую живность, ну а лучшей скрутиловки в городе было вообще нигде не сыскать. Хозяин трактира имел собственный виноградник и самым пристальным образом следил за процессом её приготовления. Удачно подобранное место, сразу за площадью Монументуса, в купе с разумной ценовой политикой обеспечивала Сэма Пузо постоянным притоком клиентов. Что ж хвалебных слов было сказано в преизбытке, осталось теперь убедиться в воочию в справедливости последних, заглянув туда самим.

Спустя тридцать минут карета подкатила к трактиру – одноэтажному строению с широким высоким фронтоном, чью треугольную площадь занимала огромная красочная вывеска, изображающая голову весело ощерившегося двумя рядами зубов какого-то жизнерадостного синора. Расплатившись с кучером, кивнув головой на слова благодарности за щедрые чаевые, Фред потянул за медную ручку дубовой резной двери и окунулся напрямик в ароматные запахи свежеприготовленной пищи.

– Кого я вижу Фред дружище!

Поджарый рыжеволосый мужчина приглашающе замахал рукой, стоило наемнику появиться в проходе. Шум в зале стоял выше обычного, поэтому мало кто обратил внимание на столь радостное проявления чувств, впрочем, как и на появление нового человека. Судя по точившимся здесь жарким дебатам сдобренных пьяными колбасками (фирменным блюдом Пузо) и размахиванием бокалов, завсегдаги обменивались мнениями по поводу предстоящего события, высказывая плюсы и минусы предстоящего династического союза. Приводя различные доводы, все преимущества и недостатки будущей семейной четы.

– Привет Мандарин! Как твоё житьё-бытьё? – Приблизившись ровно настолько, чтобы быть услышанным воскликнул Фрэнос.

– Как выпьешь, так сразу лучше! – привёл в ответ любимую свою присказку рыжеволосый наемник явно пребывавший в добром расположении духа развалившись на своей скамье.

Мужчины обменялись крепкими рукопожатиями. Нойс не мог похвастаться большим количеством друзей, в коротком списке последних Мандарин занимал почетное первое место.

«Их дружба тянется уж более десятка лет», посетила неожиданно мысль его. А казалось, ещё совсем недавно их свела насмешница судьба. В памяти Фреда достаточно свежа была та судьбоносная встреча, когда, впервые приехав в большой город, из заштатного поместья дальнего родственника, он окунулся в мир ранее неведомых ему развлечений. Калейдоскоп встреч, ночных приключений, игорные дома, попойки, дамы лёгкого поведения. Известная история.

Будущий специалист по сугубо деликатным вопросам быстро промотал те немногие крохи, что снабдил его сердобольный дядюшка в дорогу и не заметил сам, как оказался в долговой яме.

Порой, он задумывался, как сложилась бы его дальнейшая жизнь, не повстречай, он Мандарина на своём пути. На пять лет старше, уравновешенный, никуда не торопящийся, с известной долей сарказма уже успевший зарекомендовать себя в кругах определённого типа. Сам, будучи бедным выходцем, из Восточных кварталов, он сумел утвердиться в жизни. Хотя никогда не старался как-то выделиться кичиться, как некоторые другие вылезшие из трущоб достигнутым. Ценное качество, для людей, занимавшихся не очень законными делами. Фред в то время пребывал в глубоком унынии, кредиторы поджимали со всех сторон, работой постоянной он так и не обзавёлся, а возвращаться обратно к дядюшке не позволяла совесть и главная отличительная черта всех де ля Нойсов – гордость. Отчаяния достигла таких пределов, что он решился пойти на крайнюю меру – грабёж. Силой он был не обделён, что немного не вязалась с природной худобой, а высокое на первый взгляд кажущееся нескладным тело обладало гибкостью присущим гимнастам.

Так вот, тем не примечательным осенним дождливым днём, когда закончились последние крохи и во рту, два дня не было маковой семечки, он, наконец, решился. Вооружившись ржавым, найденным на чердаке последнего места пристанища мечом, и дико нервничая, Нойс отправился на первое своё дело. Без улыбки нельзя было вспоминать те минуты, когда он промокший до нитки, вжавшись в тёмную нишу, какого-то замызганного переулка до посинения руки, сжимал неудобную рукоять меча, с замиранием сердца поджидая подходящую кандидатуру. Он пропустил мимо не одного синора, постоянно отодвигая роковой момент, не в силах заставить себя превозмочь, те крохи воспитания, что вложил в него престарелый дядюшка. Возможно, он так бы и не сдвинулся с места, кабы на его счастье (именно счастье, других объяснений просто не существовало), мимо не проковылял молодой подвыпивший повеса, которого почему-то он решил тогда, ограбить не представляет ничем таким зазорным. Набравшись храбрости, он вынырнул из-за тесной ниши, и театрально воздев меч, как в дешёвенькой уличной оперетте, произнёс классическую фразу, всех времён и народов, встречавшуюся не единожды в прочитанных когда-то им книгах. – Кошелёк или жизнь?!! Но, на его глубокое удивление, незнакомец почему-то, не замер в приступе страха, поведя себя совсем не так, как было написано в приключенческих романах. Напротив, едва усмехнувшись, парень покачал головой и каким-то неуловимым движением сбил его с ног, точно соломенную куклу. Это позже, Мандарин, так незатейливо звали его, поделился секретом приёма. А тогда, вместо того, чтобы сдать страже или попросту самому не прикончить незадачливого грабителя, он внимательно выслушал короткую, но довольно душещипательную исповедь попавшего в неприятную историю провинциала. И вынес неожиданный вердикт

Для Фреда, до сих пор являлось загадкой, что рассмотрел в нём Мандарин – перспективного наёмника, или нежданно нахлынувшая сентиментальность повлияла на него тогда, но через час они сидели в «Счастливой трапезе» и весело хохотали над философскими шутками Мандарина, щедро запивая их отменной скрутиловкой. В ходе беседы выяснилось, чем занимается его новый друг. «Лига наёмников», Нойсу доводилось уже слышать название этой незаконной организации. Не вдаваясь в детальные подробности, Мандарин вкратце изложил суть «работы» и как бы невзначай предложил ему попробовать. Для Фреда это был подарок судьбы, он, не раздумывая, согласился, до конца ещё не веря всему происходящему с ним в этот вечер.

Какого же было его удивления, когда через несколько дней, придя по указанному адресу, он увидел вместо заматеревшего, свирепого вида главы клана, щупленького немолодого синора, чьим официальным прикрытием его занятий служила часовая мастерская. Да и сама лига, представляла собой мелкий конгломерат независимых наёмников, где каждый, по сути, был сам за себя. Деловой разговор закончился заключением негласного соглашения, по кото-

рому Нойс обязывался на протяжении пяти лет безропотно служить, исключительно на благо делу лиги, то есть деятельному синору уже тогда носившим прозвище Старик. Взамен он получал отличного преподавателя и полное покровительство, что его полностью устраивало. Так для Фреда началась новая веха истории и никогда, он не забывал, кто послужил своеобразным пропуском в эту самую новую жизнь.

– Никаких перемен в жизни? – присаживаясь рядом, напротив поинтересовался Нойс.

– Помаленьку продвигаюсь к светлым чертогам Мируса.– Откинувшись на спинку стула безмятежно улыбаясь, протянул Мандарин.– За последний год этот солнечный дед стал мне еще чуток ближе. Или я к нему, всё зависит, с какого ракурса поглядеть тут...

– Всё философствуешь?

Усмехнулся Фред, зная слабость друга – порассуждать о жизни, в особенности, когда он выпьет. Правда в последнее время Мандарин частенько начал злоупотреблять скрутилкой, что не могло не настораживать, в неписаной истории «Лиги наемников» хватало случаев, когда люди спивались, не выдержав всего напряжения вредной для здоровья и опасной для жизни профессии.

– Философствуют, профессора, стоя на кафедре перед аудиторией воздевая при этом руки к небу. – Не согласился с другом Мандарин.– А, я...

– А ты, воздеваешь руки к кружке! – Фрэнос не сумел сдержаться, чтобы не перебить старого друга, весело рассмеявшись.

– Не без этого.– Мандарин, притворно обиделся. – Но, я, по крайней мере, не пудрю мозги, наивным простофилям. Я рассуждаю о незамутнённой правде жизни, о том какая она есть на самом деле, без налёта пафоса и лжи. И вот, что я тебе смею заявить, всё это жизнь, он обвел рукой перед собой, это всё наша жизнь и так жить нельзя!

– Кафедра «Философских Измышлений и Исследований» много потеряла, не обратив внимания на такого неординарного мыслителя.– Заметил Нойс.

– Да, дракус с ней! – небрежно отмахнулся Мандарин.– Нет у меня больше забот, чем попусту сотрясать воздух. Мои голосовые связки чересчур хрупкие и боюсь, не выдержат такого напряжения, да и врать я так красиво, как тамошние преподаватели не сумею.

– Фредерик рад тебя видеть! Давненько ты к нам не заглядывал.

К друзьям, широко улыбаясь, подошёл высокий плотного сложения мужчина.

– Взаимно Сэм! – рука Фреда утонула в огромной лапище хозяина трактира.– Ездил в деревеньку проводить стариков. – Дежурная ложь вполне невинна, прозвучала в устах наемника.

– Не знал, что ты родом из деревни, всегда думал, что городской, местного так сказать разлива. – Удивился Сэм.

– Как видишь я чужак в этом городе...

– Бедный и несчастный сирота.– Добавил сочувственно Мандарин.

– Да, ладно брось прибедняться.– Запротестовал хозяин таверны.– И никакой ты вовсе чужак. В Пьянтузе такая категория людей давно отсутствует как класс. Каждый въехавший в город автоматически становится местным.

– Покуда у него в кармане не перевелась наличка... – Внёс существенную поправку Мандарин.

– Ну, это уж как придется. Законы гостеприимства требуют, чтобы достойный синор, не забывал оставлять деньжата в кабачках, лавках и гостиных заведениях. Знаете ли, им создаются все условия для жизни, так что они должны тоже в свою очередь проявлять должное понимание...

– Вот, что мне нравится, так это «патриотичный» подход жителей Пьянтуза! Ну, где ещё найдутся люди, которые будут пристально следить, чтобы набитые грабежами карманы кондо-тьеров неукоснительно очищались предприимчивыми торговцами и делягами города?!

– Синор Мандарин, вы зря так всё утрируете! Мы все работаем, исключительно на благо всего города.

Фред видя, что задетый за живое Пузо, вот-вот готов пуститься в торгово-экономические суждения попытался переменить тему.

– Сэм, как на счёт твоих фирменный колбасок? В продолжение всех дней, что я отсутствовал, признаться честно, мне больше всего не доставало их. Никто не умеет так вкусно готовить это поистине волшебное блюдо! Мандарин, ты согласен со мной?

– Готов, полностью подписаться, под каждым твоим словом. Пьяные колбаски без преувеличения шедевр Пьянтузовской кулинарии и Сэма Пузо в частности!

Толстые губы владельца «Счастливой трапезы» разошлись в довольной улыбке. Для него не было слаще похвалы, чем признания его профессионального мастерства.

– И скрутиловка нечета тому пойлу, что разливают в зашарпанных кабаках и тавернах.– Продолжал нахваливать того Мандарин не скупясь сегодня на комплименты.

– Секрет нашего заведения прост, мы разливаем с любовью и кормим с душой! – положив руки на плечи друзьям, несколько патетично произнёс Сэм.

Стоило ему ретироваться на кухню, как Мандарин резко сменил тон, в раз став серьезнее. Внимательно окинув взглядом друга, он произнес.

– Я слышал, пару дней назад, кто-то предпринял неудачную попытку обчистить кладовые Жирдяя...

Фрэнос устало перевёл дух, кивком головы поприветствовал знакомое лицо, находившееся, через два столика и негромко спросил.

– Да? Любопытно, что же хранят такого ценного закрома далеко не самого богатого в округе барона, что нашлись желающие обчистить их.

– Не спорю довольно-таки любопытный вопрос, что спрашивается, могло понадобиться грабителю дерзкому от столь незначительного дона. Что же скрывает подалее от посторонних глаз он там, в пыльном чулане, что пришлось нанять целый отряд наёмников и пригласить одного из-самых известных в королевстве магов? – закончив говорить, Мандарин многозначительно поглядел на друга своего.

– Да, уж, тут есть над чем поломать голову.– Продолжая демонстрировать полное неведение, вздохнул Фред.

– А надо ли ломать её? – усмехнулся Мандарин, хитро прищурился правый глаз.

– Не понял?

– Имеет ли смысл ломать голову над этим вопросом? – Мандарин выдержал короткую паузу изучающе глядя на Нойса. – Меня, к примеру, больше волнует личность лица вторгнувшегося во владения Жирдяя...

Нойс устало махнул рукой, – я избавлю тебя от дальнейших головоломок.

– Я так и подумал, что это ты заглянул на огонёк к нему вечером.– Понимающе закивал головой Мандарин и потянулся за графином, но вспомнив, что у друга пока, что нет посуды, куда налить отдернул руку обратно.

– Что повергло, тебя сделать, именно такой вывод? – живо поинтересовался Фред, не скрывая любопытства своего.

– На самом деле, это было сделать, как раз таки совсем не сложно.– Подобравшись, начал приводить свои доводы Мандарин:– Во-первых: с некоторых пор, барон серьезно заинтересовался магическими побрякушками, знающие люди утверждают, что у него, довольно приличная коллекция собралась. Он, даже совсем не последнего волшебника королевства выписал к себе. Что уже само по себе говорит, о далеко не любительском интересе Жирдяя к своему хобби. Наверняка, он накопил, что-то по-настоящему стоящее. Ну, а во-вторых: назови мне хоть одного отчаянного смельчака решившегося на рейд в столь хорошо защищённое место, да к тому же умудрившегося унести оттуда ноги. У меня одна кандидатура на эту роль...

– Мне нечего добавить к твоим словам. Разве, что было всё сложнее и опасней, чем ты только что обрисовал.

– Не сомневаюсь. Это всего лишь взгляд постороннего человека на данную тематику. И ничего большего.– Мандарин развёл руками.

– На счёт постороннего наблюдателя, то тут я бы с тобой поспорил. По крайней мере, ты осведомлён лучше в делах Жирдяя, чем сам виновник волнений известного коллекционера.

– На самом деле? – теперь в словах Мандарина откровенно засверкали искры любопытства.

– Ты не ослышался. Для меня действительно стало новостью, что Жирдяя в руки попало нечто, настолько ценное, что он пригласил из столицы прославленного мага. По моим сведениям Цугубер приехал в наши края поправить здоровье и любезно согласился на предложения барона погостить у него.

– Я всегда говорил, что ты опрометчиво бросаешься во всякие авантюры, не изучив, как следует суть предстоящего дела, всю подоплеку его, подводные течения и рифы, что могут скрывать невинные на первый взгляд контракты.

Фрэнос, поморщился, нравоучения, пускай и от друга металлической щёткой прошлись по уязвлённому самолюбию.

– Меня изначально неправильно проинформировали. Но, я не снимаю вины с себя, за то, что не достаточно скрупулезно прошупал будущий объект. Слишком, уж простецкая, на первый взгляд выглядела работёнка.

– И, едва за это не заплатился..

Сэм вернулся к столику, неся в руках большой поднос с дымящимися на нём колбасками. В признании своего уважения к гостям он решил самолично обслужить Нойса и Мандарина.

– Угощайтесь друзья.

Аппетитный запах специй заставлял непроизвольно выделяться обильной слюне во рту. Не даром со всех районов города к Пузо приходили люди. Кто хотя бы один раз попробовал это блюдо, никогда не сможет позабыть его вкус и непревзойдённый аромат.

– А, это эксклюзивная штука, из моей личной коллекции.– Он поставил на стол бутылку из темного стекла. – Скрутиловка приготовленная в год «Жирного посева».

Мандарин удивлённо присвистнул. – Да, ведь это же самый лучший урожайный год нашего заканчивающегося века! Я думал, королевский двор полностью выкупил эту партию?

– Как видишь не всё, досталось власть имущим! – ухмыляясь, расплылся в широченной улыбке Пузо.– Я, никогда не забываю радовать, эксклюзивными вещами своих лучших клиентов!

Услужливо расставленные бокалы смазливой официанткой, по всей видимости, новенькой, Фред не помнил, чтобы она раньше тут работала, быстро наполнились янтарной жидкостью.

– За, столь радушного хозяина этого чудесного заведения! – воскликнул Мандарин, вставая на ноги.

– За выдающегося кулинара и винодела современности! – поддержал его Нойс, тоже поднявшись.

– За, таких славных людей, как вы синоры! – краснея от удовольствия, заключил Сэм.

Мужчины осторожно чокнулись, дабы, не дай бог не пролить ни единой капли, столь бесценного напитка и благоговейно поднесли ко рту бокалы.

– Великолепно, лучше всех похвал! – по достоинству оценил Фред скрутиловку Пузо, не припоминая когда пил последний раз, такой мягкий насыщенный нежным ароматам напиток.

– Не сомневаюсь, подобный нектар подносит Мирус, когда праведник входит в его чертог! – вынес свой вердикт Мандарин напитку.

– Я рад, что вам понравилось синоры.

Скромно поблагодарил раскрасневшийся то ли от похвалы, то ли от выпитого Сэм и, извинившись, поспешил, к вошедшим в трактир новым посетителям. Судя по дорогим одеждам, военной выправке и высоким шляпам гостей из Бухантуса. Не успев появиться, они плотно завладели всеобщим вниманием. Разговоры, о предстоящем браке двух дворянских родов резко поутихли.

– Кто заказчик? – чуть погодя спросил Мандарин, подняв вверх вилку, в которой дымилась лоснящаяся жиром колбаска.

Фрэноса немного смутил вопрос друга, произнесённый так вот в лоб. В столь специфической среде, где они оба вращался, не принято было называть имена нанимателей. В том числе, это оговаривалось при заключении контракта, естественно не гласного, ибо по понятным причинам не могло быть и речи, чтобы оформлять его письменно. Незыблемость правил, соблюдалось неукоснительно. Огласке не подлежала не имя заказчика, не непосредственно, сам интересующий объект.

– Если хочешь, можешь не называть имён.– Видя сомнения охватившего друга и коллегу, усмехнулся Мандарин, откусив изрядный кусок колбаски.

– Он, назвался Грэмом.= Принял решение назвать имя заказчика Нойс, после короткой, но не простой внутренней борьбы.

– Грэм, Грэм, Грэм...

Вдумчиво перебирая имена в памяти, зашептал рыжеволосый наёмник.– Не, не знаю. Никогда не слышал о таком. Опиши его.

– Чуть выше среднего роста. Широкоплечий, чувствуется, сильный, волевой человек. Уверенная походка. Тёмные гладкие волосы, подстриженные на западный манер выражение лица всегда напряжённое. Главная особенность глаза. Словно в них застыли две льдинки. Откуда он родом не знаю, как собственно говоря, и кому служит.

– Как он на тебя вышел?

Вопросы Мандарина были короткими но по существу, как на допросе невольно отметил Нойс внутренне поморщившись при этом не совсем удачным сравнением, но отвечать продолжил.

– Самым обыкновенным способом. Пару недель назад, сидя вон за тем столиком, – Фред кивком указал на столик у двери, за которым сейчас восседала вошедшая недавно четверка гостей в высоких шляпах.– Ко мне подсел незнакомый синор и после короткого вступления, где он проявил глубокую осведомлённость, нашим ремеслом, предложил контракт.

– Ты, что так, легко с бухты-барахты согласился на него? – Мандарин выразил искреннее удивление, впервые за весь вечер, отметил про себя наёмник.

– Нет, конечно, за кого ты меня считаешь? Я взял два дня на обдумывания, хотя он меня и торопил. Попытавшись, навести справки о Грэме. Я так ничего и не выяснил. Понимаешь НИЧЕГО. Ни кто он, ни откуда приехал, ни чем сейчас в городе занимается, ноль полный.

– У Сэма спрашивал?

– Он, тоже сказал, что не знает этого человека, впервые увидев его в своём заведении вместе со мной. Тупик полный...

– В интересное дельце ты впутался, ничего не скажешь.– Продолжал тихо вслух рассуждать Мандарин, – понятное дело его интересует, какой-то артефакт...

– Не просто интересует, он его просто жаждет заполучить. Учитывая, на какую сумму, он готов раскошиться...

– Ты, с ним после провала встречался?

– Только от него. Контракт продолжен, сумма гонорара возросла в два раза!

– Старик, должно быть, и не предполагал про имевшуюся у тебя коммерческую жилку. – Присвистнул Мандарин.

– Я надеялся, что он откажется, но нет.

– Понимаю. Тебе нелегко придётся в следующий раз. Цахес, наверняка целую магическую паутину на замок накинуд.

– Можешь, мне это не говорить. Я прекрасно отдаю себе отчёт, какие там ждут меня испытания...

– Тебе бы не мешало сходить к Старика.– Задумчиво произнёс Мандарин, потирая небритый подбородок.

– Я тоже подумываю об этом. Надо будет навестить его. Кстати, как он там поживает?

– Всё, также. Взял нового ученика себе. Смешливый вроде парнишка. Ты, знаешь, у Старика всегда был нюх на перспективную молодёжь...

Друзья замолчали, сосредоточив внимания на колбасках. Фред всегда не переставал поражаться, правильным подбором специй в них. Казалось, ничего не обычного в них не было. Обыкновенные колбасы, кои в изобилии можно отыскать в каждой мясной лавке. Ан, нет. Поди, ж ты, вымоченная в фирменном рассоле и запечённые в углях боров-дерева, они приобретали совершенно другие ароматы и вкус. Правда, иль нет, но ходили упрямые слухи, что сам королевский повар, будучи в Пьянтузе в связи визитом его Высочества, посетил лично «Счастливую трапезу», где продегустировав фирменное блюдо Пузо, выразив преогромное удовлетворение от столь изумительных колбасок. История умалчивает, уступил ли Сэм настойчивым уговором повара, поделиться рецептом, иль ему хватило духу отказать. Но факт, оставался фактом, нигде более не продавались «Пьяные колбаски», кроме этого трактира. Именная королевская лицензия, что красовалась на самом видном месте, над барной стойкой безапелляционно, свидетельствовала, о принадлежности всех авторских прав на название и приготовление Сэму Пузо.

– А твой заказчик, случаем не обмолвился словечком, к чему такая спешка? – отодвинув, так вдруг опустевшую (пьяные колбаски имели ещё одну особенность – быстро заканчиваться) тарелку, Мандарин воззрился на Фреда.

– Он, вообще был не многословен. При первой встрече назвался коллекционером, сказав, что очень заинтересован в пополнении своего домашнего музея, некой статуэткой, что пылится в личных покоях Жирдяя. Передал рисунок, требуемой вещицы, и к нему приложил детальный план расположения комнат замка.

– Рисунок сохранился? – быстро спросил Мандарин напрягшись.

– Нет. Я его сжёг...

– Предусмотрительно, – нехотя одобрил приятель.– Можешь описать её?

– С виду самая, что ни на есть заурядная глиняная фигурка, таких в лавке Чопурса завалились. Примерно в локоть длинной. Дева держит чашу в вытянутых руках. В каталогах магических артефактов, ничего похожего я не обнаружил.

– Ну, не следует, так уж доверять всем этим собраниям.– Отмахнулся Мандарин.– Помниться пришёл ко мне как-то один достопочтимый дон, с каталогом под мышкой. Ткнул пальцем в один любопытный экземпляр, что находился под запретом, я уже не помню, что он там такого мог натворить. Суть не в том. Так вот предложил контракт. Какого же было моё удивления, когда после целого месяца бесцельных поисков, я узнал, что такого артефакта попросту вообще не существует в природе. Выяснилось, что в каталог вкралась ошибка. Вместо магического артефакта, оформитель воткнул какую-то негодную побрякушку. Фетиш, давно канувшей в лету секты. Никакой ценности он не представлял, и тем больше, магии там было меньше чем в подтяжках архимага.

– Забавная история. И что заказчик?

– А, что заказчик? Аванс я ему не вернул. С него ещё дополнительную плату надо было взыскать, за то, что столько литературы перелопатил. И вообще, я тебе скажу неблагодарная это работёнка....

(Тут необходимо сделать небольшое отступление, дабы прояснить обстоятельства некоторые связанные с Мандарином. Дело в том, что в последнее время, он стал весьма, переборщив в заказах, крайне неохотно бравшись за дело, предпочитая большую часть времени предаваться философским измышлениям, сидя в каком-нибудь уютном, тёплом месте и попивая, скрутиловку. Его верными слушателями числились: портные, сапожники, и прочие мастеровые, всегда согласно развешавшие уши, умно поддакивающие, но на самом деле не понимающие и малой толики, что до них хотели донести. И хотя он всячески отмахивался от самой мысли читать лекции сопливым студентам, Нойс знал, насколько сильно Мандарин жаждет примерить профессорскую мантию. Воспитаннику Восточных кварталов, как правило, в жизни ничего не светило. Ясли, школу и университет ему заменяла улица. Тем более было удивительно знать, что Мандарин успел нахвататься знаний, не проведя за партой ни одного дня. Фреду в этом отношении повезло больше. Дядюшка сумел дать ему, худо-бедно приличное образование).

– Господа, ещё колбасок? – Сэм незаметно вынырнул у столика. Обильный пот, выступивший на лысоватом лбу, говорил о крайней захлопотанности его владельца.

– Ты, как? – поинтересовался Нойс у друга.

– Я пас. Боюсь, что при всём моём желании, в меня уж больше не влезет.

– Ну, а я, пожалуй, не откажусь от добавки. Сэм ещё парочку.

– Appetit у тебя дай Мирус каждому, – усмехнулся Мандарин. – Гляди растолстеешь, придётся новую профессию подыскивать.

– Мне это не грозит. В роду Нойсов не было толстяков.– Отмахнулся наемник, откусив приличный кусок дымящейся колбаски.

Постепенно поток людской волны нарастал. Несмотря на просторное помещения, столики уже были все заняты, а новые посетители всё прибавляли. Близился конец рабочего дня, а пьянов никак нельзя было отнести к трудоголиками, засиживавшимися на рабочих местах допоздна. Местные жители были твёрдо убеждены, что труд бесценный дар Мируса и этот дар нельзя растрачивать понапрасну, его необходимо ценить и лелеять, желательно сидя дома, размышляя и прославляя мудрого создателя, поднимая в его честь бокалы.

– Что-то становится душновато.– Пожаловался, Мандарин, по всей видимости, решив сменить на время тему для разговора, расслабив ворот на белоснежной сорочки. – За, что-то Мирус разгневался в этом году, настав нам грешникам жару эдакую?

– Ты излишне сгущаешь краски, забыл разве про дождь недавний, не знаю как в городе, но в его предместьях прошла сильнейшая гроза с ливнем, подарив прохладу напитав землю влагой.

– И толку, – саркастически усмехнулся Мандарин, не заметив, как Фреда резко передёрнуло при упоминании грозы. А вернее всего, что происходило во время её в гостинном номере на кровати, превратившейся на время в приспособления пытки.– После того, – продолжал говорить он, – как выглянуло солнышка так парить начало, что хоть в болото к дракусу полезай.

– Тебе не угодить друг мой, то широко, то узко.– Покачал головой Фрэнос, попутно изгоняя гротескный образ Милашки из головы.

– В конце недели будет большая пирушка, не думаешь подзаработать слегка на ней?

– Уже достали, честно говоря, все эти разговоры. Все буквально помешались на этой свадьбе, как будто она, что-либо изменит в их жизни. Порой, смех разбирает, какие версии нахлебываются вокруг обычного союза двух богатеев.– Мандарин потянулся к бутылке желая промочить горло налив себе и другу.

– Не говори так. Нойс не согласился с ним.– Народ волнует, не измениться ли политика городских властей. Не забывай, через год ожидаются выборы бурмистра, и эта пара может спутать многим карты.

– Фред, поверь моим словам, этот город в силах изменить, только самим жителям. Даже, король, соизволь он завтра издать указ, запрещающий въезд варварам в Пьянтуз, горожане, как один будут доказывать, что приехавший к ним в «гости» смуглолицый синор, вовсе не представитель враждебной степи, а дальний родственник, брат мужа, двоюродной сестры, его свояка. Спрос рождает предложение и покуда в город везут деньжата желающие спустить их, ничего не поменяется, разве что деньги начнут течь в другой карман.

– Ты слишком преувеличиваешь всё. Королю достаточно поменять казначея, чтобы изменилась сама суть налоговой политики. А с ней и уклад горожан.

– В таком случае ответь мне, кто будет кормить всех этих дармоедов из столицы.– Мандарин произнёс это, чуть громче и сидящие через пару столиков буханы, повернули в его сторону головы.

– Тише говори, ещё не хватало столкновений представителей двух городов накануне торжества. – Шикнул на него Нойс.

– Пусть слушают. Напиток правды всегда имеет горький привкус.

Выдержанная скрутиловка Сэма всё же возымел действия. Мандарин, который до появления Фрэноса уже успел пропустить, заметно осоловел.

– Я горд, что родился пьяном! И да, здравствует Пьянтуз самый свободный город Бурляндии!!! – громко воскликнул он.

Находившиеся в трактире люди, преимущественно местные, поддержали его короткий спич, дружным гулом, закончившимся звоном соприкасающихся бокалов. Выпить за родной город, считалось проявлением патриотизма. На лицах бухов промелькнула тень неприязни и раздражения. Оба города давно конкурировали меж собой. И если бухи, считали пьянов, торгашами, породнившимися с дикарями, то пьяны, лишь усмехались на эти нападки, приглашая посетить их город и естественно влить свои прихваченные в дорогу деньжата в общий финансовый круговорот Пьянтуза.

– Вот, смотри, что ты натворил, – укоризненно проговорил Фред.– Теперь весь остаток вечера народ будет горланить местные патриотичные гимны. Хоть бы Сэма пожалел, видишь он, как побелел. Эдак, ты ему всех бухов распугаешь, оставив без прибыли.

– Пшик! – пьяно фыркнул Мандарин.– Ему хватает и местных выпивох.

– Все мы разом сдвинем чарки, песню славную запоём!!!

Зычным басом завёл неофициальный гимн города седой старик, к нему тут же присоединился не стройный хор подвыпивших посетителей. (Для полной ясности, следует добавить, что официального гимна Пьянтуза не существовало в природе, вернее, на бумаге он должен был иметь место, но дальше намерения написать гимн городу, местные власти так и не продвинулись ни на йоту)

– Всё уходим.– Принял решения Фрэнос, подтягивая Мандарина к себе.

– Ты не понимаешь, это глас народа. Высокое единение людских масс на ниве всеобщей любви к родному краю. Это, то, что нас сплачивает, давая прочувствовать каждой отдельно взятой личности свою непосредственную сопричастность к единому Великому целому! Это поистине прекрасно! – Мандарина явно понесло разглагольствовать.

Фред в свою очередь тянул на выход упирающегося друга, цедя сквозь зубы тихие ругательства. « Не мог найти другого места, что ли для своих философствований».

– Сэм, ты уж прости моего друга. Выпил он малёха сегодня. А, когда он пьян, сам знаешь, мелет языком, что ни – попада.– Оправдываясь, тащил на выход он упирившегося Мандарина, который резко протестовал против такого наговора, как он считал, в свой адрес.

– Вовсе я не пьян! Я, понимаешь ли...

Тычок в спину заставил его умолкнуть. Нойс, быстренько расплатившись с Пузо, увлёк Мандарина прочь из пылающего, словно огонь в печи, патриотизмом трактира.

– Куда ты меня ведёшь? – не унимался, расчувствовавшийся Мандарин.– Я к людям, к народным массам хочу...

– В последнюю нашу встречу, помнится, ты не привечал, эту самую массу, – напомнил ему Фред, – отзываясь о ней, мягко говоря, неблагоприятно. Особенно, когда один синор имел неосторожность назвать тебя сибаритом...

– Ты, имеешь в виду того щеголя с вьющимися, как у синоры волосами? Что тогда хвастался мастерским владением шпаги?

– Да, он самый.

– Ха! – развеселился Мандарин.– На следующий день стражники нашли в его пожитках нектар из дурь-травы. Вот была потеха. В каталажке теперь он банкует...

– Твоя работа с травой? – поинтересовался Фрэнос, по-прежнему удерживая его.

– Я не понимаю, о чём ты говоришь? – невинное выражение, лица, что в совершенстве умел принимать Мандарин, не ввело в заблуждение Фреда, он слишком хорошо знал своего друга, чтобы не попасться на его уловки.

– Я предчувствовал, что ты старый пройдоха, не спустишь ему это оскорбление просто так.

Дверь за их спинами вновь распахнулась, выпуская четвёрку бухов. Хмурые, сосредоточенные, они не останавливаясь, направились к конюшне и принялись отвязывать лошадей. Улучив момент, Мандарин освободился от опеки друга и, размахивая рукой, прокричал.

– Синоры, как вам понравились пьяные колбаски, не правда ли они изумительны? А, что вы можете сказать, о скрутиловке? Не находите её выше всех похвал? Приезжайте к нам почаще, только у нас всегда в изобилии и то и другое. Пьянтуз столица развлечений и удовольствий, ваши денежки наше гостеприимство! Гип-гип ура! Нет веселее и лучше Пьянтуза во всём королевстве!

– Пьянам тоже, хоть изредка не мешало посещать столицу набраться хоть немного культуры, а то от постоянных пьянок и лобызаний с варварами они скоро совсем одичают.– Соизволил ответить один из четвёрки носивший щеголеватые длинные усы, подкрученные вверх.

– Ничего вы не понимаете в культурном обмене между дружественными народами, столичный снобизм не даёт взглянуть вам дальше своего носа.– Встал на защиту родного края уязвлённый таким пренебрежением Мандарин.– Будущее за такими городами, как Пьянтуз, – горячо заговорил он, – они движущая сила прогресса, именно здесь зарождается новая эпоха и бракосочетание двух самых влиятельных людей в королевстве тому яркое подтверждение. Кто его знает, возможно, скоро столица сюда переедет, а Бухантус превратится в жалкий провинциальный городишко. Верно, я говорю? – обратился на этот раз Мандарин к Нойсу. Последний не зная, что ему ответить, лишь пожал плечами молча. Мандарин хлопнул его по плечу чувственно промолвив, – вижу, ты со мной согласен...

Фред хотел было возразить, сказав, что вовсе не это имел в виду, но самый старший из четвёрки, по всей видимости, являвшийся лидером, не дал ему этого сделать, жестким тоном отчеканив. – Вижу, в Пьянтузе развелось изрядное количество болтунов сеющих смуту и раздор в королевстве. Это должно быть от злоупотребления спиртного происходит, в столице известны методы лечения подобной хвори – плети, и каторга как никакая другая микстура помогут здесь!

Остальные его сопровождаемые одобрительно загудели, недружелюбно взирая на Нойса и Мандарина.

– Какие ан-ти-на-род-ные методы! – выказал свое полное несогласие Мандарин, еще больше раззадорившись.– Воистину столица стала логовом напыщенных плебеев и обманчивых декорумов!

– Попридержи язык гаер! Ты забываешь ничтожество, что тоже являешься подданным его Пресветлого Величества! – гневно воскликнул Усатый.

– Премного благодарен, что напомнили.– Мандарин склонился в насмешливом реверансе.– Я крайне горд и рад сему обстоятельству! Лишь одно меня водит в уныние, что столь неотёсанные и пещерные болваны, как вы позорят честь и славу короны!

– Ты сам напросился на неприятности червяк!

Сказав это, буханец машинально потянулся к поясу за шпагой, но к счастью в Пьянтузе строго соблюдали правила не ношения оружия. В особенности, после нашумевшего происшествия, когда у группы заезжих варваров после многодневной беспробудной пьянки не случилась белая горячка, и они не порубали друг друга на мелкие куски в приступе бешенства.

Фрэнос, дотоле мирно наблюдавший за происходившим диспутом, чуть в сторонке, напрягся. Над головой Мандарина, впрочем, как и над его в том числе, начали грозно стучаться тучи. Вот только похоже создавшаяся ситуация его друга только забавляла. Будь он трезв, они бы без особых проблем справились в рукопашной с бухами, но в данной конкретной ситуации – дело пахло жареным.

– Синоры вы выбрали для ссоры не подходящее место и неподходящее время.

Обладателя низкого бархатного баритона Нойс узнал сразу, и, наверное, впервые обрадовался, услышав его. Со стороны конюшни проступили контуры высокого сухопарого человека. В руках он держал короткий массивный жезл. Символ власти и закона. Бухи явно не рассчитывавшие на столь внезапное появление дознавателя, сразу как-то сникли смутившись. Один лишь старший пытался выказать полное хладнокровие происходящему, но нервно поддёргивающая левая бровь говорила не в его пользу.

Каждый в королевстве, знал, что шутить или не дай бог спорить с дознавателями, было себе дороже. Служители закона, облачённые в чёрное и носящие жезлы власти пользовались обширными полномочиями в королевстве имея права арестовывать даже дворянина.

– Я вижу здесь, что-то не поделили благородные синоры? Или мне так показалось? – мрачно обводя пристальным взглядом каждого, сурово поинтересовался он.

– Вам показалось синор Луциус, мы просто обменивались тут мнениями о наших городах, я имею в виду Пьянтуз и Бухантус.– Попытался спасти ситуацию Фред, моля, чтобы у Мандарина хватило ума, и выдержки не вступать со своим неуместными комментариями. За бухов он не переживал, видя, что они не горят желанием раздуть конфликт.

– Это так? – обратился дознаватель к четвёрке.

– Да, мы действительно обменялись мнениями о наших традициях и культуре.– Степенно ответил старший, его сопровождаемые согласно закивали головами.

– Ну, и как вам наши традиции? Наш уклад жизни? – не преминул полюбопытствовать у них Луциус.

– Традиции, как традиции, – вновь отвечая за всех пожал плечами бух.– Мы недавно в городе, поэтому судить о них сложно пока что...

– Я думаю, у вас синоры ещё будет время поближе ознакомиться с ними и возможно даже проникнуть к ним уважением.– Подытожил короткий разговор дознаватель, напоследок добавив. – Что ж в таком случае не смею вас более задерживать.

Бухи скоренько откланявшись, вскочили на лошадей и поспешной рысью отправились в сторону площади. Нойс, тоже не заставил себя долго ждать, подхватив под руку друга, он засобирился вслед за удаляющимися всадниками, но властный голос Луциуса незримым заграждением встал перед его носом.

– Фредерик де ля Нойс, подожди.

– Что-то случилось? – не оборачиваясь, поинтересовался наемник.

– Может, ты для начала соизволишь повернуться ко мне лицом, тебя разве не учили, что не вежливо обращаться спиной к собеседнику?

– Прошу простить меня синор Луциус.

Фред медленно повернулся и оправдываясь заговорил, – видите ли, мой приятель, сегодня немного перебрал, я спешу отвести его домой.

Мандарин фыркнул на его последнюю фразу, правда, сдержался, промолчал.

– Похвально заботиться о своих друзьях. Сам Мирус завещал нам не бросать ближнего своего в беде.– Покачивая жезлом, произнес Луциус.

– Стараюсь по возможности соблюдать святыя наставления, – кротко заметил наемник.– Вот собираюсь на днях сходить в храм, поставить свечку...

Дознаватель вплотную приблизился к стоявшим в обнимку друзьям. Он по очереди обвел взглядом каждого, слегка поморщился, когда Мандарин пустил слюну и остановился на Фрэносе. Наёмника всегда смущал этот тяжёлый взор, из-под нахмуренных кустистых бровей, стремящийся нет, не заглянуть – проломить внутреннюю преграду от всего остального мира и вытряхнуть наружу всю подноготную души.

Капитан Луциус Драгон, следственный дознаватель, гроза всего преступного мира города славился своей крайней педантичностью в достижении поставленной цели. Обладал звериным чутьём на всякого рода уловки мошенников, он шёл на нюх, не сбиваясь, точно взяв след ищейка. И подобно питбулю ухвативши пастью жертву, не отпускал её покуда, та не сломается, не заскулит, прося о пощаде. Не в зависимости от времён года, будь то изнуряющее лето или зимняя стужа, он всегда носил неизменно одну и ту же одежду: длинный широкополый плащ чёрного цвета, высокие кожаные ботфорты, чья подошва не скрипела, каблук не цокал, делая походку своего хозяина мягкой, бесшумной, кошачьей. Голову дознавателя украшала также всепогодная тёмная шляпа с низкой до самых глаз тульей. Несмотря, что ему давно перевалило за сорок, выглядел он довольно молодо, а о его феноменальной выносливости ходили легенды.

– Фред, ты в последнее время никуда не отлучался из города? – не сводя с него изучающего взгляда, задал вопрос Драгон.

– На речку ездил, порыбачить.– Как можно беззаботнее ответил Нойс, чувствуя, как холодок заскользил змейкой вдоль позвоночного столба.

– Мимо замка Жирдяя случаем, твоя дорога не пролегла?

Глаза дознавателя пристально буравили наёмника, силясь отыскать хотя бы маленькую брешь неуверенности. Фрэнос на этот известный трюк не поддавался, прекрасно зная манеру и методы работы Луциуса. Он и бровью не повёл, хотя один Мирус знает, чего это ему стоило на самом деле.

– Я был в другой стороне, на «Каменных выступях».

– И конечно один? И никого поблизости, тоже не было? – не переставая «давить» тяжёлым взглядом продолжал допытываться Драгон.

– Совершенно, верно. Не люблю, знаете ли, конкурентов.– Как можно не принужденной ответил Фред.– А, к чему вы спрашиваете, тоже на рыбалку собрались?

– Мне больше по нраву охота.– Зловеще рявкнул дознаватель, вцепившись в свой витой жезл, с наконечником в виде оскаленной пасти льва на конце. И подумав немного, добавил, – в особенности на таких изворотливых и хитрых зверей, как ты Фрэнос...

– Простите, капитан не понимаю, о чём вы говорите? И о ком...

В мгновении ока, Луциус преобразился. Тёмные глаза вспыхнули холодной яростью, лицо перекосила гримаса ненависти. Приблизившись вплотную к лицу наемника, он злобно прошипел.

– Ты всё равно, когда-нибудь оступишься, совершив ошибку. Всё равно где-нибудь наследишь, и тогда, клянусь прахом своих предков, я буду рядом и не успокоюсь, пока не увижу тебя закованным в кандалы. Я достану тебя везде. Я стану твоим кошмаром. Твоим роком и приговором! Помни, я всегда стою в шаге от тебя...

– Мне, конечно, очень лестно ощущать, столь пристальное внимание к своей скромной персоне, от столь многоуважаемого синора как вы капитан Луциус Драгон! Но, честно говоря,

я никак не возьму в толк, о чём Вы, собственно говоря, толкуете. Уж простите великодушно, мне мою несмышленность.

– Пьянтуз может спать спокойно, пока на страже закона стоит бесстрашный капитан Луциус Драгон! – Впервые подал голос Мандарин, процитировав стишок из фривольной песенки, что успела сложить народная молва о главе дознавателей. На большее его не хватило и, обмякнув, он повис на Фреде.

Дознаватель брезгливо окинул взглядом пускающего слюни Мандарина, словно пред ним находился вывалившийся в грязи и помоях хряк. Столько презрения и ненависти читалось в нём.

– И твоего дружка упеку, если конечно он до той поры сам не подохнет от пойла.– Прощедил он сквозь зубы.– А теперь проваливай прочь с глаз моих!

Резко развернувшись, разгневанный Луциус напрямик направился в трактир. Хотя на присутствия ветерка и намёка не было, полы его плаща развевались, точно паруса судна, поймавшего мощный воздушный поток. Миг спустя он скрылся внутри заведения Пузо, после чего все звуки, долетавшие сквозь раскрытые окна, смолкли разом. Драгон умел «скрасить» компанию.

Фред, тяжело переведя дух, покрепче перехватив, совсем обессиленного друга, потянул его скорее прочь отсюда. Он всегда невольно нервничал, когда поблизости вошкались дознаватели в особенности Луциус Драгон самый опасный и беспощадный из них. Приподнятое настроение от проведённого вечера в компании старого друга улетучилось в одночасье. Не то, чтобы он был напуган, скорее слова дознавателя большей мерой озадачили, чем испугали.

Когда они обогнули угол улицы Мандарин, медленно, но настойчиво отстранился, сухо откашлялся и тихо, как ни в чём не бывало, произнес.– Похоже у тебя большие проблемы дружине...

Устало, поскрипывая, телега подымала за собой клубочки серо-буровой пыли, которая нехотя с ленцой оседала обратно на раскалённую пышущую жаром дорогу. Запряжённый в давно знавшие лучшие времена упряжь гнедой мерин понуро перебирал истёртыми копытами сухую, хорошо утрамбованную землю просёлочной дороги, тащась вслед клонящемуся за горизонт солнцу. Изредка, он взмахивал косматой нечёсаной гривой отгоняя надоедливую мошкарку, привлечённую выступившей испариной на огрубевшей от прожитых лет кожи.

Горячий, раскалённый, как в духовке за день воздух смаживал, делая, неспешным, заторможенным весь окружающий мир. Медленно проплывающие по обе стороны деревья, казались застывшими в сладкой дреме истуканами, лентящими пошевелить, даже самым мелким листочком. Ни переливов соловья, ни трели канареек, ни возни в траве насекомых, полный штиль, живой мир замер, словно в литургическом сне.

Тени острых крон едва, хватало, чтобы перекрыть треть дороги. Поэтому, правивший телегой бортник держался у самой обочины. Правда, тенёк ни давал никакой ощутимой пользы, создавая лишь иллюзию прохлады. Но за не именем ничего другого приходилось довольствоваться малым.

Сзади него, усевшись на бочку и свесив ноги вниз, ехал дородного вида священнослужитель. На нём была одета коричневая ряса, свидетельствующая, о том, что обладатель ее принял обет странствий, проповеднического служения. С могучей шеи свисала толстая серебряная цепь с продетым в неё символом веры и святости Мируса пятиконечная звезда. Время от времени он проводил огромной лапицей по низкому лбу, смахивая выступивший пот, и подносил ко рту, что прятался в густых зарослях тёмной бороды припасенную фляжку. Было видно, как тяжело он переносил жару, и только, не иначе как, истинная вера придавала ему сил продолжать свой тернистый поход праведности.

– Преподобный брат Унцио, правду ли молва ходит, что адская жара это наказание людям за грехи их? За деяния не добрые? – обратился скучающий бортник к своему почётному пассажиру.

– Ничего Рони не происходит без участия Светлоликого Мируса! – зычным голосом ответил ему монах, отгоняя при этом свободной рукой назойливо кружащую перед фляжкой муху. – Его длань распростёрта над всей обитаемой и не обитаемой землёй. Бог насыляет нам грешным испытания, дабы мы, исстрадавшись, пришли к истинной вере!

– Но, ведь и добропорядочные люди вынуждены страдать. Причём они здесь? Почему такая несправедливость?

Хлебнувши из фляжки ещё, Унцио пустился в более глубокие объяснения. – Праведные люди, на то и праведные, что постоянно страдают. Ты разве не знаешь, что страдания вминаются им за благо? Через лишения и невзгоды на них сходит благодать господня. Это великая радость испытать её в полной мере на себе. За это можно отдать э... – монах немного сбился с мысли, не зная сам, что можно отдать взамен, поэтому в итоге решил отвертеться дежурным.

– Всё на свете! – Довольный своей речью он сделал глубокий глоток из подорожной фляги.

Бортник замолчал, переваривая услышанное, блуждая, как в лабиринте в косноязычных изъяснениях странствующего монаха. Затем неуверенно спросил. – Так, что же нам делать пре-духовный Унцио?

– Поститься и, не переставая молиться! Почаще падать на колени и биться об пол до иступления головой! Дабы Мирус услышал нашу мольбу и сжалился.

Видя кислую мину бортника, Унцио схватился за знак и потряс им. – Был, мне знак свыше дан, чтобы я отправился в путь по весям и городам, неся слово Мируса. Спасая души грешников от мерзкого болота дракуса!

– Ух, ты! – Рино живо заинтересовался последней фразой своего попутчика, в отличие от предыдущей к своей голове он относился очень бережно и внимательно.

– Вам отче действительно сам Мирус явился? – он, аж подпрыгнул на месте от мысли, что вот так запросто можно общаться с великим богом.

– Не совсем... – слегка смутился Унцио. – Сон вещий был послан мне. Зов вошёл в душу мою. (На самом деле всё было несколько, не так, как рассказывал брат Унцио. Священнослужителям присуща черта несколько, преувеличить, приукрасить обстоятельства связанные с верой, работа такая у них. Хотя на счёт сна он тут совсем не приврал. Ему на самом же деле, приснился яркий, необычный сон, где громогласный голос требовал от него что-то, чего он никак не мог разобрать, отчего беспокойно ворочался и стонал, мечась в своей постели как в горячке. Да и как могло быть по-другому после выпитого в честь праздника святого мученика Карбункулса целого бочонка освящённой скрутиловки. Пробудившись от удара об каменный пол, на который несчастный сверзился с кровати, Унцио поднял на ноги весь монастырь, вопя и сыпя проклятия на голову дракуса и его сатрапов изготовляющих такую некачественную продукцию, что не иначе, как из испражнении нечистого берётся. Понятное дело эдакое громогласное возмущение не нашло полного понимания со стороны собратьев по вере, если принять во внимание их не совсем бодрое состояние после празднества. Особенно его вопли возмутили настоятеля преподобного Гунтера Обливакуса, который прошлым вечером проявил наибольшее рвение в усладе памяти Карбункулса и как следствие наиболее был подвержен головным болям, посланными, как всем известно, праведным людям коварным дракусом. Гунтер в глубине души давно хотел избавиться от прожорливого, вечно путающего под ногами монаха и тут, как раз представился подходящий случай. «Тебе выпала большая честь от самого Величественного Мируса!» – вешал он проникновенно, повязав на лысую голову тряпку пропитанную уксусом, чтобы хоть как-то унять боль внутри её. – «За, многодневные молитвы и добрые дела ты достоин великой чести быть избранником Его! Его посланником! На твои плечи воз-

лагается великая миссия спасти заблудшие души грешников, открыть им глаза, явив чудо спасения! Иди и глаголь всему миру истину, открывшуюся тебе по воле Мируса! Его слово! Иди же и пусть да вера станет верным поводом твоим! Я тебя благословляю!». Сразу же за этими словами, без всяких прочих процедур и подготовок, дверцы монастыря закрылись перед самым носом ошарашенного Унция. Правда, через миг дверца, вновь приоткрылась, ровно на столько чтобы рука прислужника протянула ему жиденькую котомку и поспешно захлопнула створку. Так, неожиданно-негаданно, начался священный поход странствующего монаха Унция против грешников, осквернителей вечной славы Мируса).

– Я даже не могу вообразить, что вы чувствовали в этот момент пресвятой Унцио.– Блаженно закатив глаза, трепетно произнёс бортник, не видя ничего пред собой.

Носитель праведности Мируса пригладил бороду рукой, он и сам затруднялся ответить, что он ощущал, ворочаясь на твёрдой лежанке, сжавшие голову тиски и сухость во рту не в счёт.

– Благодатный голос возжёт во мне страсть истинной веры, указав верный путь.– Более себя, убеждая, нежели сообщая спутнику, произнёс Унцио.– Я исполнился святым словом и должен теперь излить его на голову каждой заблудшей души.

– Излить? Это как? – искренне не поняв попытался прояснить Рино.

Откровенно говоря, Унцио сам не знал, и не понимал как это? Для него вообще в новинку было заниматься, тем, чем сейчас он пытался заниматься. Куда привычнее для него была метла, вёдра, швабра на худой конец ночное бдение у жертвенного алтаря с освещённым сосудом скрутиловки под сутаной.

Вспомнив про былое, он потянулся к фляге, сделав огромный глоток, словно ища в нём ответ на мучивший его вопрос, и он таки нашёлся.

– Рино, – выдохнул он, жалея, что нет под рукой соленого огурца или на худой конец маринованного грибочка, – вот скажи мне, к примеру, ты скрутиловку пьёшь? – пребывая явно не в своей тарелке, поборник святости предпринял попытку встать на более-менее устойчивую для него почву.

– Бывает, иногда, – немного помявшись, выдал из себя бортник, тут же быстро добавив, – но только во славу Мируса!

– Хорошо, я рад, что ничего человеческого тебе не чуждо, а стало быть, и божье, раз Мирус сотворил нас всех. Так вот, теперь представь, что скрутиловка, это слово божье, такое же крепкое, хорошо выдержанное и...

– Пьянящее? – внезапно перебил Унцио бортник.

– Рино! Побойся Мируса! Не богохульствуй! – монах схватился за свой звездунок, будто хотел огреть им посмевшегося осквернить его речи грешника.

– Простите нижайше, святой Унцио, дракус видать попутал ляпнуть...

– Ты прав, без его участия тут не обошлось, – постепенно успокаиваясь, произнёс монах, продолжая неспешно излагать свои соображения.– Так, вот представь, что внутрь тебя изливается сия насыщенная благословением влага, и ты пьёшь её, впитывая каждой частичкой своего тела этот божественней нектар. Ты преисполняешься истинной, словно, он за озирался по сторонам, точно ища поддержки от кого-то невидимого. Его взгляд упал на бочки в телеге, – словно дубовый бочонок с мёдом.

– Первой качки, должно быть? Майским не иначе? – уже профессиональную заинтересованность проявил пасечник и бортник в одном лице.

– На вроде того.– Не стал отрицать Унцио, совершенно не понимая, о чем толкует Рино, но интуитивно чувствуя, что о чем-то хорошем и стоящем.

– Первый мёд самый лучший, уж я в этом знаю толк.– Со знанием дела протянул бортник. И тут же заслужил.

– Дурень ты! Причём тут мёд, я тебе же ме-та-рво—зоо-фически поясняю, – выговорил с трудом монах сложное и до конца ему самому не ясное слово. Но заезжавший, как-то

с пастырским визитом в их монастырь епископ Бухляндский частенько вставлял это словечко в диалогах с Обливакусом и Унцио взял на вооружение столь значимое слово.

– А, енто другое дело. Как же, мерзатически, понятное дело, знамо, эт полезная штука...

Пошёл сразу на попятную Рино не рискуя более донимать своими неразумными вопросами «мессителя», как он, про себя называл Унцио.

Путники замолчали, думая каждый о своем. Странствующий ныне монах припомнил ломящиеся от всевозможных яств столы, накрытые в честь епископа, а Рино улики с любовью расставленные на цветущем лугу.

Дорога взяла под уклон, и мерин прибавил прыти, будто вспомнив молодые годы. Вот только, хватило её ровно на полверсты, аккурат, перед узеньким выгнутым на подобии арки мостиком, венчающим серебристую речку он замер недовольно фыркая.

– Это Паси? – проявляя географическую осведомленность, поинтересовался Унцио.

– Как есть она родимая. Бежит, аж до самых варварских краёв, будь не к вечеру помянуты дракусовы дети.– Рино осенил себя святым знаком и на всякий случай незаметно плюнул через плечо. Затем, кряхтя слез с телеги, и вперевалочку подошёл к мерину. – Не люблю я этих мест, – тихо произнёс он, беря под уздцы уставшую за долгий дневной переход скотину и подталкивая ее к мосту.

– Это от чего же? – поинтересовался странствующий монах, который вообще не любил все места, где не было что выпить и плотно набить желудок.

– Да, напасти тут частенько приключаются всякие. Разбойничьи шайки облюбовали эти края. Не дают спокойного жития людям.

– А куда же гвардия его величества смотрит. Почему не учиняют погромы извергам? – Унцио подозрительно заозирался по сторонам выискивая затаившихся лиходеев.

– Да, какая там гвардия, дракусова вымя, ой простите ваше преосвященство.– Не было в этих даях отродясь ни гвардий, ни стражников. Да, и сами разбойнички не дурни, попрятались по лесам, дубравам куды там их отыскать. Как-то магов академия понаприсылала, так они сдуру чуть в пустыню не превратили земли местные, включая пастбища, поля с домами селян. Аки не покойный староста Безбородовки, что вовремя поднял честной народ на прекращения неподобства, так бы пожгли окаянные всё и ничего не оставили.

Рино вновь осенил себя знаком Мируса. Унцио сочно сплюнул. Жрецы и магическая академия постоянно пребывала в состоянии вялотекущего конфликта. Святые братья обвиняли чародеев в союзничестве с демоническими силами, а маги в свою очередь выдвигали обвинения в нежелании последних приобщаться к прогрессу и новым идеям, якобы дарующей магией возможностей. И каждая из сторон пыталась заручиться поддержкой знати и короля. Но, на счастье или на беду власть имущим некогда было вникать в тонкости теологических споров. Поэтому всё ограничивалось периодическими словесными перепалками высших иерархов с обеих сторон устраиваемые раз в полгода, а то и реже.

Высохший настил моста сухо затрещал под весом груженной телеги. Грозя не выдержать развалиться в любой момент.

– Надобно облегчить вес.– Учтиво произнёс бортник.– Преподобный отец Унцио, не могли бы вы встать? Сами видите мост трухлявый, гляди того, не выдержит.

Священнослужитель, довольно резво, как для своих внушающих уважение телесов спрыгнул наземь и, откупорив фляжку, принялся ждать, покуда бортник переведёт мерина. Делая мелкие бережливые глотки, он осматривал раскинувшийся впереди лесок, чьи владения стояли зелёной стеной на пути праведника. Праведника, ли? В последнее время он часто задавался этим вопросом. Да, он истово верил в силу, могущество Мируса, старался соблюдать посты, иногда у него даже это получалось. Исправно выполнял работу положенную ему по сану. Молитвы тоже не забывал читать. Но, почему был избран именно он? А хотя бы, не тот же самый настоятель Обливакус, ведь он являлся главой монастыря, а значит более достойным

служителем веры. Унцио боялся сам себе признаться, что не готов стать сподвижником, что возможно Мирус по ошибке выбрал не того кого следовало избрать и поручить столь ответственную миссию...

Внезапно, прервав размышления новоиспечённого глашатая веры, из зарослей камышей вынырнула морда рябого зайца. И с любопытством уставилась на него. Унцио поперхнулся, впервые узрев в жизни водоплавающего зайца.

– Чур, меня! – отмахнулся он пятиконечной звездой, – Изыди дракусово семя!

– Что вы говорите святейший? – крикнул с противоположного берега Рино.

– Да, вот... – Унцио запнулся, на том месте, где миг назад выглядывал необычный заяц, тарасилась волчья морда. – Что, за драковщина такая... – в ужасе прошептал он.

– Я вас не слышу преподобный. – Приложил ладонь к уху мнущийся на том берегу бортник.

Монах приподнял полог рясы и, шепча молитвы, бросился через мост. Проповедническая деятельность всё менее казалась ему удачной затеей.

– Случилось чего? – забеспокоился Рино при виде запыхавшегося носителя святости Мируса.

– Ничего, ничего такого, чтобы могло остановить несущего благую весть служителя господня. – Тяжело переведя дух, заявил Унцио и плюхнулся на воз. – Чего, стоим? – спросил он глядя на застывшего бортника. – Он, уже солнце вот-вот скроется, а мы до селения ещё не добрались. Сам говорил, разбойники шалют в этих местах. Поехали!

Солнце окончательно скрылось, и на мир опустились густые сумерки, едва разгоняемые мерцающими созвездиями, да серпом идущей на убыль Луны. С речки потянуло слабой прохладой, но насладиться ей было некогда. Повозка въехала под сень деревьев и покатила по лесной дороге, вглубь.

– Низги не видать. – Вынес свой вердикт Унцио, силившийся хоть, что-нибудь разобрать в окружающем его пространстве. – Как бы нам тут не увязнуть, может, разведём костёр, да переночуем? – немного поразмыслив, предложил он. – Вон экая, на расстоянии руки, тьма крошечная. Заплутаем, ещё гляди ненароком.

– Не извольте беспокоиться ваше святейшество, я знаю эту дорогу, как пять своих пальцев. Да, и Сои с закрытыми глазами не заблудиться здесь уж будьте уверены. Ничего, через милю другую выедем напрямиком на Безбородовку, там такому почётному гостю комнату соответственную подыщут. Напоют, накормят, и баньку, если на то желания будет, истопят.

– Сладко говоришь Рино. Как бы попотеть нам изрядно не пришлось, пока доберемся. В описании говорится, что свет отдан Мирусу, а тьма дракусу. Ночью всякая недобрая тварь из своего логова так и прет, дабы губить души людские.

И будто в ответ на его слова, откуда-то справа донёсся душещипательный вой. Мерин встрепенувшись, прибавил ходу, рискуя в потёмках налететь на какое-нибудь препятствие.

– Тпру... – Попытался осадить испугавшуюся тварину Рино, но Сои ни в какую не желал подчиняться приказам седока.

– Убьемся, как есть, убьемся, – выдохнул, вцепившись мёртвой хваткой в край телеги Унцио. – Попутал меня дракус напроситься в попутчики к столь бесшабашному мужику! – в сердцах воскликнул он. – Мог ведь прибиться к каравану сыроделов, так нет, все, спешил себе на погибель в город.

– Держитесь, синор Унцио крепче, сейчас будет поворот! – взволнованно выкрикнул Рино безуспешно пытаясь сбить нахлынувшую спесь с мерина.

– Обидно будет погибнуть в самом начале похода за Веру. – Грустно подумал монах, подыскивая, покрасивши слова для собственной эпитафии.

Откуда-то спереди зазвучали голоса, послышался свист и крики. Звуки, отдалённо напоминающие барабанную дробь. Громко заухала сова, рядом с головой что-то просвистело.

«Демоны дракуса не иначе гонятся за мной, хотят воспрепятствовать распространению слова истинного». Догадался Унцио. «Звездуницы пылающей нет на вас, супостаты окаянные!». Уже со злостью добавил он, стискивая до боли в руке знак Мируса.

Встречный поток воздуха вздымал бороду, теребил рясу, грозил опрокинуть, но проснувшаяся в Унцио праведная ярость требовала выхода и, причём немедля! Гнев, так и клекотал внутри его. Он, сейчас больше походил на какого-то кровожадного языческого божка, чем на кроткого раба Светлоликого Мируса.

Сзади с громким треском обрушилось дерево, едва не зацепив телегу длинными искривленными ветками. Вслед полетели громкие проклятия. По всей видимости, кто-то не успел вовремя перекрыть дорогу, совсем чуть-чуть замешкавшись.

– Стой! Тормози! – раздалось впереди незнакомые хриплые и очень рассерженные голоса. – Валяга, – крикнул кто-то, – стреляй в коня, уйдут мерзавцы!

Рино смирившись, более не пытался повлиять на окончательно взбесившуюся скотину, а лишь держал в руках поводья, полностью отдав себя на волю Мируса. А повозка тем временем отчаянно скрипела не смазанными соединениями, трещали швы, и если бы сейчас под колесо угодил один небольшой булыжник, или рытвина, какая попалась на пути, разлетелась бы в щепки.

– Никуда не денутся голубчики! Щас я их...! – теперь откуда-то сверху донеслось. И через миг, что-то тяжелое напоминавшее куль с мукой с лихим гиканьем свалилось прямо на пылающего праведным гневом брата Унция.

Очень, часто священнослужителей считают мягкими, измождёнными постами, слабыми людьми, неспособными постоять за себя. Уклоняющиеся от битв под предлогами догматов веры запрещающих проявления всяческого насилия. Право, может, где и встречаются таковые люди, но Унцио, точно не вписывался под сложившиеся стереотипы. Довольно высокий, шесть футов с гаком и весом, превышающий пятнадцать стоунов, учитывая, что далеко не жир один составлял массу тела, он выглядел настоящим богатырём. Широкие плечи, не могла скрыть просторная ряса, как и рук приличествующих скорее дюжему мяснику, а не божьему человеку. Теперь представьте, что этот человек очень сильно разгневан! У вас хорошее воображение уважаемый читатель.. Но даже его помноженного надвое не хватит, чтобы передать всей гаммы чувств охвативших Унцио в момент, когда, слуга дракуса: приспешник тёмных сил и враг всего человечества свалился, должно быть из самого ада прямым на приготовившегося принять последний священный бой избранника Мируса.

– Ё-хо!!! – издал, воинственный клич выскочивший, вернее свалившийся из засады разбойник, замахаясь кривым ятаганом.

Следующим звуком послужил глухой удар бочонка по голове, и громогласное, – изыди окаянная нечисть! Унцио от всей своей необъятной души приложился к нему, отбросив нападавшего куда-то далеко в кусты. Дальнейшие разворачивающиеся события показали, что значит истинная вера помноженная, острым желанием жить, пардон – служить...

Мерин Рино, и вправду подтверждая его слова, ничего не видя, но ощущая, совершая какой-то маневр на дороге, напоминавший поворот, поспешил сбросить перед этим скорость, чем сразу же не преминули воспользоваться налетчики. Налетев с двух сторон телеги, они принялись азартно запрыгивать на неё, нетерпеливо отпихивая, друг дружку локтями, чтобы первыми добраться до перевозимых ценностей и сдобривая при этом еще свои действия отборной руганью. В это самое время, двое других повисли на оглоблях, стремясь окончательно остановить телегу. С пылу-жару разбойники не предали особого значения широкой шкафоподобной фигуре восседавшей на бочках, приняв должно быть в потёмках её за часть поклажи. Будь у них факелы, тогда возможно, увидев в свете замершего, как льва перед броском Унция они немного пересмотрели свои планы на нынешний вечер. Но факелами они не озаботились, на свою же голову...

Первый удар отбросил назад сразу двоих головорезов. Следующий пинок отправил в стремительное пике не в меру бойкого карлика, что под шумок успел вскрыть кинжалом бочку мёда и даже окунуться в неё лицом.

Почувявшие неладное разбойники попытались перегруппироваться, скоординировать свои действия, но никакого преимущества эта затея им не принесла. И вообще дисциплина была, явно не коньком разношерстной банды. Рино с открытым ртом наблюдал, как посланник мира и вестник святой благодати, а также «мессител» (что в полной мере отражала сейчас действия Унция) зажав в руке знак Мируса, почует им неразумные головы грешников, цитируя рядки строчек из Святого Описания.

– И сказал Он, да будь вы вовек прокляты дракусовы выводки! – процитировал Унцио послание Мируса, что было явлено верному служителю его Губошлёпу Забиякусу – пророку, чьи описания вдохновляли своей пронизанной яркой гаммой чувств и изобиловали всякого рода междометиями. – Да, убавится у врагов ваших, да прибавится вам ваше! – громоподобно перешёл он к следующему стиху. Тяжёлая около трёх фунтов звезда придавало ощутимого веса святым словам, буквально вколачивая сакральный смысл в несовершенные тела грешников.

– Что он там орёт? – поинтересовался один горе-грабитель, временно переместившийся в горизонтальное положение, потирая крупную шишку на лбу у другого такого же пострадавшего.

– Шаманит он, что не видишь? – ответил тот, следя за звездочками, кружившимися вокруг его головы после близкой встречи со звездунком.

– Это, как? – не понял первый, как впрочем, вообще не понимавший ничего, что сейчас происходило в лесу.

– Ну, эт значит, призывает колдовские силы.– Пояснил непонятливому товарищу умудрённый опытом седой разбойник с повязкой на глазу, что успел присоединиться в ходе этой беседы.

– Никогда не видел настоящего колдуна, – изумился первый.– А чем он машет? Очень уж походит предмет на звезду Мируса.

– Это он так маскируется. Чтобы не привлекать внимания церковников. Они крепко не дружат друг с дружкой.– Авторитетно заявил седой.

– Слушай Майло, за колдуна, наверное, награда особая назначена? Вот если захватить его...

– Оно понятное назначена, да вот только, как оно делается дракус знает. В прошлом году Конунги попытались одного такого заарканить, так потом по округе останки всем миром собирали в мешки. Так-то оно...

– Конунги слабаки! – безапелляционно заявил самый молодой из их компании.– Они никогда толком не могли состряпать дело, разве ровня они нам? Грязные, не чёсаные, что дикари ей-богу!

– Это, как поглядеть, – уклончиво произнес Майло.– Караван Урбека они шустро оприходовали. Помню, даже варвара одного с отрядом оным покрошили... Да, и ты герой, посмотреть чего туту разлётся, отдыхаешь? Пошёл бы да, показал удаль молодецкую, спеленал колдунишку...

– Вот, пойду значит, и возьму! – загорячился уязвлённый налётчик.– Вы со мной? – обратился он к двум своим собратям по ремеслу.– Или бока дальше будешь отлёживать?

– Не-а, не могу, ещё не оклемался, как следует.– Ответил ему бывалый.

Второй тоже не спешил повторно испытывать судьбу отмахнувшись.– Знаешь, не такой я уже молодой, да задорный, как вы ребята.

– Ну, и ладно и без вашей помощи справлюсь!

Презрительно сплюнул разошедшийся налетчик, нащупав свой ослоп и, выкрикнув грозный клич, напоминавший скорее бляение ишака во время случки, чем грозный воинствен-

ный клич, выпрыгнул из-под телеги. После совсем непродолжительного промежутка времени, насыщенного шумом раздаваемых тумачков, несостоявшийся герой поединка закатился под телегу, попутно обзаведясь богатой коллекцией синяков и шишек. Бывалый усмехнулся в усы и, заложив руки за голову принялся дожидаться финала развязки, предоставив более амбициозным коллегам проявить себя в бою.

Наверху, продолжали сыпаться удары, озверевшие разбойники, лупили почём зря, не озабочиваясь, кто рядом друг или враг. Данное действие сопровождалось священными песнопениями вперемежку с воплями, ругательствами бряцаньем оружия и грохотом тумачков. Бедолаги разбойники не могли взять в толк, кто им на самом деле противостоит, отряд или один единственный человек, вобравший воедино в себя весь этот самый отряд.

Как один из варварских богов, соединяющий в себе несколько ипостасей. Брат Унцио, вертелся безумным смерчем, безжалостно сметая противников своих одним за другим, а иногда и нескольких за раз. Мощь его ударов могла соперничать, только лишь с гневом ярого ревнителя веры.

– Во имя кобылицы Мируса! (удар) – в честь сына его Громовержца (удар, удар).– За павшего пса его от укуса змеяголова (удар, удар и ещё удар).– Эй, ты драусова отрыжка, куда пошёл, получи звездунки меж рогов!

– Братцы навались всем скопом!

Кто-то хриплым голосом кинул, клич. Ответом ему послужил колокольный звон, раздавшийся после встречи со шлемом его соседа. В следующий миг его самого накрыла звуковая волна, повалив с ног, как подрубленное дерево. Разбойников было много, ни менее десятка, они пребывали в своих владениях, чувствовали себя в этой местности, как рыба в воде, знали каждый кустик, каждое деревцо, имели оружие и какой-никакой опыт ведения боя. Но, даже взятые в купу все эти преимущества и качества нивелировал всего один единственный человек, неистовый натиск которого сбивал всю спесь с грабителей, заставляя непривычно пятиться назад, раз, за разом отбивая шквал атак.

– Что испугались!?! Ощутили на себе праведный гнев Мируса!?! Так, и знайте вам никогда не одолеть его! – неистовал Унцио поймав кураж.

Рино не верил собственным глазам успевшим привыкнуть к темноте. Смирившись с неизбежным он приготовился к худшему, но его попутчик, перевернул привычный мир с ног на голову. Заставив посмотреть уже по-иному на веру и всё, что связано с ней. Прямо перед ним происходило настоящее чудо. Он словно проникся верой источаемой странствующим монахом, наполнился ей, как бочонок молодой скрутиловкой. Наполнился и выбил пробку оцепенения. Встрепенувшись, он вновь огляделся по сторонам. Хотя в потёмках леса довольно сложно было ориентироваться, Рино скорее интуитивно определил, что впереди дорога, и что мешавших движения людей больше нет. Подхватив одной рукой вожжи, а второй хлыст, и, наверное, первый раз, в жизни замахнувшись, огрев тёмный круп мерина.

– Лентяй, давай не подведи!

Крикнул он, привстав, но упёртая скотина и не подумала сдвинуться с места, решив в самый неподходящий момент продемонстрировать свой нор. Вскрапнув, мерин дёрнул головой и замер.

– Сои, ну, пожалуйста, – на этот раз взмолился бортник, оглядываясь назад. Унцио продолжал размахивать звездунком, правда, уже не так бодро, как в начале. Отсутствие боевой практики всё же сказывалось понемногу. Разбойники, наконец, разобравшись с ситуацией, рассредоточились по всему периметру и планомерно сжимали кольцо. Тучи над головой монаха гущались.

Подмога пришла неожиданно и со стороны, с которой никто не ожидал. Ночной подлесок вновь разрезал пронзительный волчий вой. На это раз гораздо ближе.

– У-у-у-у-у...

По нервным струнам прошла волна оторопи, перекрыв шум атаки. Мерин, резко встепенившись, заржал, со старта кинувшись в галоп, едва не опрокинув Рино назад. Вцепившись за вожжи обоими руками, бортник не в силах был оглянуться назад, искренне надеясь, что его попутчика не опрокинула наземь резким спуртом перепугавшейся скотины. Гам и визг разъярённых разбойников полетели следом, и затем ещё некоторое время ночную тишину разрывали проклятия и угрозы преследователей, но стремительно разделяющиеся между ними расстояния, помалу отрезало все звуки погони.

Мерин, быстро начал уставать, став постепенно сбавлять обороты, он явно не был предназначен для подобных шальных скачек, да и возраст его почтенный сказывался. И не иначе, как само господнее проведение повлияла на него, прибавив сил и резвости, но сейчас возвращалось всё на свои места. От времени и прожитых лет невозможно ускакать, как бы ты ни гнал, закусив удила. Рино чувствуя, как его начинает пробирать дрожь, не смело повернул голову и облегчённо перевёл дух. Унцио, сутулившись, сидел к нему спиной, вглядываясь во тьму позади. Не трудно было догадаться, что он прижимает к груди – конечно символ Мируса, спасшего сегодня в самом прямом смысле слова их жизни.

– Как вы преподобный отец Унцио? – тихо спросил он.

– Выпить охота, – устало вздохнул монах и попросил затем. – Не называй меня больше так, я обыкновенный служитель Мируса.

Рино почесал за ухом, – как вам будет угодно отче, минут через двадцать будем в Безбородовки.

– Может, всё-таки передумаешь? Винченцо ты излишне категоричен! Нельзя, так сгоряча, рубить всё с плеча!

– Ничего я не рублю...

Буркнул щупленький паренек, едва-едва переступивший грань, разделяющую подростка от молодого мужчины, что с сосредоточенным видом складывал нехитрые пожитки в заплечный мешок.

– Ей-богу, ты поступаешь, как капризный мальчишка! Разобидевшийся на весь белый свет!

– Капризы и обиды тут не при чём...

– Подумай, что скажут наставники, узнав о твоём решении?

– Как раз это, меня интересует меньше всего...

– И, Марьяна тоже?

Винченцо на миг оторвался от своего занятия, посмотрев в сторону приятеля, который скрестив ноги, на манер жителей востока сидел на кровати, точь-точь такой же узкой, что и его собственная, стоявшая по соседству, напротив, занимая почти всё пространство крохотной комнатки студенческого общежития.

– Надеюсь, она меня поймёт... – тихо произнёс паренек, уткнувшись вновь в свой мешок.

– Вин, скажи, а ты сам-то себя понимаешь? Вообще, о чём ты думаешь, покидая академию? В конце концов, подумай о родителях своих, они же так надеются на тебя. Ждут от тебя прилежного учения. Ты разобьёшь им сердце, представь, что им придётся отвечать на вопросы соседей, когда правда о твоём уходе всплывёт?

– Матфей, – вновь был вынужден прервать своё занятие Винченцо. – Пойми, я не могу просто по-другому поступить. Остаться здесь, значит опять стать объектом для насмешек и издевательств. Я вообще не уверен, что смогу закончить академию, но пуще всего, что мне всё это *ученичество* больше неважно. Касательно матери и отца, то я уверен, они поддержали бы моё решение.

– Хорошо, и чего ты этим добьёшься? Что докажешь? Ты думаешь, уважения, своим поступком обретёшь?

– Уходом нет, действиями возможно.

– Ты, что с Луны сверзнулся или реактивов, каких нанюхался? Вин, дружище, что ты задумал? Куда ты направляешься? – воскликнул Матфей, меняя позу, на более привычную – свесив ноги вниз с края кровати.

– В Пьянтуз. – Сказал, как рубанул Винченцо. Чем вызвал новый приступ возмущения приятеля.

– Что? В этот город варваров и запретных усад? Не верю своим ушам! – неодобрительно замотал головой он.

– Ты там бывал, что так заявляешь? – оглянулся через плечо Винченцо, пристально глядя на него.

– Нет, но все говорят и мне этого достаточно...

– А мне нет. На мой взгляд, Пьянтуз свободный город от всяческих предрассудков. Там каждый стоит то чего стоит на самом деле!

– Полный бред! Ты, наверное, наслушался пьяных рассказов от Мархуса. Только он один без конца трепится о Пьянтузе.

– Неважно от кого, – упрямо отмахнулся Винченцо. – Главное я принял окончательное решения и не отступлю от него, как бы ты ни старался разубедить меня не ехать туда!

– А на жизнь зарабатывать, ты, чем собрался? – всё ещё пытаюсь отговорить, его спросил Матфей.

Винченцо пожал тощими плечами, – приду в город, там видно будет...

– Ты написал матушке и отцу о своём решении?

– Нет. Не хочу их расстраивать. Как обустроюсь на новом месте, обязательно им сообщу.

Винченцо подошёл к маленькому шкафчику, укрытому в небольшой нише за умывальником, открыл дверцу и принялся вынимать оттуда разноцветные скляночки и колбочки, аккуратно перекладывая их в свой мешочек.

– Ты выкрал из лаборатории магические препараты? – Матфей вскочил на ноги и быстро приблизился к другу. – Мы ведь только начали изучать их, зачем они тебе понадобились? Ты же всё равно не знаешь, как с ними управляться.

– Сейчас, может быть, допустим, и не знаю. Но я прихватил с собой книгу «Алхимических ингредиентов», думаю, в дороге самостоятельно осилю курс.

– Не верю своим глазам! – Матфей взволновано заходил по комнате, – ты хоть даёшь себе отсчёт, с какими силами играешь? Это тебе, что поваренная книга дядюшки Коктуса? Может быть, тебе просто остокрячила жить?

– Успокойся, я буду осторожен. – Как можно больше прибавив убедительности в голосе заверил друга Винченцо, посчитав нужным упомянуть. – Не забывай, всё-таки я проучился на магическом факультете два года, а это что-то да значит.

– Это означает, что тебе надо остаться и пройти последующие три курса! – в сердцах топнул ногой о деревянный пол Матфей.

– Не могу, – твёрдо ответил Винченцо, в его глазах заблестали упрямые огоньки. – Я принял окончательное решение и не пытайся переубедить меня в обратном.

– Похоже, ты принял самоубийственное решение! – схватившись за голову, вынес свой вердикт Матфей.

– Может и так, но менять я его не намерен.

– Вин, а как же я? Мы же друзья... Попытался привести последний аргумент он.

– Конечно. И мы ими останемся, я в этом нисколько не сомневаюсь, просто так надо сейчас пойми Мат. – Винченцо положил руки, на поникшие плечи друга глядя тому прямо в глаза.

– Ну, что ж, я вижу тебя ничем не разуверить, ты упрям как ишак.– Матфей обречённо вздохнул и снял с шеи серебристый медальон, с изображением совы сидящей на ветке дуба. Протянув другу, он сказал. – На, возьми в дороге, пригодится.

Винченцо не смог скрыть удивления.– Матфей это же подарок тебе от отца на восемнадцатилетие.

– Знаю, не забыл. Но тебе, я уверен и не спорь со мной, он будет гораздо нужнее.

Молодой человек трепетно принял из рук Матфея подарок – оберег, мощный артефакт, служащий защитой его владельца.

– Спасибо дружище.– Расчувствовавшись, поблагодарил Винченцо, обняв приятеля за плечи.

– Да, чего уж там.– Отмахнулся Матфей.– Носи, да смотри не заведи его куда. Знаю я тебя...

Тайные сборы происходили на втором этаже студенческого общежития, что располагался на огромной территории Магической академии, местоположение которой, по крайней мере официально держалось в строжайшем секрете. Неофициально же все знали или кто хотел знать, что она находится в центральной части королевства ближе к его восточным окраинам недалеко от « Богемских болот», мест странных и загадочных. Сама же академия являлась единственным законным местом, где разрешалось обучаться магии и чародейству. Те, кто доживал, пардон проходил полные пять курсов до выпуска становились счастливыми обладателями диплома, позволявшим им устраиваться на работу по специальности. Всего училась в ней неизвестное количество людей, но по представлениям самих студенов сумма варьировалась от сотни до тысячи. Всё зависело, как, наверное, вы догадались сами, от колдовства. А именно по имеющейся информации в академии постоянно проводились какие-то опыты, причём часть, связанная с размножением двойников. Поэтому всегда сложно было подсчитать точное количество проходящих сквозь стену, летающих на метле, растворяющих и вновь появляющихся во мгле, а также сгоравших в пламени и восстававших из пепла будущих чародеев.

Винченцо не хотел привлекать к себе излишнее внимания. Поэтому дождавшись, покуда на мир опустится царица ночь и академия погрузится в беспокойный сон, он только тогда, вышел из комнаты в сопровождении Матфея. Последние уговоры друга, как прежде не возымели действия. Недоучившийся маг, был твёрд, словно кремень усиленный магической скорлупой.

Незаметно покинув спальный корпус, они, держась, тени, прошли тенистой аллеей старенького парка, к заброшенным воротам считавшимися запасными. Винченцо не мудрствуя лукаво, облачился в лёгкий плащ накидку «цвета пыли дорог», излюбленного верхнего одеяния странствующих магов, согревающего в морозы и дарящего прохладу в жару. Под ним находилась тонкая сорочка белого цвета, приличествующая скорее параду, нежели утомительному дальнему переходу. Узкие суконные штаны, он заправил в короткие ботфорты. И, по мнению Матфея, имел вид командировочного мага-подмастерья, пустившегося вперёд мастера, дабы подготовить ему место дислокации. Вин не стал возражать против такой формулировки.

Друзья молча подошли к высоким арочным воротам выполняющие последние пятьсот лет роль чёрного входа. Рядом с ними рос величественный дуб, чей возраст, согласно хроникам академии исчислялся тысячелетиями. Его посадил, согласно, тем же летописям, первый ректор, архимаг Даниил Магниус.

Винченцо подошёл к дереву и провёл рукой по грубой, истрескавшейся от времени сухой коре.– Прощай старина, мне будет тебя не доставать.

Грустно произнес он, вспомнив, как много раз сидел укрытый его тенью, читая разного рода литературу или же просто отдаваясь мечтам. Словно услышав и поняв не сказанное вслух, дуб мелодично зашелестел листвой, как бы выражая печаль расставания.

– Не забудь написать, как доберёшься до Пьянтуза.– Матфей, тоже приблизился и похлопал рукой по толстому в налёте лишайника стволу. Они оба любили это дерево и это спокойное уединённое место, бывая не единожды здесь вместе.

– Обязательно напишу. Это будет моё первое дело, которое я совершу, приехав туда.– С серьёзным видом, будто пребывая на присяге, пообещал Винченцо.

– Может, что-нибудь передать Марьяне? – не зная, как дальше быть и что сказать мялся на месте Матфей.

– Нет. Я оставил ей письмо. Надеюсь, она меня поймёт...

– Зря, ты так поступаешь.– Понуро буркнул неожиданно лишившийся друга Матфей.

– Мат, давай больше не будем на эту тему. Хорошо? Я принял решение и поверь, оно мне далось очень не просто. Может я, совершаю ошибку и буду сожалеть всю оставшуюся жизнь потом, но и, не предприняв сейчас ничего, вполне вероятно никогда не прошу себе этой слабости.

– Эх, Вин, Вин, – покачал головой друг, – наведаеть, ты сам что творишь...

Где-то далеко позади, послышались гневные причитания Мархуса. В тон ему потягивала собака.

– Снова наш пройдоха костерит, Найду.– Усмехнулся Матфей, – наверное, опять вылакала всю его скрутиловку.– И тут же в подтверждении его слов раздалась гневная тирада.

– Уж, я тебя каналья закондирую! Завтра, прямо с утра пойду к декану Мерзапакусу, он тебя мигом отучит тырить чужое пойло!

Негодовал ночной сторож, ругаясь на местную достопримечательность, дворняжку, прибывшую к академии ещё в прошлом веке и продолжавшей и поныне здравствовать не иначе как магии благодаря, вести активный образ жизни присущей более, годовалой сучке, нежели почтенной животине пережившей давным-давно собственную смерть. Возмущался Мархус довольно осторожно, делая это так чтобы, не разбудить, нет, не учительский корпус, те спали всегда, как убитые и даже не нервных студентов, беспокойно ворочавшихся в своих тесных кроватях, и видящих кошмары провала экзаменов. Больше всего на свете сторож опасался потревожить, поварской штат. Потерять расположение людей, от которых, напрямую зависело благосостояние собственного желудка, ровнялось катастрофе вселенского масштаба.

– У тебя деньги есть? – внезапно спохватился Матфей.

– Конечно.– Слегка замешкался с ответом, кивнул, довольно неуверенно, как на взгляд друга Винченцо.

– Позволь узнать, сколькими динариями ты обзавёлся? – не отставал приятель.

Молодой человек немного смутился, таким вопросом в лоб, но всё же после непродолжительной паузы промолвил.– Четырьмя динарами и еще, сколько там медяками.– И тут, же поспешно добавил, – но деньги, не проблема, главное добраться до Пьянтза, там заработаю.

– Узнаю своего друга. Такой же наивный и беспечный.– Добродушная улыбка заиграла на открытом лице Матфея, делая его совсем юным.

– Просто, деньги для меня не самоцель в жизни.– Попытался замаять большую тему Винченцо.

– На, держи, – Матфей протянул кожаный мешочек, стянутый тесёмкой.

– Что это? – не веря собственным глазам, воскликнул Вин.

– То, что поможет тебе питаться не одними травами да сухарями.– Заявил Матфей, буквально всучивая в обмякшую руку друга кошель набитый полновесными динарами.

– Нет, извини, но я не могу принять от тебя.– Попытался сунуть обратно деньги Винченцо, хотя и зная, что родители Матфея происходили из знатного рода, в отличие от его собственных, что были обыкновенными фермерами, и нисколько не нуждались, всё же взять денег с друга он, никак не мог себе позволить.

– Бери, давай. Разбогатеешь, потом вернёшь. Не хватало, мне ещё переживать, что ты от голода загнёшься по пути в Пьянтуз. Дорога, знаешь не близкая, если на то пошло лучше всего тебе было бы подождать пару недель, а там поехать на почтовом дилижансе.

– Слишком, долго.– Отрицательно замотал головой Вин.

– Что ж, в таком случае тебе виднее.– Не стал спорить друг его.– Но деньги всё же возьми, я настаиваю и не отпущу тебя, если ты их не заберешь с собой.

– Спасибо Матфей, дружище. Спасибо тебе за всё! Ты настоящий друг!

Глаза Винченцо вдруг начало щипать, от нахлынувших на него чувств. « Ещё немного и я разрыдаюсь», пронеслась у него мысль в голове. Он не хотел, чтобы кто-то, даже пусть и лучший друг видел его в таком состоянии.

– Да, чего уж там, мы ведь друзья, не забывай об этом.– Матфей тоже пребывал в смешанных чувствах.

– Я никогда этого не позабуду. Поверь мне.– Обнявши крепко своего друга расчувствовавшись, вымолвил Винченцо.

Друзья замолкли. Переживая, каждый по-своему расставания. Матфей, привыкший за два года к соседу по комнате и парте, чувствовал некую опустошенность, будто неотъемная часть него самого покидала своды академии. А Винченцо, сожалел, что приходится оставлять своего единственного за восемнадцать лет жизни друга. И ещё, хотя он и не мог признаться, самому себе, что в глубине души, сомневается в правильности совершаемого поступка, и даже страшиться его. Но жребий был брошен и он не собирался отступать и медлить.

Они несколько минут стояли молча без движения, слушая негромкие отголоски ругательств Мархуса, уханье филина вылетевшего из своего дневного укрытия на ночную охоту, лёгкий трепет кроны, впитывая последние мгновения, отмеренные до того момента, когда их дороги разойдутся. Навсегда, ли? Он хотел надеяться, что нет.

– Ну, что пора.– Первым нарушил гнетущую прощальную тишину Винченцо.

– Удачного тебе пути. Пусть Мирус тебя хранит.– Похлопал его по плечу Матфей.

– Спасибо Мат. Смотри, ты-то не забрасывай учёбы.

– Куда я денусь Вин. Предки меня с потрохами съедят, если я не закончу академию.

Друзья привычным плавным движением поклонились друг другу, затем крепко пожали руки. Хорошо, что мы стоим в тени, подумал Винченцо, ему не хотелось, чтобы друг заметил растерянность, нарисованную на его лице, которую, хотя он и не мог видеть, но явственно ощущал. Больше ни говоря, ни слова, он закинул на плечо походной холщовой мешок и деланным уверенным шагом прошёл сквозь арку ворот.

Рассвет Винченцо встретил в пути. Огненный диск солнца, показавшийся на востоке горизонта, неприятно ожёг воспалённые, из-за бессонной ночи глаза сбежавшего студента. Он по природе своей являлся жаворонком, и привык в тёмное время суток, сладко посапывать на кровати, а не накручивать мили на уставшие ноги. Даже будучи приглашённым на вечеринки (что произошло всего одним единственным разом, когда в честь зачисления в академию, новоиспечённые студиясы решили отметить это событие походом в кабачок), Винченцо отказался, предпочтя застолью, крепкий здоровый сон. И, тут, в общем-то, ничего не было удивительного или предосудительного. Люди в сельской местности с наступлением сумерек, как правило, ложились спать, но зато подымались с первыми петухами. А Винченцо всю жизнь прожил на ферме у родителей и не посети их захудалый хутор, бывший проездом маг Сантос, что заприметил в скромном нескладном паренёчке способность к волшебству, так бы он, и поныне пребывал там, выращивая фасоль и кукурузу.

У Винченцо засосало под ложечкой, припомнив, какой вкусный пирог из кукурузной муки пекла его матушка. Большой, румяный, только из духовки ещё пышущий жаром. Он никогда не мог утерпеть, чтобы дожидаться покуда пирог остынет, и ел его всегда горячим, рискуя обжечь себе губы и рот. Начинённый ягодами абрикоса или вишни, он неизменно удив-

лял вкусом и занимал почётное первое место в праздничном меню его семьи. Сейчас, то время казалось немислимо далёким. Чем-то навроде далекого забытого сна. И, это было на самом деле так, Винченцо более не представлял себя за плугом, молотилкой или заготовкой на зиму сена. Нет, он, конечно, планировал вернуться обратно, но уже совсем в иной ипостаси. Совершенно другим человеком. И уж конечно никак не в статусе недоучившегося студента.

Упоминание об академии, острой иглой пронзило сердце. Молодое горячее сердце, никак не могло смириться с неизбежностью расставания с местом, вставшим ему, по сути, вторым домом. Местом, где он обрёл друга и встретил первую любовь. Но, тут же, следом всплывали и другие образы и лица, терзавших его душу, несмотря на огромные прилагаемые усилия по «придушиванию» оных.

Упрямо не шли из головы обидные слова, насмешки, что в изобилии награждали его сокурсники. Он, никак не мог взять в толк, почему все измываются именно над ним. Да, он признавал, что слегка не собран, простоват, не так успешен в магии, как некоторые другие. Но, всё же не один он такой, были и другие ни чем не лучше, а то и глупее, рассеяние его. Но, что обиднее всего, довольно часто сами наставники бросали в его сторону едкие колкости. Что говорить деревенским всегда труднее приходится пробиваться «наверх», чем жителям больших городов. А городские существенно превалировали над сельскими в академии, и дело было тут вовсе не в предпочтении брать в обучении жителей второй категории. Всё гораздо проще в городах попросту проживала большее количество людей, нежели в сёлах и деревнях и объехать всех их порой просто не представлялось возможным.

Впрочем, теперь уже всё равно. В который раз в течение пяти-шести часов проведённых в пути напоминал сам себе Винченцо. Теперь эта история, которую он выкарчует жёсткой, сильной рукой, вписав в неё новые рядки, где не будет места слабости и неуверенности.

Винченцо гадал про себя, кинутся ли вдогонку за ним и как скоро это произойдёт, если конечно вообще его станут разыскивать. Он загодя уже продумывал наперёд, как станет прятаться, завидев позади себя столбы поднимаемой пыли, пущенной в след погони и как он будет скрываться в овраге, пережидая, покамест они проскачут мимо.

Или же наоборот воображение рисовала, как его униженного, в путях привезут обратно в академию, как станут над ним там потешаться студиозы, надменно тыкать пальцами профессора, смеяться девчонки. Он представил Матфея, печально качающего головой, показывая всем своим видом, « – Я же предупреждал ненужно этого делать». Но пуце всего он опасался упасть в глазах Марьяны. Вот уж действительно, лучше было вообще сгнуть, чтобы не видеть застывшее на прекрасном лице горькое разочарование.

Но время шло, бывший студент всё дальше удалялся от стен академии, а признаков погони на горизонте так и не появлялось. Не велика потеря! В сердцах восклицал он, « мой уход, наверное, и не заметил никто, а если и заметили, то втихую посмеялись над неудачником, что ж пусть на них». Он пытался запретить себе думать об этом, но всякий раз мысленно возвращался обратно, словно наяву видя ухмыляющиеся лица студентов и преподавателей, скалящих зубы и тыкающих на него презрительно пальцами.

К вечеру он окончательно выбился из сил, зной, и не малое расстояние, пройденное на своих двоих, сказывались на нём, да и аппетит изрядно разыгрался. « Всё привал», сам себе скомандовал Винченцо, « на сегодня хватит маршировать». Заприметив невдалеке от дороги гладкий валун, серым пеньком, торчащим из высокой травы, он потащился к нему.

Нагретый за целый день камень оказался весьма удобным сиденьем и заодно столом. Скатертью ему послужила небольшая суконная тряпица, разложенная на шероховатой поверхности камня меж раздвинутых колен. Бережно извлёкши из походного мешка узелок, он принялся выкладывать нехитрый паёк: маленькая головка сыра, сухари, луковица и несколько морковок. Ещё одна привычка, оставшаяся с прошлой жизни – непременно присутствия

в рационе фруктов и овощей. Винченцо поморщился и отложил морковь и лук в сторону. Раз, предстояло начать новую жизнь – придётся отказаться от всех былых привычек.

Он испил из пузатой фляги воды, и взял сухарь. А в студенческой столовой сейчас, наверное, подают, маисовую кашу с котлетами, тушеными овощами и вся эта аппетитная стряпня запивается абрикосовым взваром. Винченцо испустил тяжёлый вздох, потянувшись к головке сыра, отщипнул от него кусок и чтобы отвлечься, принялся созерцать округу.

Засеянные пшеницей поля по обе стороны дороги наливались золотом. Вдалеке виднелись лопасти ветряных мельниц. До жатвы оставалось совсем ничего, и, судя по всему, урожай в этом году обещал быть, если не богатым, то вполне приемлемым, чтобы перезимовать хватило. Земли Бурляндии славились своим чернозёмом, мягким климатом, что естественным путём откладывалось и на количество урожая, так и на его качество. Винченцо помнил, какие крупные, сочные плоды приносил их сад, каждый год.

Высоко в безоблачном небе кружился ястреб, высматривая жертву, зазевавшуюся полевую мышь или какую-либо другую мелкую живность, не осмотрительно появившуюся на открытом месте. Как бы и ему сейчас хотелось, вот так взять и взмыть, полетев в голубую безбрежную высь. Ощущая себя свободным, безмятежным. Врезаться со всего разгона в ватные облака, зарыться в них, как в снежные сугробы, лепить из них комки и перебрасываться с Марьяной. Ах, милая души Марьяна! При упоминании имени зеленоглазой с чёрными смолистыми волосами до плеч девушки, сердце Винченцо тоскливо защемило. Только, сейчас, он в полной мере начал ощущать, как будет не хватать ему её чистого, как родникового ручья голоса, длинных, всегда удивлённо приподнятых ресниц, их совместных прогулок. Он зажмурился, подставив лицо под тёплые лучики клонившегося к горизонту солнца, и вспоминал, уже в который раз прокручивая то, несомненно, единственное счастливое событие после поступления в Магическую академию, произошедшее с ним пару лет тому назад.

Они, познакомились после первого месяца учёбы, при, весьма курьёзных обстоятельствах. Профессор магических конструкций и сетей Хуан Капец оставил Винченцо после уроков, в наказание за недостаточную внимательность, проявленную в ходе, какого-там эксперимента. Как, зачастую бывает, поручив работу ученику, препод ретировался по своим неотложным делам, оставив его одного наедине с мыслями ведром и шваброй. Елозя тряпкой полы лаборатории, натирая до блеска реторты и колбы, он так увлёкся, что не заметил, как внутри помещения впорхнула посетительница.

Какой же вышел конфуз, когда несчастный Вин, драя тряпкой по разноцветным из-за пролитых на него растворов каменным плитам, уткнулся в чьи-то довольно привлекательные ножки. Вскинув от неожиданности удивлённые глаза, он резко дёрнулся вверх, зацепил и приподнял древком швабры край тёмной юбки, стандартной униформы для девочек – чародеек. Поперхнулся от увиденного, зажмурился и застыл, как статуя. До сих пор, вспоминая тот курьёзный случай, Винченцо, краснел, как спелый помидор. А, тогда стоя в пропавшей магическими ингредиентами лаборатории, он готов был провалиться сквозь землю, умереть со стыда или превратиться, (если бы конечно умел), в мушку и улететь куда подальше и вовек не возвращаться. Таково было его сильное смущение, что казалось, вот-вот и под ним развернуться каменные плиты, поглотив нечестивца, более того представившись, такая возможность, он бы сам добровольно сиганул туда. Но, вместо справедливого возмездия, он услышал звонкий мелодичный смех, отдающийся в душе радостными, греющими душу колокольчиками. Не до конца осознавая происходящее, Винченцо расцепил створки век, перед этим, крепко сомкнув их, когда глазам представилась картина кружевного нижнего белья девушки. Только сейчас он сообразил, что по-прежнему держит в руках швабру цеплявшую юбку. Кляня свою растяпость, он поспешил бросить её на пол, будто в руках у него находилось вовсе не круглое отполированное тысячами рук древко, а гремучая опасная змея.

– Тебя так мои ноги испугали, что ты с такой силой швырнул своё орудие труда? – продолжая смеяться, совершенно беззлобно, спросила его незнакомка.

Он продолжал истуканом молча стоять, точно набрав в рот воды, словно не слыша вопроса, не зная как ему поступить и как быть дальше. Винченцо конечно слышал, что городские девушки, более раскрепощенные, нежели деревенские и ведут себя гораздо рискованнее. Но одно дело слышать, а другое дело видеть собственными глазами и к тому же быть непосредственным участником диалога с ними, как вот с этой незнакомой ему девицей. Как и что отвечать, он попросту не знал, пребывая в полном ступоре.

– Что с тобой? Ты приведение профессора Кислотууса увидел что ли? – прыснула, забавляясь его смущением и робостью молоденькая магичка.

Винченцо как сомнамбула, пребывающий во сне, разлепил уста, едва выдавив из себя.– Простите синора, э...

– Марьяна, – подсказала девушка, видя титанические усилия над собой паренька.

– Синора Марьяна, – еле ворочая языком, сбивчиво произнёс Вин.– Прошу прощения у вас, я, это, как его, не заметил вас и, клятвенно заверяю, совсем не хотел делать, того, ну, то есть того что вышло, я правда сам не понимаю, как такое случилось...

– На самом деле ничего страшного не произошло. И вам незачем так волноваться синор..? – чародейка многозначительно вскинула правую бровь, но, увидев в глазах смущённого собеседника один туман, закончила вопрос.– Может, вы представитесь?

– Винченцо Хлюпс студия первого курса, прикладной магии.– Заучено протараторил он как на уроке.

– Ответьте мне синор Хлюпс, вы всегда знакомитесь с девушками, таким, хм, я бы сказала оригинальным способом?

«Знакомитесь?» Сердце молодого парня забилося, как пойманная канарейка в силки. Он и в мыслях не допускал, что может вот, так запросто познакомиться с такой привлекательной синорой. Хотя он и сам, по идее причислялся к касте избранных, но, всё же существовала незримая грань разделяющая, знатных или потомственных магов на прочих не имевших ни богатых родителей, ни связей в высших кругах. А, Марьяна, судя по дорогой бархатистой ткани платья, не иначе, как специально пошитым на заказ имела и первое и второе.

– Нет, – выдохнул, смущаясь и краснея, Вин.

Девушка вновь захихикала, – какой же вы смешной синор Винченцо.

– Отчего, же? – искренне удивился юноша, не понимая, что такого смешного успел ляпнуть.

– Ну, не знаю смешной и всё! К тому же весьма забавный...

Он не знал, как воспринимать слова Марьяны, что это добрый знак или она просто смеётся над его неуклюжестью? По правде говоря, ранее он вообще с девушками не общался. Предпочитая прочему всему книги, свитки. Ну, конечно был Матфей, паренек, деливший с ним комнату, но это всё другое. Девушка, тем временем продолжала щебетать.

– Ничего, если мы перейдём на «ты»?

– Как вам будет угодно синора Марьяна.

– Мари, называй меня. А, я тебя буду Вином, договорились?

– Да, синора Марья... он запнулся, сглотнул и поправился, – хорошо Мари.

– Вот, и ладненько, а теперь Вин ты не скажешь мне, где мой дядюшка?

– Это кто? – вопросы Мари постоянно заводят меня в тупик, про себя невзначай отметил Винченцо.

– Дон Хуан Капец.

– Это твой дядя? – не сдержавшись, воскликнул юноша.

– Ты удивляешься? А, что тут собственно такого?

– Ну, как! – поразился Вин, – он, же маг, а люди связанные с волшебством не заводят семьи. Я слышал, это немагинистически... Правда, Вин, сам не до конца понимал суть данного определения, но как-то обедая в столовой он подслушал разговор двух старшекурсников. Один из них, толстенький и носящий пенсне, будущий, не приходилось сомневаться чародей, авторитетно заявлял, что семейные отношения губительны для магии, постоянно вставляя этот непонятный, но громко звучащий термин. Позже, Матфей объяснил ему, что слово немагинистически – обозначает не совмещённый с магией факт.

Марьяна хмыкнула.– А, у него и нет собственной семьи. Он брат моего отца.

– А, тогда понятно... – протянул Хлюпс и вновь замолк.

– Так, где он? – нетерпеливо повторила вопрос Мари.

– Не знаю, сказал, что надо отлучиться по неотложным магическим делам.– Прямаялил в ответ Вин.

– Ясно, наверное, опять в «умника» режется.– Наморщила носик юная магичка.

Винченцо, поперхнулся, сказать такое об уважаемом профессоре значило верное отчисление или суровое наказание.

– Ну, да ладно поищу его в другом месте.– Девушка напоследок ещё раз окинула взглядом тёмную лабораторию, шкафы заваленные всевозможными ёмкостями, различной формы и назначением, верстаки, которые судя по их, крайне удручённому состоянию перенесли не одну магическую атаку, на провинившегося студента, чья простецкая внешность абсолютно не вязалась с обстановкой комнаты. Улыбнулась и произнесла напоследок, – не скучай Вин, ещё увидимся.-

Как оказалось, чуть позже, Марьяна училась на соседней параллели. Академия имела строгое различие классов на юношей и девушек. Слыла красавицей и очень умной перспективной чародейкой. Сей, факт придавал дополнительные поводы, для гордости от знания, что Марьяна водила дружбу с ним – простым, с самым, что ни на есть, заурядным студентом. Любил, он её? Ответ на вопрос был давно дан – ДА! Он полюбил её, как только впервые заглянул, нет, не в то место, в которое можно было предположить, а в зелёные с озорными искорками глаза. Заглянул и потонул в них с головой. Любит, ли она его? Тут можно было поставить жирный знак вопроса. Винченцо никогда не признавался в своих чувствах, даже с Матфеем он на эту тему не откровенничал. Как и не пытался поговорить о чувствах с Марьяной. Они просто общались, делали вместе уроки, гуляли, иногда к ним присоединялся Мат. Это незабываемое время навсегда отпечаталось в сердце Вина. Так счастлив он никогда не был. И, прежде чем покинуть пенаты академии, он долго и мучительно размышлял. Мари являлась той тонкой, но прочной связующей ниточкой, что удерживала его от столь решительного шага...

Его воспоминания бесцеремонным образом были прерваны громким хрустом с последующим чавканьем. Винченцо, проведшего в дороге всю ночь и почти весь день, заметно разморило, так что он не сразу сумел сориентироваться в происходящем всё ещё витая в приятных воспоминаниях. С трудом, сфокусировавшись на настоящем, он с удивлением обнаружил всего в каких-то двух шагах от себя серого всамделишного волка, что с аппетитом присущим этим хищникам поедал, его, и это было самое удивительное морковку. Ему никогда не приходилось, ни слышать, ни тем паче видеть собственными глазами, чтобы волки питались подножным кормом.

«Уж не провалился я ненароком в сон?». Никак не мог взять в толк он и даже попытался, не делая резких движений, на тот случай ежели это таки не сон, дабы не спровоцировать волка на атаку, ущипнуть себя. Боль, последовавшая за этим, засвидетельствовала, что он бодрствует и вовсе не грезит наяву. Вин хоть и был недоучкой, но всё же причислял самого себя к учёному роду и раз свидетелем такого необычного феномена ему довелось стать, он попытался дать разумное объяснения всему этому. Вот только ничего научного как назло ему сейчас в голову

не спешило приходиться, кроме мысли, что рядом с морковкой он клал и головку лука, сейчас её там не наблюдалось. Неужели он и его слопал? От удивления у Вина открылся смешно рот.

– Смотри, муха залетит в рот.– Волк отвлёкся от трапезы и немного отбежал назад изучающе, так по-человечески глядя на него.

Вин нервно замотал головой по сторонам. Кто, это с ним так шутит? Он ухватился за висящий на шее оберег подаренный Матфеем. Рядом никого не было. Невысокая колосившаяся пшеница на поле невдалеке не могла скрыть присутствия человека. – Что, за драковщина творится здесь, – прошептал он и тут же неуклюже сверзился с камня.

Волк отпрянул ещё дальше, видя, как в его сторону валится Винченцо.

– Ох! – воскликнул маг-недоучка, больно ударившись локтем о каменистое основание валуна.

– Ты я смотрю парень экстримал. Такие кульбиты выделываешь!

– Что? – Вин, забыв о боли, воззрился на грозного хищника, который как-то не производил впечатления опасного, – это ты со мной говоришь, что ли? – попытался завязать диалог Вин, совершенно сбитый с толку.

– Парень, у тебя, что проблемы со зрением? Ты видишь здесь ещё кого-нибудь кроме меня?

Серый уселся в траве. Всем видом своим, показывая, всё, что он думает о глупом человечке, валяющимся в растерянности на земле.

– Не вижу. Но, ты же волк и разговаривать по-человечески никак не можешь.

– Вот тут маленькая поправочка, я не волк.– Гордо задрал голову, веско заявил волк, который по собственному заявлению им не являлся.

– Кто же ты в таком случае? – попытался Вин собрать в кучу разбежавшиеся в разные стороны мысли.

– Я индивидуум! – гордо отчеканил он не меняя позы и выражения морды.

– Чего? – У Винченцо отвисла челюсть, он забыл про страх, облокотившись спиной к валуну.

– У тебя приятель проблемы ещё и со слухом?

Волк демонстрировал то ли презрения, то ли превосходства своё над ним. Только Вин чётко видел, как пасть хищника открывалась, исторгая человечески слова.

– Как, как ты можешь говорить? – не веря собственным глазам, да и ушам тоже, вырвалось у студента-недоучки.

– Как и ты приятель. Как и ты.– Невероятно, но волк усмехнулся вполне человеческой улыбкой, если так можно было выразиться.

– Я другое дело – я человек.– Попытался аргументировать Винченцо свою мысль, – я родился таким, в моей природе разговаривать в отличие от твоей. Звери лишены голосовых связок, как у людей, они возможно общаются с собой подобными, но никак не с людьми и тем более на их языке, такого просто не может быть! Это невероятно, что я слышу! Я, наверное, сошёл с ума или брежу.

– Я индивидуум.– Упрямо повторил волк, демонстративно выпятив мохнатую грудь, и даже стукнул по ней лапой.

– Это совсем не объясняет, почему ты умеешь говорить...

– Бред! – фыркнул волк, – кто тебе сказал такую глупость?

– Это все знают.– Немного неуверенно произнёс Винченцо, – у волков по-другому устроена гортань.

– Это ещё ничего не обозначает. Ты, что проверял, заглядывал каждому четвероно... Серый немного поперхнулся, – индивидууму, проживающему в лесостепи внутри?

– Мы проходили в академии курс «Природаобращения», и там демонстрировались чучела всех известных науке животных. Так, вот ничего подобного у них не обнаружилось.

– Фу! Какая мерзость! Так, издеваться над, ни чем не повинными жив... индивидуумами.– Возмутился волк, не являвшийся по собственным заверениям им.

– Мы, не издевались, а изучали... – оправдываясь за всю науку и аутопсию в частности, произнёс Вин, медленно поднимаясь на непослушные ноги.

– Всё равно! Я не думаю, что вы спрашивали разрешения у них на вскрытие.

– Нет, конечно, ведь они животные.

– И, поэтому с ними можно делать всё, что угодно? – его странный собеседник вскочил на четыре лапы.

– Ну, я не знаю... – Винченцо был сбит путаной логикой волка, который вдруг начал говорить человеческим языком.

– Неужели все люди такие безмозглые, как ты? Я был, гораздо лучшего мнения о вашем роде... Серый разочарованно опустил голову.

– Ты, что и вправду говорящий? – Вина продолжали терзать сомнения по поводу собственного психического здоровья.

– Нет, только притворяюсь! – теперь в голосе хищника питающегося овощами сквозил неприкрытая ирония.

– Чудеса, да и только. Вот бы слышала тебя сейчас Мари, как бы удивилась...

– Кто это такая будет?

– Моя хорошая подруга. Мы учились с ней. Она будущая чародейка.

Волк осторожно покосился на внезапно преобразившегося Вина при упоминании какой-то Мари. – Что, настоящая магичка, и может делать, как эти превращения? – взволновано поинтересовался вдруг волк.

– Сейчас, покамест, наверное, ещё нет, неуверенно замялся бывший студент, – но со временем, я думаю, обязательно научится. Она очень умная и способная.– Гордо вскинув голову, заключил он.

– А, ты тоже, из колдунов будешь? – было видно, что волку далеко не безразлична эта тема.

– Не колдун, а маг или чародей, надо правильно говорить.– Счёл необходимым внести поправку Винченцо.– Отвечая же на твой вопрос, скажу не совсем, как бы это выразиться поточнее, – он задумчиво потер рукой ещё пушком покрытый подбородок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.